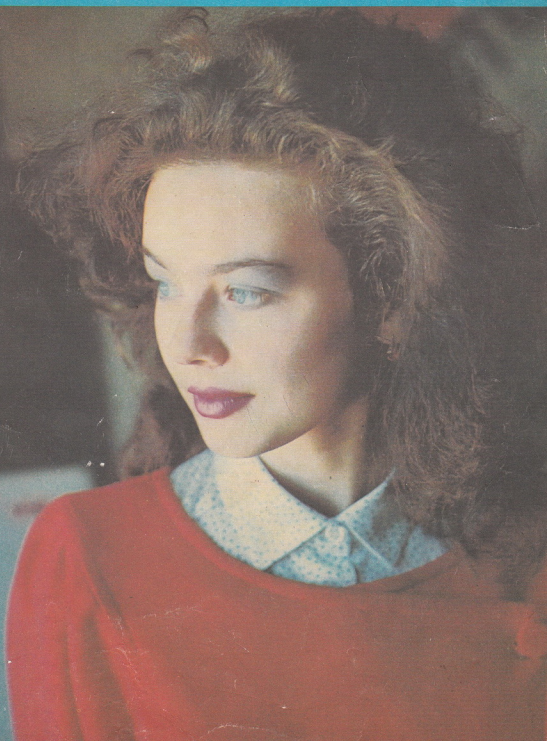

СТМ

Студенческий меридиан

Дорогие друзья!
У вас еще есть шанс успеть подписаться на журнал. Если, конечно, вы поторопитесь. Помните: 30 сентября — последний срок. Надеемся на встречу с вами и в следующем году. Наш индекс — 70932.

Лариса Хаманцева — студентка 4-го курса Фрунзенского политехнического института. Фото С. Кулецова

ФОТОРЕПОРТАЖ

Ферганский педагогический

«Ферганский государственный педагогический институт имени Улугбека, как и все высшие учебные заведения, переживает ответственный этап перестройки».

Из рекламного буклета об институте

Ректор был в отъезде, а его заместитель, как только меня увидел, заявил, что у него уже закончился рабочий день, и вообще он сильно занят, и посоветовал обратиться в партком...

К счастью, секретарь партийной организации института Таджигин Мамурзакович Мамурзаков согласился меня принять. Вот что он рассказал:

— Учатся у нас представители 28 национальностей, преоб-

ладают узбеки и таджики — до 70%. Преподавание в институте ведется на русском и узбекском языках. На 10 факультетах обучается 8092 студента. Занятия проводятся в 7 учебных корпусах.

Пытаемся организовать свободное посещение. Два года проводили эксперимент на физическом факультете. Но это, на наш взгляд, расколаживает студентов.

Были попытки ввести самоуправление. Но студенты, как выяснилось, не могут без опеки и с самоуправлением не справляются. Практически они сейчас принимают участие в распределении стипендий и мест в общежитиях. В то же время об-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СтМ
Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года. 1989, № 9, 1—80.

Главный редактор Юрий Ростовцев

Редколлегия:
Георгий Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Суятинов,
Илья Толстой,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский

Главный художник А. Архутки

Художественный редактор К. Кухтин

Технический редактор Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 27.06.89. Подл. в печ. 04.08.89. А04898. Формат 70 × 100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 1 100 000 экз. Заказ 201. Цена 30 коп.

Орден Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Сувецкая ул., д. 21. © «Студенческий меридиан», 1989 г.

Секретарь комсомольской организации института Бахтиёр Ширматов

Студенческий профком

Ансамбль «Николя» кафедры узбекских народных инструментов — руководитель Рахимов Турсун Бабаджанович

щежитий не хватает, и около 700 человек снимают квартиры. А вообще особых проблем нет...

Несмотря на столь оптимистичное заявление, проблемы обнаружались, как только я вышел из кабинета.

На музыкальный факультет сокращен прием приезжих. Если обычно набирали группы по 25 человек «со стороны» и 25 человек коренной национальности, то вот уже третий год идет набор только в национальные группы.

— На факультете НВО (подготовка военруков), — рассказали нам преподаватели политэкономики Дегтярева Нина Николаевна и Юсупов Игорь Ильич, — студенты написали в партком и ректорат письмо о том, что хотят глубже знать политэкономии, но сделать это могут только на узбекском языке. Они дошли до третьего курса, но среди них немало ребят, которые русского языка практически не знают...

Надеюсь, наши читатели из всех республик страны не сочтут корреспондента журнала эдаким махровым русским шовинистом, требующим отмены преподавания на национальных

Студентки факультета русского языка и литературы Шахинуза Ахрарова и Зилия Графудинова на уроке «Введение в языкознание»

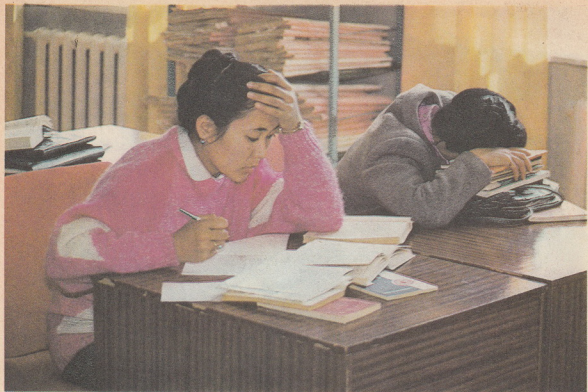
Мамура Халтаджиева, студентка 2-го курса группы «А» музыкального отделения исторического факультета

языках. Ничего подобного! Но, согласитесь, полноценного высшего образования, не обладая знанием русского языка (а лучше еще и английского, французского, немецкого, — но это пока что несбыточная мечта, и потому не будем говорить об этом), получить просто невозможно. К тому же русский является в нашей стране языком межнационального общения. Незнание его это общение разрывает.

Есть, конечно, и другая беда: искусственное ограничение национального.

— Не знают студенты и истории своей республики, — говорят преподаватели. — Дело в том, что этому предмету не придается такого значения, как, скажем, истории КПСС. А судьба узбекского народа не менее волнующа, загадочна, нежели история древней Месопотамии...

*Занятия в читальном зале
института*

В последнее время в республике обострилась женская проблема. В Андижане, например, были случаи избивания девушек-узбечек. Причина: волосы короткие, платье не национальное, кофта с коротким рукавом. Происходили самоожожения девушек, которые не хотят оставаться в плену средневековых традиций, обычаев. Об этом даже в центральной прессе писали...

Вот уже четыре месяца пытаемся организовать КВН. Вроде есть небольшая инициативная группа, но никак, никак не можем преодолеть непонятных каких-то препятствий... Или взять наш политклуб «Аргумент». Студенты идут сюда неохотно. Возможно, и мы тут не на высоте, но скорее дело в том, что студентов мало интересуют проблемы, выходящие за рамки сдачи очередной сессии.

— А чем занимаются ваши студенты сейчас, в общежитии?

— У них по четыре пары каждый день. Это значит, занятия до 16.30. Пока придут в общежитие, пока поедят — буфетов и столовых в общежитии

На кухне общежития

Так живут студенты...

нет или они очень плохие, — дело к семи часам. В общежитии даже, бывает, телевизоры не работают. Чем они заняты? Чай пьют.

Вообще у них нет условий для нормальной работы! Нет библиотеки в общежитии, нигде готовиться к семинарам. Правда, есть «уголки» для занятий — но там одна лампочка из трех горит, стул один на десять столов, политическая литература — 1—2 пыльные книжки. Вот вам и «уголок!» Как тут заниматься? Конечно, что-то делается, но в целом — очень сложно. Наворочено годами. Мы очень часто говорим об экономических проблемах, у ребят — почти у всех — в душе боль за судьбу своей земли. Беды здесь накопились, как, пожалуй, ни в одной республике... И постоянно этот хлопок, хлопок. Мы были на хлопке с ребятами. Кто поопытнее, те респираторы с собой привезли. Мы не надевали, так, можно сказать, все эти дни травились. Ведь хлопок обрабатывают химическими веществами, и здоровье резко ухудшается, и кашель душит...

Вот такой получился разговор... А когда я уходил, мне подарил тот самый рекламный проспект: «...Откликнувшись на обращение ЦК КПСС к советскому народу, коллектив института активизировал свою работу...»

Сергей Кузнецов
Фото автора

Хватит «баду пинать»

Высшее образование у нас пока не всеобщее, так зачем же держать лодырей — людей, явно не желающих учиться?!

У меня в зачетке за три семестра один пятерки, но я не горжусь ими. Не так уж тяжело они достаются. На фоне студентов моей группы (да и не только моей) считается знающим нетрудно. Я с тревогой замечаю, что в школе учиться было гораздо труднее и интереснее.

В голову все чаще приходит мысль: может, стоит высшее образование сделать платным (хотя бы на первом курсе), — тогда не будут студенты (я имею в виду случайных) из года в год безнаказанно «баду пинать».

Может, при платной системе образования выбор профессионального поприща будет посерьезнее? Да и уровень преподавания станет выше, наверное...

А пока «кормить» страну будут мои сокурсники. Зачем же далеко искать причины падения урожая, повышения токсичности овощей, появления все новых болот и солонцов, сокращения посевных площадей, а в итоге — жаловаться на пустые магазины?!

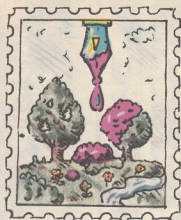
Причина — в нас! И пока за преподавание в вузах, за учебу не возьмемся как следует, переманить будет трудно.

Оксана Б., Новосибирский сельхозинститут

А как же «эффект зачетки»?

Слышала, что в вузах страны хотят ввести систему, по которой, если у студента на третьем курсе есть тройки, ему будут давать справку о непоном высшем образовании. Я не против этого, но только давайте не забудем о существующем «эффекте зачетки».

Поверьте, не очень приятно, когда занимаешься весь семестр, получаешь «отлично» по контрольным, зачет-автомат, а на экзамене сталкиваешься с такой ситуацией: «Вы очень хорошо ответили, — говорит препода-

даватель. Затем открывает зачетку, листает ее с самого начала, а потом уже как бы невзначай: — Вы неплохо ответили, но...» И дальше он уже может добавить что угодно. А ты после упорных занятий получаешь якобы свою «законную» троечку...

Так я к чему это? Такую систему вводить можно только тогда, когда экзамены в вузах будут принимать компьютеры, на которые не будут влиять «эффект зачетки».

Лена, Москва

На ваш суд

У меня есть предложение: создать систему «общего высшего образования» и «специального высшего».

«Общее высшее» с двух-трехлетним циклом обучения и набором общих дисциплин, которые сейчас преподаются почти на всех курсах. По окончании его студент получает обычный диплом о высшем образовании.

На «специальном высшем» — обучение также 2—3 года. Но окончившие вуз такого плана получают диплом о специальности, конкретной профессии.

Почему я считаю такое разделение образования наиболее целесообразным? Многие поступающие в институты зачастую толком не знают, какая им нужна профессия. Ясность приходит позднее. А в процессе учебы вуз менять сложно, да и требует

все это определенного мужества. В результате приходится «прозрешему» чаще всего себя особой охоты доучиваться...
В. Скуридин, Якутская АССР

«Ищу друга»

В вашем журнале мне нравятся почти все рубрики, и я читаю его от корки до корки (как больше ни один журнал). Оформление у вас тоже классное. Фотографии всегда четкие, яркие.

Но почему бы вам не открыть рубрику, где были бы помещены письма или отрывки из них, в которых кто-то хотел бы познакомиться, избавиться от одиночества, просил бы помощи, поддержки, дружеского совета, может быть, даже объяснения какой-нибудь сложной ситуации, да мало ли чего, то есть наладить переписку между студентами. Можно назвать эту рубрику «Ау, люди!» или «Ищу друга!», ну, в общем, как захотите...
С. С. г. Норильск

От редакции. Нам бы очень хотелось знать, что думают по поводу этого предложения другие наши читатели.

Кроме того, просим вас, дорогие друзья, подписывать свои письма хотя бы именем, а не просто инициалами.

Нужна поддержка

Пишу вам, прочитав статью «Летопись памяти». Конечно, создание Летописи — хорошее дело. Много ранней-студентов служили в Афганистане и не вернулись оттуда. Хотелось бы, чтобы хоть немного об «афганцах», погибших и раненых, рассказывалось на страницах журнала.

Рассказали бы о том, где они учились до службы, а также об их родных, которым в данный момент нужна помощь, хотя бы моральная. Ведь есть такие люди, которые смогут поддержать и раненных на войне ребят.
Александра Д., г. Мурманск

Жить — неинтересно

Вопрос, который хочу задать, многим покажется странным.

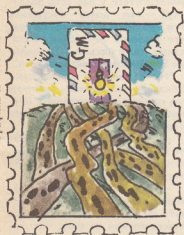

Как это человеку, у которого есть все, жить неинтересно, то есть просто даже не хочется?!

Да, у меня есть все: не очень строгие родители (определенная свобода), хорошие подружки (вроде бы не одинока), отдельная комната (никто не мешает уединиться, заняться любимым делом), есть магнитофон, любимые и модные украшения, красивая одежда... Но чего-то все равно не хватает, и жить почему-то скучно...

Что же мне делать дальше? К кому обратиться за советом?..
Алена Н., г. Донецк

Грифика А. Лобашинского

К вопросу о Пушкине...

Хочу вернуться к разговору, который идет в вашей рубрике «Пушкинские страницы». Я очень люблю Пушкина, хотя сейчас «принято» любить Ахматову, Пастернака, Цветаеву...

Но даже у тех, кто клянется в любви к поэту, как правило, за словами ничего не стоит... Почему школа воспитывает у нас полное равнодушие к поэзии? У большинства настоящая любовь к стихам приходит только с возрастом, но ведь не всем это дано... Повзому я очень рада, что создается Пушкинское общество, хочется узнать об этом подробнее (что? где? когда?), а лучше всего стать его членом.
Виктория В., Иркутский государственный университет

От редакции. Пушкинские общества в России возникли еще на рубеже нашего века: Пушкинское драматическое общество в Петербурге, Лицейское общество (при Александровском лицее), Общество любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Казанском университете... Естественно, их работа была прервана в тяжелые годы гражданской войны. Но уже в 1931 году в Ленинграде на основе Общества любителей Пушкинского заповедника сложилось Пушкинское общество. Инициаторами его были президент Академии наук А. П. Карпинский, писатель А. М. Горький. Однако в 1952 году общество, ставшее к тому времени всесоюзным, было распущено — в связи с печально известным «ленинградским делом»...

Сейчас во многих уголках нашей страны работают клубы и общества, связанные с пушкинской тематикой: в Казани и Могилеве, Белгороде и Горьком... Но, наверно, пришла пора объединить свои силы. И вот 15—18 ноября 1989 года Советский фонд культуры совместно с Пушкинским домом и другими организациями проводит в Москве Всесоюзную Пушкинскую конференцию.

Студенты тоже могут принять в ней участие. Для этого в адрес Оргкомитета конференции (Москва, Гоголевский бульвар, дом 6, Советский фонд культуры) должна быть направлена заявка со своими данными (возраст, место учебы или работы и т. д.), возможной темой доклада и пометкой, в работе какой из секций (теоретических проблем пушкинистики; охраны и восстановления пушкинских мест; работы с детьми и молодежью; подготовки пушкинских праздников и др.) вы хотели бы работать.

Советуем поторопиться: инородным Фонд культуры оформит командировку на конференцию и предоставит место в гостинице.

*Подборку писем подготовил
Андрей Советов*

Английский — для всех

Из обильной почты в адрес этой рубрики и ее ведущей — Натальи Аleshкиной — нам стало ясно, что уроки английского языка пользуются популярностью и принесли несомненную пользу.

Но помогать так помогать. Поэтому у нас есть предложение: если вы хотите получить уроки английского языка, те, что были опубликованы на наших страницах, но теперь еще и в озвученном виде, то просим присылать нам заявки на компакт-кассеты (или катушки). Думаем, проверка правильности произношения вам не повредит.

Пока трудно сказать, одна ли будет кассета или две (скорее всего одна), как, впрочем, сложно говорить и о точной цене, но примерно все же прикинуть можно — около 15 рублей (за кассету). Плюс стоимость распечатки всего курса английского языка, если таковая понадобится.

Поможет нам в осуществлении предлагаемого проекта молодежная фирма «Юниор», хозрасчетный филиал «Студенческого меридиана». К сведению организаций: можно будет перечислять деньги и по безналичному расчету.

Сейчас важно одно — выяснить количество желающих приобрести наши уроки английского. Причем скажем без лишней скромности — уникальные, так как методика совершенно новая, помогающая действительно заговорить, впрочем, вы сами в этом убедитесь.

Более подробные условия получения озвученного курса английского языка непременно сообщим всем откликнувшимся на наше предложение.

Не забывайте, пожалуйста, в своих заявках указывать, что именно вы хотите — лишь кассету, без распечатки уроков, или то и другое.

**АКТУАЛЬНЫЙ
РАЗГОВОР**

«Груз — общий»

**Андрей Шаронов,
народный депутат СССР**

— Я все хотел спросить тебя — не столько о впечатлениях и тем более не об общих оценках того, чему был свидетелем и в чем принимал непосредственное участие, — о другом... О грузе проблем. Об их огромной тяжести...

— Да, это есть. Об этом и Горбачев говорил, закрывая съезд народных депутатов. Так и было сказано: огромная тяжесть. Ведь столько выплеснулось проблем... Кто-то из твоих коллег-журналистов выразился: загрузили чашу «негатива» доверху...

С Андреем Шароновым, депутатом от комсомола, говорили мы в тот момент, когда время точных, безукоризненно вы-

веренных логикой, внимательным, скрупулезным анализом оценок еще, по-видимому, не пришло. Что называется, по горячим следам вели разговор. И, наверное, его ход во многом определяли эмоции... Да будет это простительно. Вспомните себя в конце мая — начале июня, и вы поймете.

В нас крепко вбито холодное отношение к самому понятию «исторического значения». Слишком ко многому, что с нами происходило, оно пристраивалось, придевалось в качестве безусловного, не требующего доказательств и объяснений эпитета... Съезд заставил не просто воспринять и понять его заново, но и чувствовать. Равдавались, гневались, испытывали озабоченность, испуг (почему бы нет? Вспомним хотя бы ряд «нештатных ситуаций», к кото-

рым пока привычки нет...) — все искренне. Потому и ясно: все, что происходит — происходит впервые за семьдесят лет.

— Да, груз... Расстройство экономики, разбалансированность финансов, провалы в социальной сфере, экологическая ситуация, проблемы международных отношений, оценки событий истории...

— Не слишком ли много проблем сразу — для двадцатипятилетнего человека? Это я к тому, что рядом с тобой были люди с гораздо более основательным политическим опытом.

— То, что мы находимся в ситуации реальной политической борьбы, стало ясно сразу. Сама предвыборная кампания в комсомоле как-то обозначила эти перспективы. Хотя сначала я был против определения квот общественным организациям. В университете у нас есть политклуб — там долго обсуждали эти проблемы и сошлись на том, что решение не вполне оправданно, даже письмо в Президиум Верховного Совета послали...

Что же касается перспектив... Убежден, что к новым выборам мы созреем для всеобщего, прямого и равного избирательного права.

— И все-таки ты — депутат от комсомола... Впрочем, отвледемся на минуту: я забыла тебя представить читателю.

— Живу в Уфе. Школу закончил с золотой медалью. Сказать по правде, после десятого класса толком не знал, чего хочу. В авиационный пошел потому, что знал — если есть желание учиться, в этом вузе такое желание можно осуществить в полной мере: институт хороший, мощный. Ленинский стипендиат. Был секретарем комитета комсомола. Почему занялся комсомольской работой? Хотел научиться общаться с людьми...

— Немного странный мотив...

— Но это так на самом деле. Хотел общаться. Я, согласно тесту Айзинка, сангвиник — это самый удобный тип темперамента для общественной деятельности. Два года был секретарем. Теперь в аспирантуре.

Теперь, вспоминая о том, как комсомол избирал народных депутатов, хочу сказать, что я в принципе не против квот для общественных организаций. Они должны быть. Но принцип вы-

бора никуда не годится. Не депутаты должны решать судьбу депутата. Сколько нас, кандидатов от комсомола? Семьдесят пять. Значит, надо просто создать семьдесят пять комсомольских избирательных округов. Чтобы твою судьбу решали не сотни человек, а сотни тысяч. Но тогда, на первом этапе, мы рассуждали так: не за горами выборы в местные Советы, нужно наработать реальный политический опыт, повариться в этой атмосфере, понять что к чему, набить руку. И уже на встречах с избирателями, на пленуме обкома комсомола стало ясно: разговор идет жесткий, вопросы народ ставит, что называется, в лоб и по самому широкому кругу проблем: политика, идеология, экономика... Ну а как остро развивался дискуссия на съезде, думаю, всем известно...

— Кто-то сравнивал ее ход с катанием на американских горках: то вниз, то вверх, то правый вираж, то влево заносит... И все настолько остро, открыто, что было даже предложение «выключить телевизор» — то есть прекратить прямую трансляцию.

— Дебаты, какими бы острыми они ни были, это нормальная парламентская работа. Пусть для большинства из нас и непривычная. И не все к ней были готовы. Дмитрий Сергеевич Лихачев верно заметил, что незнание элементарной, формальной логики, элементов права, отсутствие воспитанного культуры общественного такта сказались отрицательно... Да, это так. А что касается предложения «выключить телевизор»... Тот уровень гласности, который задад съезд, ни в коем случае не должен быть теперь снижен — и при выборах в местные Советы, да и вообще, скажем так, в обычной жизни. Если и были прежде кое-какие сомнения во многих из нас, «внутренний цензор», что ли, то теперь-то окончательно ясно: можно, и не страшно, и даже очень полезно выносить самые сложные, болевые вопросы на всеобщее обсуждение.

Можно — и нужно — называть прежде запретные цифры: военные расходы, космические затраты, размеры внешнего долга, бюджетного дефицита, да и многое другое. Необходимо это. Без точной информации невозможно четкий, беспристраст-

ный анализ реального положения дел в экономике, социальной, духовной сферах. Даже хотя бы по уровню «обратной связи» съезд стал событием экстраординарным за все последние годы. Сто двадцать тысяч писем, телеграмм с конкретными предложениями — это огромный материал для размышлений, анализа... Да, в письмах, в самих выступлениях депутатов выслушалось много боли. Но я не склонен впадать в пессимизм от обилия наших «болевых точек»: программа, намеченная в докладе Горбачева — при всем том, что в ней отмечены эти точки, — в целом позитивна и конструктивна.

Высказывалось такое суждение: это программа не всеобъемлющая... И сколько полезных дополнений прозвучало... Разработать систему чрезвычайных мер, четко определить приоритеты для развития экономики. Привести в нормальное состояние финансовую систему. Принять Закон о земле. Обеспечить настоящую аренду. Можно уже говорить о принципе, которой входит в нашу политическую жизнь: совместное постижение правды, совместная выработка концепций на основе полной гласности. Вот, пожалуй, один из главных уроков съезда.

— Ты говоришь: один из... Стало быть, можно назвать и другие?

— Преодоление стереотипов — в мышлении, поведении, действии. Поначалу было хорошо заметно: мы очень плохо еще умеем спокойно, трезво, рассудительно реагировать на чужое, отличное от нашего собственного, мнение. Различаем исклчительно два цвета: либо черное, либо белое — иного не дано. Когда звучали острые, неординарные выступления, я присматривался к реакции людей... Это очень активная реакция, я бы даже сказал, агрессивная: чуть что не по мне, что-то поперек моих представлений — значит, плохо, значит — неверно! Удалить его с трибуны! Вот выступления Попова, Афанасьева были очень острыми... Но знаешь, у меня не было такого чувства, которое выразили некоторые депутаты: что вы делаете, товарищ Попов, опомнитесь!

Если разобратесь спокойно — о чем шла речь? О том, что

размежевание в принципе возможно. Это не криминал — нормальное явление в политике, парламентской деятельности. Да, большинство депутатов искренни в своих чувствах. Но речь идет о нашей психологической готовности к перестройке. А суть ее — в способности спокойно, здраво воспринимать новые идеи... Всякому из нас просто необходимо пожить в атмосфере иной, свежей неординарной мысли, адаптироваться... Потому что мы привыкли мыслить в рамках той или иной организационной структуры: комсомол, партия, профсоюзы. Сейчас стало совершенно ясно: нужно уйти от этой зажатости, замкнутости, взглянуть на себя со стороны.

Что еще? Помню, в первые дни скрывала боязнь авторитетов. Как это мы можем сомневаться в товарище Рыжкове, вопросы ему каверзные задавать? Да быть того не может! Ну, «экзамновка» съездом лидеров, кажется, вполне продемонстрировала, что и этот стереотип преодолевается. И уж если зашла речь об уроках, то вот, как мне кажется, еще один: узнавание людей. Энергичных, умеющих мыслить государственно, отстаивать свою точку зрения, независимых, интеллигентных.

— Извини, я перебыю... Одна реплика из переполненного трамвая: ты сперва накорми народ, а теоретизировать потом будем...

— Вот-вот... Меня это просто убивает. Или такая, например, точка зрения: товарищи, давайте просто работать лучше, и все у нас будет! Споры нет, работать на современном цивилизованном уровне мы пока умеем неважно. Но принцип «работать лучше» — это не панацея от всех бед. Представим себе: мы добиваем ствол шахты. Трудимся в поте лица, роим ударными темпами... Но прежде чем всем миром вот так кидаться в бой, хорошо бы все-таки все спокойно обдумать, просчитать: а в том ли направлении копаем? Нужен тонкий, взвешенный инженерный расчет, выбор абсолютно точного направления движения. Без этого нет связи политики и практики. Этим съезд и занимался. Нельзя без этого. И не накормим без этого народ.

— Ты выступал с трибуны съезда. Как впечатление?

— Ничего, нормально. Главное — четко формулировать мысль: чего ты хочешь от съезда, с чем пришел?

— А ты — с чем?..

— Была мысль — выступить по проблемам образования...

— Но ведь это частность — на фоне того разговора, который шел на съезде.

— Как сказать, как сказать... Мы уже сейчас на мировом уровне неконкурентоспособны с нашей системой образования. Дальше будет хуже. Серость современного студента, специалиста — вот камень преткновения. Через десять-пятнадцать лет этот серый специалист займет ключевые посты в обществе — что тогда?.. Сегодня нам крайне необходима «свежая кровь»: группа людей, воспитанная, обученная в новых условиях, свободная от наших комплексов... Китайцы в самые трудные для страны времена нашли все-таки возможность собрать тридцать тысяч молодых людей, отправить их в Америку, в лучшие университеты. И теперь мы видим, как эта «свежая кровь» помогает оздоровить организм в целом.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Сегодня мы уже имеем феномен студенческого движения. Оно, без сомнения, будет развиваться и уже в ближайшее время станет реальной социальной силой. Нельзя не замечать этих процессов: если сейчас их не прогнозировать — потом за голову схватимся. На решение всех этих проблем, естественно, нужны средства. По-настоящему, выступать в роли просителя сейчас не совсем удобно... Но — придется. Надо убедить людей: это жизненно необходимо. Нормальная, современная система образования — это залог будущего. И стоит эта проблема на одном уровне с важнейшими социальными программами, такими, как здравоохранение, например.

— Помнишь, с чего мы начали разговор? Груз ответственности, легший на плечи депутата... Чувствуется он? Не давит?

— А тебя не давит?

— Я же не депутат...

— Но груз-то — общий...

ФЕЛЬТОН

Вообщезитие

Александр Кондратьев

Она стоит с краю студгородка, у полосы отчуждения железной дороги. За жиденькой лесопосадкой проносятся одна за другой пригородные электрички. Кирпичная коробка в пять этажей. Общезитие номер... Впрочем, какая разница.

Все знакомое, много раз виденное в фильмах о молодежи. Потеряла скамейка у входа. Обитые железом двери — господи, с какой силой по ним колотят ногами!.. С обратной стороны здания — пожарная лестница. На ее железные ступени набиты доски, они прикручены проволокой и измазаны смолой. Чтоб лезть не захотелось. Наша вечная привычка закрывать все пожарные выходы и забивать пожарные лестницы. Скольких жизней она будет стоить, если, не дай бог...

Внутри у входа — вахта и доска с приказами. Не знаю, начинается ли театр с вешалки, но то, что общезитие начинается с вахтера, — это точно.

Человечеству известно четыре типа вахтеров:

а) грустная старушка со скорбными глазами: «А это что у тебя, сынок? Динамит?.. Ну смотри, не обожгись, когда будешь фитилек-то поджигать... Убежал. Удостоверение оставил... Цен-траль-ное раз-ве-ды-ва...»;

б) старушка ехидная и вредливая: «Это? Паспорт? Вре-о-ошшь!.. В какую комнату? Вре-е-ошшь!..» Пропускание этой старушкой зависит не от наличия документов, а от того, вежливо ли ты с ней вчера поздоровался. У старушки есть злые недруги, которых она не пускает в принципе;

в) грустный и нетрезвый старичок: «А студенты все бегают, бегают... Уже зима, а они все бегают...» Иногда старичок не выходит на работу по причине отсутствия настроения;

г) вахтер-студент. Этого описать трудно, потому что на рабочем месте его никто не видел.

Вахтер, пожалуй, самая иррациональная часть общезития.

Он не будет пускать вас до 19.00, отлично зная, что после 19.00 вахтера вообще не будет. Он будет спрашивать вашу фамилию, отлично зная ее, как будто за истекшие два часа ваша фамилия могла измениться.

По-видимому, вахтер — философ, работающий не для какой-то материальной цели, а для достижения внутренней гармонии мира, как он ее понимает. Разве может помешать гармонии мира то, что любой вахтер пропускает любого человека после предъявления любого документа, потому что рассмотреть фотографию три на четыре и мелкие строчки документа с расстояния один метр ни одному из смертных не дано...

Доска приказов... Квадрат желтой фанеры. Обычно она заполнена объявлениями на клочках бумаги.

«Мужик, имеющий лишний торт! Если хочешь, ты можешь обменять его на свой студбилет 572/13 в комнате номер...»

«Добрый человек, случайно взявший чужой бумажник! Верни хотя бы паспорт, чтобы получить перевод из дому...»

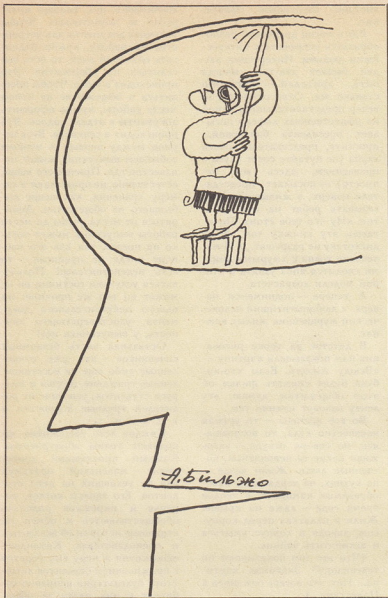
«Новая красивая черная куртка очень хочет сменить хозяина...»

Регулярно мимо доски проходит командир оперотряда и переписывает объявления о продаже и обмене. После этого к продающему приходит «покупатель» из оперотряда, и комитет комсомола рассматривает дело о спекуляции. Правда, для этого нужно доказать, что гонокские часы проданы дороже их цены в советской торговой сети.

Временами на доске приказов возникает какой-нибудь приказ. Ректор любит посещать другие вузы и выпускать приказы о том, что он там увидел. Через месяц-другой он выпускает новые приказы, естественно, не отменяя старых. Поэтому студенты данного вуза должны жить как студенты всех других вузов одновременно, то есть:

а) вся одежда должна находиться в шкафах в комнатах,

б) одновременно она должна

висеть у вахты, в раздевалке, которой нет,

в) на лето все вещи должны сдаваться в камеру хранения,

г) которая не принимает телевизоров, магнитофонов, холодильников, царей польских, великих князей финляндских, и прочая, и прочая, и прочая,

д) и вообще не принимает ценных вещей, потому что их могут украсть (неплохая формулировка для камеры хранения!),

е) а остальные вещи принимает при наличии мест, которых нет,

ж) и только по одной коробке от каждого студента,

з) все личные вещи, которые студент не использует в данный

момент, все его чемоданы и сумки также должны быть сданы в камеру хранения,

и) которая работает с 10 до 17 часов, естественно, — кроме субботы и воскресенья.

Нет, сто раз был прав классик! Строгость законов российских компенсируется лишь необязательностью их исполнения!

Есть еще приказ о централизованном выключении света в общежитии в 24.00 до 7.00, но о нем уже никто не помнит, кроме отдельных граждан с юмористическим складом ума.

О коллекции приказов времен борьбы за дисциплину мы даже и не упоминаем. (О, эпоха борьбы за дисциплину, когда сту-

денты и преподаватели вместе проникали в учебный корпус через окно!.. Великая, объединяющая сила дисциплины!)

Электрокамины, электрочайники, электроплитки, утюги и другие нагревательные приборы в камеру хранения почему-то принимаются, хотя в общежитии их держать запрещено. Временами какой-нибудь бдительный начальник с ключами обходит все комнаты (естественно, в отсутствие хозяев) и потом спускается на первый этаж, волоча за собой на шнурках гремящие электроплитки.

Несмотря на проносящиеся смерчи экспроприаций, нагревательные приборы есть почти у всех. Потому что холодно. Многие граждане берут кирпич, обматывают его проводом, концы которого засовывают в розетку. В разобранном виде такой «прибор» выявить трудно.

Временами в холодные зимние вечера электросеть не выдерживает нагрузки, и весь студгородок лишается электричества. Люди ходят со свечками, сидят кружками в коридорах, играют на гитарах и дудочках и поют песни. Вечер без света — одно из лучших развлечений в общежитии. И одна из лучших уважительных причин не подготовиться к экзамену.

Двинемся дальше, минуя доски с наглядной агитацией...надцатилетней давности. Знаете, если к цифре XXV приписать палочку, получится цифра XXVI. А потом и XXVII... В общем, до 1995 года хватит, а в 1996-м во всем студгородке состоится обновление наглядной агитации.

Сразу за вахтой, чуть слева, находится клуб. Здесь проходят дискотеки, тематические вечера для пяти-семи зрителей. (Тематический вечер — это такой снежный человек, который всегда только что прошел, но его опять никто не видел.)

Собственно, дискотеки в клубе проходят только в последние два-три года. Процесс берет свое. Очередной директор студгородка произнес мгновенно облетевшую институт фразу: «Ну ладно, дискотека. Но до девяти вечера. И без танцев!» — и дискотека получила права гражданства.

Подготовка вечера в клубе выглядит так. Ответственный за

будущий вечер придумывает его программу (1. Политинформация. 2. Рассказ о современной прогрессивной музыке СССР и зарубежных стран. 3. Танцевальная программа «Мы молодые, ура!»), диски фирмы «Мелодия» № ...) и подписывает бумагу у хмурого ответственного за дружину, у делового, вездельного комсомольского секретаря и у неторопливого, мудрого, как старший аскакал, председателя студсовета. Затем свое отношение к будущему вечеру высказывает комендант общежития. Если после долгих переговоров удастся украсить бумагу ее подписью, то дальше следуют автографы замдекана и секретаря партбюро факультета. (Они спрашивают, кто будет дежурным преподавателем на вечер? Им говорится фамилия, в общем-то любая.)

В случае благополучного прохождения этих шести инстанций и если за корпусом и клубом не числится особых грехов, на бумагу ложится долгожданный гриф «Утверждаю» и каллиграфическая, похожая на виньетку XVIII века подпись директора студгородка. На все уходит от трех до пяти дней.

Одновременно ребята из клуба ходят по знакомым и выкалывают аппаратуру. И все удивляются: опять в клубе новое правление. Факультетский клуб напоминает латиноамериканскую банановую республику — ни одного года без переворота.

Каждый год в сентябре — октябре будущее новое правление критикует старое: все плохо — и куда девались деньги — и разве это дискотеки — и... После чего происходит смена власти, освещаемая распоряжением деканата. Новое правление всегда начинается с одного и того же — с реорганизации и перепланировки клуба. Стучат молотки, вижат пилы, пахнет стружкой и краской — в общем, в декабре — январе клуб начинает работу. Одна за другой устраиваются дискотеки, чтобы набрать деньги на аппаратуру, потому что старая аппаратура покинула нас вместе со старыми членами правления.

Потом приходит весна, а за ней лето, энергия и энтузиазм новых членов правления постепенно спадают, и — глядите-ка! — уже зарождается, пускается побег вместе с весенней

лиственной сверхное правление.

Раз в месяц дискотеки разнообразятся встречами с интересными людьми. Интересных людей бывает два-три, иногда пять, зрителей — примерно столько же. Ответственная за вечер представительница одной из общественных кафедр посылает президента банановой... простите, председателя совета клуба (не путайте совет клуба с правлением, здесь все не просто) — посылает председателя наверх, в жилые комнаты звать ребят на меропиятие. «Ну что тебе стоит. Почитайшь эту книжку там. А то дискотеку не разрешат...» И маленькая толпа с хмурыми лицами сходит вниз узнать о второй модели хозрасчета.

А теперь — поднимемся наверх, в любопытнейший человеческий муравейник жилых комнат.

В детстве на уроке рисования нам показывали картину — «Всюду жизнь». Если кто-нибудь будет снимать фильм об этом общежитии, думаю, эту ленту назовут именно так.

Во все времена — то узкая неизвестно куда, то возвращаясь, не говоря откуда, — здесь жили какие-то непонятные, потаенные люди. Жили везде — на кухнях, на чердаках, в невообразимых каморках, в теплое время года — даже на крыше. Жили в палатках перед корпусом, заходя в корпус умыться и вскипятить чайник.

(Что это там показывают по телевизору? Знакомая картина... Нет, это лагерь беженцев в Палестине...)

Основу контингента граждан без определенной комнаты жительства составляют выпускники, временно не устроенные на работу. В вуз принимают как жителей данного города, так и иногородних. Но работу по месту прежнего жительства может получить, естественно, далеко не каждый выпускник. Большинству предостом поездка в неизвестность маленьких городков, которую — после учебы в большом городе — многие стараются оттянуть всеми правдами и неправдами. Я знал одного человека, который три года жил в общежитии без прописки, на матрасе, днем складируемом под кроватью.

Положение выпускника, за-

кончившего вуз, вообще интересно и поучительно. Чтобы получить документы для устройства на работу, нужно подписать обходной лист, то есть высеяться из общежития. Это происходит в июле. Чтобы поселиться в общежитие на новом месте работы, нужно оформить документы в отделе кадров. Это происходит в сентябре. Весь период между первым и вторым событием выпускник живет неизвестно где. Причем его вещи, естественно, не принимают в камеру хранения, как вещи вышедшего из общежития. Добираться от места учебы до места работы выпускник может только на поезд, так как его паспорт нигде не прописан — то есть недействителен! Пользоваться услугами гостиниц он не может по той же причине: ни одного действительного документа, удостоверяющего личность, у выпускника нет!

Остальная часть бездомных ковенников — это уже отчисленные либо еще не восстановленные граждане, друзья и подруги студентов, ушедшие от родителей трудные подростки и т. д. и т. п.

Каждое лето общежитие заполняют толпы абитуриентов. Каждый приехавший абитуриент — маленький праздник для не уехавших на лето студентов. Его запасы котлет, вареныя и пирожков радостно обществуются в обмен на страшные истории об экзаменах и преподавателях. Комендант общежития в меру сил борется с проживанием студентов летом (хотя бухгалтерия исправно собирает с них плату за общежитие за июль и август, но ведь за те же спальные места заплатили и абитуриенты!).

А с сентября по июль жизнь в комнате замирает с последним дождичком спать и начинается с первым востяком. В промежутках между этими моментами заснуть может только очень усталый человек с железными нервами. Поэтому человек в общежитии обычно ложится спать в два или три часа ночи, когда лишь изредка в коридоре раздается громкий призыв: «Майк! Ты где-е!..» — и еще пара слов, и только раз в полчаса заглядывают в комнату знакомые, чтобы узнать, не спите ли вы. (Запирать комнату не советуем — будут стучать!)

Где-то к полуночи почти все, проживающие в общежитии, сползают в него, и в комнатах открываются клубы по интересам.

Вечерний обход знакомых — это ритуал. Потому что больше делать просто нечего. Пройдя по знакомым, вы можете в один вечер обсудить статью в журнале, потанцевать, поиграть в «префф», отметить день рождения, поспорить о древнекитайской философии, немного подражаться и, наконец, заснуть на чьей-то пустой кровати, не дожидаясь, пока игорный дом в вашей комнате закончит свою деятельность и уляжется спать на вашей кровати.

А где-то еще танцуют, и смеющиеся люди выбегают из комнаты, где нет света, а только музыка, музыка... А где-то еще пытаются постичь вечную загадку дзен-буддизма, и доносятся отголоски японских имен и стихов...

Потом все замирает, засыпает, и только бродит по коридору бессонный студент, учащий английский, и в читалке несколько подвижников в сосредоточенной тишине решают математическую физику. Через три часа начнут звенеть первые будильники...

Вот и все. За окнами зима, а я стучу одним пальцем на одолженной у ребят пишущей машинке.

Мне бы очень не хотелось, чтобы вы подумали, что автор делится с вами какими-то обидами или злитесь от бессилия что-то изменить. Понимаете, автор не собирается ничего менять. Просто не ставит себе такой цели. Поэтому он и не называет конкретного адреса.

Жизнь этого общежития стала его образом мышления, частью его жизни. Он привык к ней, к ее жестоким, но, в общем, добрым обычаям, к ее бессонным ночам и эстетике неустрашенности. Помните величественные панорамные кадры свалок в «Сталкере»...

Говорят, люди, переселившиеся из общежития в собственную квартиру, либо начинают испытывать особую, болезненную, страсть к комфорту, либо уже всю жизнь живут как в общежитии — как на вокзале, среди бедлама захлащенной комнаты. Автор думает, что ему предстоит второе...

ФОТОРЕПОРТАЖ

Есть ли проблемы?

Уверенно открываю парадную дверь общежития Московского архитектурного института. Дежурный на вахте сортирует письма. Обращаюсь к нему с просьбой, чтобы кто-нибудь показал мне общежитие... Он останавливает проходящих мимо студентов и просит помочь мне. Наконец один из них соглашается, и мы садимся в лифт.

Семь часов вечера. Я не случайно выбрал это время для ви-

зита — сейчас студенческое общежитие начинает оживать и только к полуночи затихнет. Ну а пока по коридорам бегают девушки с кастрюлями, на кухне кипят чайники, шипят сковородки. Мой проводник водит меня по комнатам, знакомит с ребятами. Каждый занят своим делом.

У всех спрашиваю, есть ли проблемы. Но никто толком ничего сказать не может — гово-

рят, что холодно, что иногда не хватает мест и поэтому живут в рабочих комнатах.

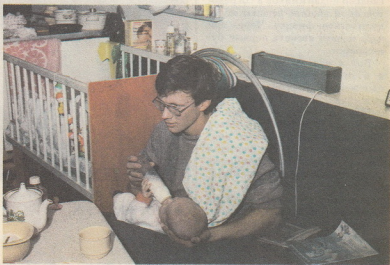
Мой проводник куда-то исчезает, а я оказываюсь в комнате молодой семьи. Его зовут Толя, ее — Оля. У них радостное событие — недавно родился сын Женя, поэтому родители находятся в приподнятом настроении и с ними легко разговаривать.

Оля угощает меня чаем, к нам присоединяется Макс, их друг — он часто помогает молодоженам. Оля уже закончила МАРХИ, а Толя только поступил на первый курс. Он служил в Афганистане и получил там медаль «За отвагу», а как вернулся из армии, поступил на подготовительное отделение института.

Ребята показывают мне свои работы, которые в последнее время стали у них «семейными», рассказывают об общезитии.

Порядки в общежитии демократические, каждый устраивает свой быт и оформляет комнату как хочет. Архитектор — это художник, и поэтому каждая комната оформлена оригинально и со вкусом.

— Только плохо, — говорит Оля, — что ребята неорганизованные, нет студенческих сове-

тов, нет самоуправления, может, это и есть пока главная проблема, а из-за нее и другие появляются...

Но вот чай допит, и Толя хочет познакомить меня с интересным человеком. Поднимаемся по лестнице, и уже издали до нас доносятся звуки музыки. Стучимся в дверь... Музыка стихает, и мы знакомимся с Като. В комнате полумрак, половину свободного пространства занимает черный рояль. Като предлагает сыграть свои произ-

ведения, и на нас обрушивается лавина звуков, музыка захватывает и держит в напряжении.

Потом Като говорит о музыке, о творчестве и бездуховности, о рок-культуре и дешевых подделках под музыку, о том, что он, конечно, хочет, чтобы его музыку знали не только в кругу друзей. Но для этого, считает, надо оформиться и вырасти в творческую личность. А на мой вопрос — почему же тогда он поступил в МАРХИ, Като

отвечает, что архитектура интересует его не меньше, и он не делает выбора между музыкой и ею. На его взгляд, чувство гармонии в музыке необходимо архитектору как создателю — маэстро другой гармонии...

Беседа о музыке и об архитектуре увлекает нас. Мы не замечаем, что время уже позднее и мне, к сожалению, пора уходить.

Ребята провожают меня. Я покидаю общежитие МАРХИ с надеждой встретиться с ними вновь.

Борис Хигрин

От редакции. А как обстоят дела в ваших общежитиях? Может быть, у вас, дорогие читатели, возникло желание высказать свое отношение к прочитанному в фельетоне «Вообщежитие» и к фоторепортажу «Есть ли проблемы?». Уверены — добавить вам есть что. Пишите, ждем ваших откликов.

ОРИЕНТИР

Мы готовы продать...

Беседа с генеральным директором ИПО ЦК ВАКСМ «Молодая гвардия» Валентином Юркиным

— Советский книжный рынок *отнюдь* не переполнен книгами «Молодой гвардии», и тем не менее вы приступаете к изданию литературы на иностранных языках. Чем это вызвано?

— Прежде всего соображениями общегуманитарного плана. Политика гласности предоставляет нам огромные перспективы в обмене информацией, обмене идеями. Интеллектуальный, духовный потенциал в последнее время делается решающим фактором прогресса, и мы чувствуем возможность несравненно более активно участвовать в культурной, политической, научной жизни мирового сообщества. Несмотря на конкуренцию компьютеров, телевидения, видеотехники, книга остается универсальным средством общения.

Даже в тот период, когда перевод нашей литературы за рубежом не сулил никаких коммерческих выгод, мы с готовностью предлагали лучшие образцы своей продукции иностранным фирмам. На традиционных Московских международных книжных выставках-ярмарках мы регулярно заключали множество соглашений на перевод книг «Молодой гвардии». Оживленный обмен шел у нас с издательствами социалистических стран, прежде всего Чехословакии, Болгарии, ГДР, Польши и Венгрии. Десятки книг переведены на западноевропейские языки.

— Что же конкретно может предложить «Молодая гвардия» читателю за рубежом, каким интеллектуальным «багажом» она располагает?

— Своего рода «визитной карточкой» издательства вот уже более пятидесяти лет является серия «Жизнь замечательных людей», имена — от Эпикура до Чаадаева. Выдающиеся ученые и представители культуры, политические деятели и полководцы являются героями беллетризованных биографий, число которых превысило семьсот. Здесь и книги о Вернадском, Герцене, Гагарине, Ду Фу, Степане Разине, Паскале... Авторы многих — специалисты с мировой известностью, и неудивительно, что немецкий читатель с интересом знакомится с книгой советского философа А. Гульги о Канте или Шеллинге.

Каждый раз мы стараемся найти новый подход к раскрытию той или иной темы. Так появилась пользующаяся большой популярностью серия «История Отечества в романах, повестях, документах». Вышло уже 25 из 50 томов, задуманных нами. Каждое художественное произведение здесь сопровождается редкими документами, отражающими эпоху.

Возрастает потребность молодых людей и в освоении философского наследия мировой и национальной классики. Мы чувствуем это и уже откликнулись серией «Дороги человеческой мысли», к изданию которой приступаем в ближайшее время.

Затеваются и совсем новое направление — «Исторический портрет».

В отличие от «ЖЗЛ» героем этого сериала может стать и политический авантюрист, и удачливый коммерсант, и искатель приключений.

Не меньший интерес вызывает за рубежом и серия «Эврика». Популярно написанные книги рассказывают о новейших достижениях гуманитарных и естественных наук, современной техники. Причем их популярность — отнюдь не антипод научности. Напротив, в этой серии с огромным желанием сотрудничают ведущие советские ученые.

— Не элитарна ли эта литература?

— Квалификация наших авторов позволяет создавать книги, представляющие интерес для самого широкого читателя. И все же мы несколько не кривим душой, когда говорим, что «Мо-

лодая гвардия» — издательство молодежное. Доступность изложения в сочетании с доступными ценами на продукцию (это — один из наших принципов) позволяют с уверенностью утверждать: молодежь покупает свою книгу.

Ежегодно у нас выходят десятки художественных произведений. Впервые в нашем издательстве выпускали свои книги Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев, Юрий Бондарев, Фазил Искандер, Анатолий Ким, Владимир Маканин, Валентин Распутин, Василий Шукшин. В активе издательства — произведения, вызванные к жизни перестройкой: «Плаха» Ч. Айтматова, «Пирамида» Ю. Аракчеева, «Кануны» В. Белова, «Сто дней до приказа» Ю. Полякова, «Пешие прогулки» Р. Мир-Хайдарова, «Овраги» и «Васька» С. Антонова. Этот список можно продолжать...

— Итак, вы предпочитаете издавать авторов, уже сделавших себе имя?

— В первую очередь — хочу подчеркнуть! — многим из них «сделали имя» книги, выпущенные именно «Молодой гвардией». Мы всячески содействуем становлению молодых прозаиков и поэтов. Ежегодно в издательстве выходит 30—40 первых книг молодых авторов. Свои первые книги, например, выпустили у нас Татьяна Толстая, Ника Турбина. Они, как и ряд других молодых авторов, уже известны за рубежом.

Культурный обмен — улица с двусторонним движением, и сегодня мы надеемся, что поможем своей литературой глубже понять наш народ, нашу историю, наши ценности. Мы не собираемся предлагать того, что традиционно называлось «пропагандой» и преследовало конъюнктурный интерес. Лучшие книги — будь то художественные или публицистические, научные или поитические — всегда обладали одним свойством — честным и непредвзятым взглядом на мир. Мы намерены открыто говорить о проблемах — и своих и всеобщих, будь то экология или безопасность, международное сотрудничество или воспитание подрастающего поколения...

Публикацию подготовил
Виктор Ильин

Энциклопедия российских деревень

«Принадлежать народу — значит с полной и разумной волею сознавать и любить нравственный и духовный закон, проявляющийся (хотя, разумеется, неполоно) в его историческом развитии. Неуважение к этому закону унижает неизбежно народ в глазах других народов. Нам случается впадать в эту крайность; но... это не грех злой воли, а грех неведения. Мы России не знаем...» Мы России не знаем, следовательно, народу не принадлежим, — этот вывод с тем же основанием можно повторить и сейчас, хотя свое пророческое определение русский философ А. С. Хомяков произнес почти полтора века назад. Чтобы осознать и сохранить «свой духовный и нравственный закон», необходимо по кусочкам восстанавливать историческую картину народной жизни, искаженную трагическими проявлениями «неразумной воли».

Этой цели и призвана служить «Энциклопедия российских деревень». Поставленные перед ней задачи непростые уже по своим масштабам. Они осложняются той особенностью современной жизни, что обычаи, черты коренного мировоззрения (как и быт, окружающая природа) попадают во все большую зависимость от внешних обстоятельств.

К сожалению, традиции и опыт поколений перестают определять поведение людей, медленно угасают под шумом прибретаемых наслаждений...

Выход, как нам представляется, состоит в гибком использовании всех граней народного опыта, в возобновлении честных и нестяжательных основ духовного уклада, захороненного под «прогрессивными» капиталистическими напастованиями, разбитого революционным нигилизмом и окончательно выметенным современным опустошительным равнодушием.

Энциклопедией должна преследоваться просветительская задача — всеми мерами оповещать широкие слои населения

о существовании в том или ином регионе богатых традиций, концентрировать внимание на исторических событиях, преданиях и легендах, которые могут послужить ценным уроком, способствовать бережному и трепетному отношению к полузабытой или утраченной культуре, помочь срастанию расчлененной традиции. Все это приведет в конечном итоге к смягчению нравов и достижению патриотической цели, потому что любовь к Родине, могучий дух народного единства проистекают из привязанности к родным уголкам и причастности к судьбе отечества.

Вторая задача — создать с помощью исследований сельской истории, архитектуры, преданий, быта основу для возрождения деревни, которая не исказит характерного облика каждой местности железобетонными или стандартными постройками, а унаследует от прежней «нарушенной», исчезнувшей деревни присущие ей черты. При этом наша задача созидательная — не разрушать вновь созданных (хотя и иногда вопреки народному чувству) структур, а с помощью восстановления одушевить, очеловечить существование людей, вдохнуть в него теплоту живой связи с прошлым...

В качестве третьей задачи необходимо предоставить широкому читателю обыкновенную информацию о географии, статистике, хозяйственном опыте каждой деревни в прошлом и настоящем. Описание должно быть понятным и интересным для широкого круга читателей.

Остается лишь пожелать, чтобы как можно скорее первая книжка «Энциклопедии российских деревень» пришла к читателю.

Александр Жильцов,
Илья Шинов, студенты МГУ

Объяснимся...

Читая письма, поступающие в редакцию, нахожу важную для себя закономерность — гораздо чаще пишут о тяжелых, застарелых проблемах, чем о чем-то замечательном, радостном, переживаемом. Такова сегодняшняя вузовская жизнь — больше тревожная, чем обнадеживающая.

Многие письма объединяет мысль — к нам, студентам, нередко относятся так, будто мы в принципе не способны на разумные, ответственные поступки, и нами можно распорядиться как угодно по усмотрению любого начальствующего чиновника. Факты? Пожалуйста. Студентка из Запорожья (письмо без подписи) сообщает о том, что «приказом ректора университета перенесли день отдыха с 6 ноября (воскресенье) на 9-е (понедельник). 6 ноября у нормальных людей, т. е. родителей, друзей-нестудентов, нерабочий день. А приказ вышел, чтобы обеспечить большую явку на демонстрацию. Если, мол, 6 ноября будем учиться, то не будет отговорок, что 5 уехал домой, поэтому не был на демонстрации...»

Студент сегодня, пожалуй, одна из самых юридически и социально незащищенных категорий населения: он бесценен перед любым креслодержателем. Может быть, Закон о молодежи даст нам гарантии от произвола?

Вот еще история, рассказанная пятикурсницей Рижского политехнического института Еленой Ш. «Все четыре года наша группа училась по нормальному учебному плану, с утра и до 16.00. Но на пятом курсе нас решили «приблизить к профессии». Теперь мы работаем с утра, полный восьмичасовой рабочий день, а с 18.00 у нас начинаются занятия. Какой смысл учиться на дневном отделеции?» И действительно — зачем? Кто дал руководству РПИ право устанавливать в институте гиперпрофилированную, ужесточенную систему втуза? Хотя, может быть, они пытаются ближе по-

знакомить студентов с производством, на которое те придут через несколько месяцев? Как бы не так! Оказывается, что «предприятия берут студентов пятого курса в качестве подсобных рабочих, техников, слесарей! Они не могут обеспечить их темами для дипломных проектов!!!». Комментарии, как говорится, излишни. Но вот что странно. На факультете ведь существует профсоюзная организация, которая призвана защищать интересы студентов. Почему бы не обратиться туда? Хотя, наверное, еще долго за профсоюзами, и в первую очередь студенческими, будет держаться репутация безгласных.

Представьте: вы пришли на курсы вождения автомобиля, а вас усаживают на дисторический «фордзон». Примерно о такой ситуации написала в редакцию Ванда Р. из Львовского университета. «Студенты моего факультета работают и учатся на оборудовании, которое устарело лет 20—30 назад. У нас самые «молодые» микроскопы 1949 года выпуска. Извините, но какие из нас выйдут специалисты, если моя специальность тесно связана с оптикой, а у нас она пригодна только для свалки». Если честно, то и мне непонятно...

Студент Горьковского политехнического, пожелавший остаться неизвестным, считает, что «главная трудность обучения — в необходимости выполнения бессмысленных, безрезультатных работ. Я имею в виду написание множества рефератов, курсовых работ, а точнее, пустое переписывание книг, чьи авторы являються нашими же преподавателями». Не могу согласиться с этим утверждением. Что мешает заниматься не «пустым переписыванием», а сделать работу так, как он считает нужным, то есть творчески, глубоко, используя толковые, на его взгляд, книги. Не думаю, чтобы это жестоко каралось в ГПИ.

А вот к прогульщикам везде относятся плохо, вызывают на всевозможные комиссии, грозят

всеми земными карами. Везде... но не в Украинском педагогическом. Как написала нам студентка-вечерница Оксана Голяк, «никто не выделял тех, кто не пропускает занятия. Никто благодарностей им не объявлял. Естественно, сдавать зачеты им гораздо легче по сравнению с теми, кто не ходил, но дальше этого дело не пошло». Уважаемая Оксана! По-моему, так все и должно быть. Вам, наверное, не приходило в голову хвалить водителя автобуса за точное соблюдение графика, или учителя за то, что он не спит на уроках. Студент, да и в конце концов каждый человек живет и учится прежде всего для собственной пользы и совершенствования, а не затем, чтобы заслужить благодарность. Что касается прогульщиков, то я бы им разрешил вообще не ходить, лишь бы сессии сдавали. Может, человек целые дни в библиотеке проводит?!

Вчеслав Сербин из Москвы пишет: «Закончил институт 10 лет назад... Как только я попадаю в стрессовую ситуацию, у меня возникает страх забыть то, что я учил когда-то». Знакомая ситуация! Разве с нами не так? Перед экзаменами литрами пьем кофе, нервно и лихорадочно вспоминаем какую-то формулу, а потом, когда гроза пройдет, снова становимся уравновешенными, веселыми, жизне-радостными. Не все умеют бороться, сосредоточиться в нужный момент. «Государство потеряло миллионы способных людей только потому, что они, испугавшись на экзамене, провалялись, не раскрыв своих потенциальных возможностей», — утверждает В. Сербин, и я с ним полностью согласен. Может быть, стоит сделать все экзамены письменными и давать для ответа несколько часов?..»

Разумеется, невозможно обобщать все, о чем рассказывают ваши письма. Но точку не ставим. Приглашаем всех заинтересованных к разговору.

Константин Панин,
студент журфака МГУ

УЧИМСЯ
ГОВОРИТЬ ПУБЛИЧНО

Точка, точка, запятая

Владимир Шахиджяни

Сложно давать уроки на страницах журнала — технологический цикл подготовки рукописи к печати четыре месяца — и трудно разговаривать с чита-

телями, не зная их реакции на первую публикацию. Приступая к третьему занятию, я действительно не знаю, как вы восприняли наши первые два урока.

Много ли в нашей школе

«Учимся говорить публично» учеников, все ли им понятно, вызвали ли интерес наши задания? Убедительно прошу всех, решивших заниматься, известить меня и редакцию об этом открыткой, которую можно отправить прямо на адрес журнала. Если у вас мало времени, напишите хотя бы два слова: «Да, занимаюсь!» Если время найдется, то не полнитесь и, пожалуйста, расскажите о себе: кто вы, почему решили пройти наш курс, часто ли вам приходится выступать и перед кем, какие цели вы преследуете, в чем, на ваш взгляд, трудность и сложность публичных выступлений?

Если возникнет желание послать не открытку, а письмо, буду вдвойне признателен. Письма от вас станут мостиком в общении учителя и ученика.

А теперь переходим к заданиям.

Упражнение № 8

Оно одновременно невероятно простое и сложное. Но если вы его выполните, то знаете, 15 процентов успеха гарантированы.

Вам нужно достать полный текст «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Каждый день нужно выучивать по четыре строчки. На протяжении всего курса мы будем возвращаться к «Евгению Онегину», и, давая задания, я рассчитываю, что за месяц вы выучите 110—120 строк...

Я просто слышу возгласы тех, кто решил научиться говорить публично: зачем? К чему?! Что это дает?! Мы же хотим говорить, говорить легко, раскованно, убедительно, аргументированно, мы хотим научиться вести дискуссии, собираемся выступать на собраниях так, чтобы при необходимости повернуть ход дела и убедить всех в своей правоте.

Все верно. Вы правы, но прав и я.

Попробую доказать. Только читайте дальше текст сверхвнимательно, постарайтесь не просто прочесть, а как бы услышать.

Чтобы говорить публично, нужно обладать хорошей памятью. Памятью, позволяющей держать в голове цитаты, факты, цифры, фамилии, имена,

данные. Обладать памятью, которая во время ваших устных выступлений создаст вам авторитет, поможет овладеть аудиторией настолько, что каждый из слушающих скажет: вот это эрудиция, вот это владение словом! Сколько он знает, как легко оперирует цифрами, фактами, как точно и к месту приводит цитаты, как красиво звучит его речь!!!

А как эффективнее всего развивать память? Да, конечно хорошее питание, свежий воздух, глюкоза, но не в виде сахара — это скорее вредно, чем полезно (говоря об этом не потому, что с сахаром перебор — никаких пропагандистских целей не преследую, — а потому, что медиками точно доказано: использование сахара-рафинада губительно действует на здоровье человека), а соки, фрукты, овощи. Но это все в дополнение к главному — к умению удерживать в памяти все, что вам нужно, что может пригодиться. Так вот: заучивание наизусть стихов — лучшее средство для развития памяти.

Важно не просто учить, важно произносить, понимая смысл, точно выражая идею, выделяя главное.

Нет ничего скучнее монотонной речи бубнящего человека, рублиной речи, способной утомить слушающих больше, чем физические нагрузки.

Попробуйте прочесть пушкинские строчки, но так, чтобы донести до слушателя каждое слово. Там, где запятая, где точка — пауза.

Разберем для примера первые две строчки. Можно произнести их подряд, без запятой (паузы): «Не мысля гордый свет забавить вниманье дружбы возлюбил». Пропадает весь смысл. Можно произнести все слова с одинаковой интонацией, и опять же — невозможно уловить на слух смысл. Нужно выделять, подчеркивать слова интонацией. Но какие слова?

Может быть: «Не мысля гордый...»? А может, выделять «свет» или «забавить»? Пять слов в первой строке, пять вариантов и пять разных прочтений.

А если после «не мысля» сделать небольшую паузу, а само слово произнести с подтекстом, — мол, бесполезно все это, не стоит и времени тратить (не мысля!).

А может, здесь другой подтекст: произношу «не мысля», а на самом деле хочу сказать, что собираюсь «гордый свет забавить», удивить, поразить, заинтриговать.

А может быть, стоит сделать небольшую паузу после того, как произнесем слово «Не мысля гордый свет (пауза) забавить», да и само слово «забавить» произнести чуть медленнее, чем предыдущие слова, сделав ударение на второе «а» чуть-чуть нарочито (забавить).

Проанализируйте по предлагаемой методике только эти две строчки. Сколько вариантов произношений! А теперь попробуйте зачитать выбранный вами вариант. Конечно, делая свою трактовку чтения стихов, нужно идти от своего характера. Что главное для вас в этих двух строчках? Может быть, слово «дружба», а может быть, «возлюбил»? Допускаю, для некоторых главным окажется слово «вниманье». Именно это слово будет кому-то важнее. Все зависит от вашей психологии, душевного настроения. Когда же вы начнете выступать с устной речью, все будет зависеть именно от вашей трактовки фразы, вашего понимания того или иного слова. Но если вы научитесь произносить каждое слово, каждое предложение со смыслом, и в то же время ваша речь будет эмоционально насыщенной, и каждое слово будет иметь индивидуальную окраску, то слушатели с интересом начнут внимать тому, что вы говорите. А следовательно, вы сумеете воздействовать (не в этом ли смысл любого выступления?!), на тех, кто слушает.

Смотрите, как много может дать чтение наизусть (неужели я вас не убедил!). Для развития навыков устной речи, публичного выступления...

Не ленитесь, выучивайте текст. Но перед тем, как начать учить, обязательно уясните для себя, какие слова вы хотите подчеркнуть, где пауза больше, где меньше, как учесть знаки препинания, как избежать при чтении торопливости, чтобы и читающий отдавал себе отчет в том, что он читает, и чтобы при вашем прочтении была трактовка того, что вы читаете, чтобы слушатели лучше вас понимали.

Советы великого К. С. Ста-

ниславского, я думаю, помогут вам понять, как нужно говорить:

«Точка, запятая, вопросительный и восклицательный знаки и прочие имеют свои, им присущие, обязательно голосовые фигуры, характерные для каждого из них. Без этих интонаций они не выполняют своего назначения. В самом деле, отнимите от точки ее финальное, завершающее голосовое понижение, и слушающий не поймет, что фраза окончена и продолжения не будет. Отнимите от вопросительного знака характерное для него особое звуковое «кванканье», и слушающий не поймет, что ему задают вопрос, на который ждут ответа.

В этих интонациях есть какое-то воздействие на слушающих, обязывающее их к чему-то: вопросительная фонетическая фигура — к ответу, восклицательная — к сочувствию и одобрению или протесту, две точки — к визначальному восприятию дальнейшей речи и т. д.

...Но перед ней (запятой. — В. Ш.) на последнем слоге последнего слова вам захочется загнать звук вверх (не ставя ударения, если оно не является логически необходимым). После этого оставьте на некоторое время верхнюю ноту висеть в воздухе.

При этом загибе звук переносится снизу вверх, точно предмет с нижней полки на более высокую...

Самое замечательное в природе запятой то, что она обладает чудеснейшим свойством. Ее загиб, точно поднятая для предупреждения рука, заставляет слушателей терпеливо ждать продолжения неоконченной фразы.

...Передавайте словами видения, а не текст.

Прочитайте эти советы трижды, раздумайтесь в них.

Домашнее задание.

Первое. Наговорите прочитанный текст на магнитофон. Прислушайтесь сделанную запись. Повторите запись на магнитофон, попробуйте исправить все замечания, которые вы сделали сами себе при первом прослушивании. Перескажите снова текст на магнитофон. Прислушайтесь запись и проговорите еще раз, ибо мне кажется, что вы что-то существенное при первом

наговоре обязательно упустите (говорить, пересказывать надо, не заглядывая в текст).

Теперь попробуйте текст рассказать двум-трем друзьям, при этом попытайтесь объяснить им все новое, что вы сами узнали. По времени ваша речь должна занять не более десяти минут.

Второе. Попробуйте подготовить небольшое выступление (для начала все можете написать на бумаге) о пользе учить наизусть стихи. Попробуйте не просто высказать эту мысль своим знакомым, а убедить их в этом. Проанализируйте, как воспринимают ваши слова разные люди. Попытайтесь понять, почему вам удалось добиться результата, или почему — нет.

Еще одно задание (представьте, как могут обидеться на меня ваши преподаватели). На одном из собраний, будет ли это собрание в институте, в общежитии или на сельхозработках, во время вашей практики, попробуйте задать докладчику, выступающему, председателю не менее десяти вопросов. Вопросы надо заранее подготовить, придумать. Вопросы надо четко произнести, а составить так, чтобы вам было действительно интересно получить на них ответ.

Если вам что-то выполнить покажется сложным, то вы можете перенести выполнение задания по срокам, то есть выполнять не сразу, а, скажем, через месяц-другой. И обязательно еще раз попрошу вас — напишите мне, как проходят занятия. Вместе со своей помощницей по нашей заочной школе «Учимся говорить публично» Галиной Ануфриевой, недавней выпускницей нашего факультета, мы на каждое полученное письмо обещаем ответить.

P.S. Подготовьте речь (выступление) о подписке на наш журнал. Произнесите эту речь в кругу своих друзей, знакомых, коллег, а может быть, и на собрании группы, курса, факультета. Спустя время проверьте эффективность вашей агитации — увеличилось ли число читателей? Обращаюсь к вам, как к друзьям журнала.

На сегодня получено 175 писем в поддержку наших занятий.

Фото В. Косаковского

Первая Лосевская...

Прошло. Оно еще не вступило в свои права, когда мы говорим об А. Ф. Лосеве. Все, с ним связанное, еще не минувшее, а всего лишь вчерашнее. Его облик жив в сознании сотен людей, друзей и учеников. Потому даже и печаль о Лосеве как об ушедшем от нас человеке и мыслителе неотделима в восприятии от дня нынешнего, настоящего. Лосев и при жизни находился вне конкретности исторического бытия, **заживо погребенный** сначала в каменный мешок ГУЛАГа, а затем в десятилетия безмолвия. Именно поэтом даже большинством друзей он воспринимался как легенда, как осуществленный в отдельной судьбе символ вечности.

И все же отчасти судьба была благосклонна к нему, если считать за добрый признак продолжительность его жизни, в которой в буквальном смысле до последнего дня он сохранял не только ясность ума, но и завидную творческую силу.

Неотвратимость и жестокость судьбы проявилась по-своему: десятилетия напряженного труда он посвятил деятельности, мешавшей вольному полету философской мысли.

Философ по призванию был учительской, как в минуты досады называл он себя сам. Надо знать Алексея Федоровича, его глубочайшее уважение к учителю как до долгу, чтобы оценить ту горечь, которую он выражал уничижительным словечком.

И вот минул год со дня его смерти. В канун горестного дня в стенах Московского университета прошла научная конференция «Алексей Федорович Лосев и культура XX века».

В аудитории, где еще совсем недавно мы слушали его самого, теперь говорилось о нем, его научном и человеческом подвиге.

Проникновенное, пламенное слово Георгия Карловича Вагнера воссоздало атмосферу углубленности, простоты и достоверности, сопутствующую мышлению Лосева. Проблема личности в истории культуры, в контексте действительности — тема, нашедшая отражение в большинстве выступлений. И особенно ярко проявилась у Станислава Джимбинова, Павла Флоренского, Владимира Лазарева. Заключительное слово Азы Аликбековны Тахо-Годи оказалось, по сути своей, монографическим, где из нюансов явноственно проступало целое. В эти полчаса даже показалось, что личность Лосева перестала быть для слушателей тайной.

Юрий Ростовец

АНОНС

Диалектика судьбы

Фотографии, справки и другие материалы, представленные на этих страницах, — документальные свидетельства той трагедии, которую разделили миллионы советских людей, ставших жертвами культа личности.

А. Ф. Лосев был арестован 18 апреля 1930 года, задолго до массовых репрессий. Поводом для ареста послужил выход книги «Диалектика мифа». Лосев был объявлен главой церковно-политического центра.

К счастью, в начале 30-х годов мужественные люди еще сохраняли мужество. За него и его жену, арестованную летом 30-го, вступились Политический Красный крест, Е. П. Пешкова, М. И. Ульянова.

В будущем году на страницах «Ст. М.» мы подробно расскажем об их трагической судьбе, проиллюстрируем ее уникальными документами, малая часть из которых представлена здесь.

Будет опубликована лагерная переписка з/к Лосевых.

А пока — еще одно свидетельство времени.

На соседней странице мы публикуем выдержки из статьи А. М. Горького. Этот эпизод, на наш взгляд, дает читателю почувствовать атмосферу 30-х годов.

А. Ф. Лосев в период работы над «Диалектикой мифа». Фото середины 20-х годов

Валентина Михайловна Лосева, жена А. Ф. Лосева. Фото середины 20-х годов

Обложка книги А. Ф. Лосева «Диалектика мифа» (М., 1930), тираж 500 экз. До настоящего времени сохранились 2 экземпляра

«В зоне», з/к В. М. Лосева, з/к профессор А. Ф. Лосев. Фото сделано в лагере в 1932 г.

И эти, они тоже жертвы... Сразу вспоминаются строчки Б. Пастернака:

Наверно, вы не дрогнете,
сметая человека.
Что ж, мученики догмата,
вы тоже — жертвы века.

религиозные философы и в наши дни остаются такими же «гасителями разума» и чело-веконенавистниками, какими они были всегда, а особенно с той поры, когда христианство было признано государственной религией. В рукописной копии нелегальной брошюры профессора философии Лосева «Дополнение к диалектике мира» * сказано то самое, что ежедневно печатается в прессе политиканствующих эмигрантов, предателей трудового народа в прошлом, готовых предать еще раз и завтра. Не считается с тем, что даже классовые враги Союза советов признают факт культурного возрождения рус-

М. Горький

О борьбе с природой (фрагмент статьи)

Среди буржуазных «мыслителей» есть группа особенно бесстыдных лицемеров, их ремесло сочинять книги о великих заслугах христианства в истории культуры, причем они

забывают о поразительном изуверстве церкви Христовой, непрерывной пропаганде ею ненависти ко всем иноверцам, о садизме ее бесчисленных инквизиторов, забывают о неисчислимых ужасах «религиозных» войн, о том, что эта церковь освящала рабство и крепостное право. Наместники Христа на земле, князья церкви, епископы,

* Так в подлиннике, вместо «мифа» стоит «мира».

Действительно по № 28. Удостоверения

Область Госуд. Политическ. Управлен.
при
СНК СССР

Гл. Упр. испр.-тр. лаг.
УПРАВЛЕНИЕ
Боложорско-Балтийского
исправительно-трудового лагеря

ОТДЕЛЕНИЕ
22. Удостоверения 1932 г.

Удостоверение № 611

Дано мне *Василию Васильевичу Маслову*

в том, что он командирован

для *Велюговы*

По выполнении заданий командировки *Лосева*

обязан явиться к месту своей работы

Настоящее удостоверение подлежит регистрации в *Общей части*

Начальник *Маслов*

Начальник Общей части

Вверху — пропуск з/к
В. М. Лосевой для поездки
в Медвежью Гору на свидание
с мужем, з/к А. Ф. Лосевым.

Внизу — пропуск з/к
В. М. Лосевой на свидание в
лагере с матерью.

Документы заключенных Лосевых

Удостоверение № 14 от 14-го мая 1932 г.

Дано мне *Василию Васильевичу Маслову*

разрешается следовать

Маслову

для свидания с матерью

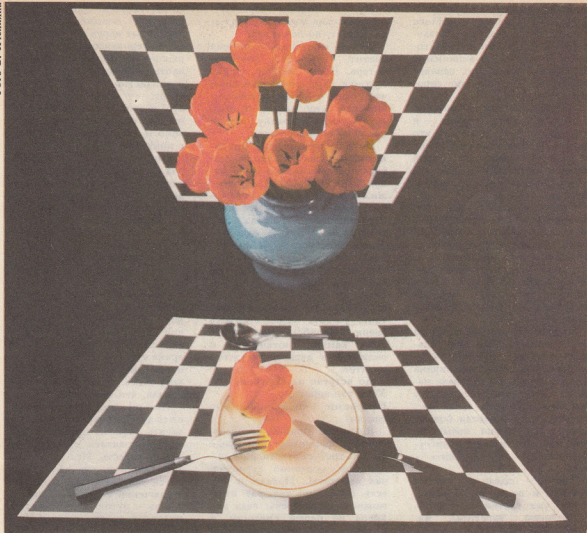
Маслову

ской трудовой массы, философ Лосев пишет: «Россия кончилась с того момента, как народ перестал быть православым. Спасение русского народа я представляю себе в виде «святой Руси». Но что же такое, по мнению Лосева, представляет собою русский народ? Народ этот он характеризует так: «Рабочие и крестьяне безобразны, рабы в душе и по сознанию, обиденно скучны, поды, глупы. Им свойственна зависть на все духовное, гениальное, матерщина, кабаки и циничное самодовольство в невежестве и бездействии».

Нечего сказать — красивый народ! И если б профессор был мало-мальски нормальный человек, он, разумеется, понял бы, что из материала, столь резко охаянного им, невозможно создать «святую Русь», — понял бы и повесился. Только идиот может оценивать «зависть к духовному» как порок. Но профессор этот явно безумен, очевидно, малограмотен, и если дикие слова его кто-нибудь почувствует как удар, — это удар не только сумасшедшего, но и слепого. Конечно, профессор — не один таков, и наверное он действовал языком среди людей подобных ему, таких же морально разрушенных злобой и ослепленных ею. Что делать этим мелким, честолюбивым, гнильным людям в стране, где с невероятным успехом действует молодой хозяин, рабочий класс, выдвигая из среды своей тысячи умных, талантливых строителей социалистического общества, в стране, где создается новая индивидуальность? Нечего делать в ней людям, которые опоздали умереть, но уже гниют и заражают воздух запахом гниения. Я как будто уклоняюсь от моей темы? Возвращаясь к ней.

(«Правда», 12 декабря 1931 года)

Статью, с фрагментом которой мы вас познакомили, А. Ф. Лосев прочитал, уже будучи заключенным. Вот что написал он мне: «Шлю тебе вырезку из «Правды» за 12 дек. 1931 г. Полюбуйся! Эта же самая статья помещена и в «Известиях» за то же число». И все — ни жалоб, ни злости.

РЕЗОНАНС

Три из тысячи

Игорь Акимов,
Виктор Клименко

Открытый ответ на письма по поводу публикации книги «О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе»

Как известно, книги имеют свою судьбу. Судьба «Мальчика...» началась 14 лет назад с неприятия его официальной наукой (а поскольку она владела монополией на истину, то о выходе в свет с новыми взглядами, с особым мнением не могло быть и речи). Потом

были публикации первых глав (№ 9, 1987, № 1-3, 1988), канувшие, словно в пустоту — ни единого отклика! — что смутило редакцию, которая приостановила публикацию. На сколько? Может — навсегда?..

И тогда мы решились на радикальную меру — бросили вызов читателю в открытом письме (№ 5, 1988). И выиграли все. Хлынули отклики, редакция возобновила публикацию (№ 10-12, 1988, № 1-7, 1989).

Создавая «Мальчика...», открывая доселе неведомый чело-

веческий материк, единственная наша мечта — докричаться до живых, помочь жаждущему, дать факел осознавшему себя в темноте, дать руку стремящемуся вырваться из рабства обыденщины, из плена колеи, в которую попал вроде бы случайно, временно, на раз, — и оставаясь в ней, как выяснилось, навсегда. Наша цель — экология души и, судя по откликам, мы с нею справляемся.

Поводом для этой публикации послужило маленькое событие: мы получили тысячное письмо. На многие из них мы ответили непосредственно, а тут редакция предоставила нам возможность ответить публично.

Письмо из Ленинграда. «...Я мечтала стать философом — и поступила в университет. Эйфория умерла еще в

первом семестре. Преподаватели — ни одного светлого лица! Скау. Жвачка. Банаальщина. Штампы. Ни шагу в сторону от марксизма-ленинизма. А жизнь ежечасно цепляет крючками вопросов, но спросить не у кого...

Потом было три потрясения.

Первое — когда прочла — и осознала — что человек — это животное. Только. Всего лишь. И вокруг — огромное стадо, которое затаптывает тех, кто оказывается чужаком, неживотным.

Второе — когда я осознала, что жизнь — это всего 20 000 дней, и треть из них я уже прожила. Прожила с ощущением, что жизнь еще не начиналась.

Третье... третьим была любовь. Почти год я жила своим принцем, мечтала о нем. Не выдержала — пришла к нему сама.

Но уже после второго вечера все кончилось. Он был альфонс, а у меня даже после стипендии никогда свободного чирика не водилось. — все отдавала матери. Сами понимаете: нас у нее трое, она одна тянет нас, своих детей, — никогда больше двух с половиной косях не зашибала. На четверых! Просуществовать — можно, жить — нет...

Короч — надела я чистые трусики и пошла на Невский. Вот уже третий год пасусь. Сутенеры, рэкетеры, мафия — это само собой.

Конечно — риск большой. Всякой венерической дряни столько — никогда бы не поверила. Опять же — СПИД... Но я не колюсь, колес не глотаю, не пью — только делаю вид. Нужно иметь ясную голову и глядеть в оба. Каждую неделю свечку ставлю в Михайловском — Господь жалеет.

По первому же году хатку купила. Однокомнатная, но проект индивидуальный, сантехника фээргэшная, мебель Петя-художник резал. Влетело в копеечку, зато — как мечтала. И — на всю жизнь.

Шмотье — бурда-мурда-зайчатина — это первое, чем заняться пришлось. Потом бриллиды пошли. Валюта закапала. «Жигуленок»-свежачок завелся, хочу на «ауди» сменить, но не уверена. Меня один фирмач склонял: я японшек не хуже, а цена божеская.

Ну, и матери хорошо — с первого дня помогаю. Она меня жалеет, но понимает.

Думаю, еще на два года меня хватит. Чтоб без заметных потерь. Потом завяжу. Найду музрика б/у — чтоб уже знал, что почем, чтоб мог оценить, — нарожаю ему деток, и хоть оставшую половину жизни проживу по-человечески.

Вот такая философия. Вот такой путь к свободе. Это не университетская жвачка и не ваши сказочки в «Ст. М.». Это — жизнь. Я уже выиграла эту партию, или — переходя на вашу терминологию — решила эту задачу. Вы правы в одном — нужно действовать. А про таланты — лучше не надо. В мире, где нет ничего святого, где все — мерзость, все — продается, вы делаете величайшее зло, ужасную провокацию, пытаетесь убедить людей смотреть вверх. Они забудут, что под ногами камни, споткнутся — и окажутся в дерьме. Вы этого хотите?..

До встречи на Невском. Катя тэн-карат». Непростое письмишко, не так ли?

В нем нет прямых вопросов, поэтому формально оно вроде бы и не требует ответа. Моя, подумаешь, душевный стриптиз, эка невидаль!.. Правда, в нем есть вызов, но как раз этим можно и пренебречь: ведь это вызов не нашей смелости, а стереотипному, обывательскому мировоззрению, вызов трагическим обстоятельствам жизни. Наконец, это вызов самой себе, попытка оправдаться. И если бы дело только в этом, вряд ли письмо было отослано. Но его отослали — значит, хотя бы подсознательно рассчитывали на ответ. Значит, кроме текста (стриптиза) и подтекста (вызова), в нем еще нечто. Какой-то глубинный, первичный смысл...

Полагаем, что это — отчаяние.

Ей плохо. Точно. Она уже прошла все стадии материального самоутверждения (от мечты о невозможном — мечты, продиктованной обывательскими представлениями об идеале, благополучии и счастье, мечты, которая вменяется в известную триаду — «деньги, деньги, деньги», — будут деньги — купим квартиру, обстановку, ма-

шину, шмотки, диплом, общественное положение — кутим все! И вот вдруг эта мечта стала материализовываться, вчерашнее невозможное — обретать плоть; появилось ощущение сопричастности, затем — восторг: «у меня это есть! и это! и это!..»; материализованное благополучие подарило апломб и уверенность, но вместе с притуплением голода погасло и чувство; вдруг стало скучно... она попыталась себя взбодорить: «хочу лучше! ярче! больше! дороже, чем у других!..» — жила, словно в лихорадке, взяла, наконец, и эту вершину — но на ней то ли очнулась, то ли прозрела, потому что пошла: дальше дороги нет; вверх — не под силу, да и все заранее известно; прямо — скучно; вниз — страшно, но завлекательно, потому что падеши, стремительное нарастание приближающейся гибели еще способны пробудить в ней яркие чувства, ощущение реальности жизни), — и когда добилась всего, чего хотела, вдруг поняла, что проиграла.

Нельзя! не получается! — имея душу, продавать тело, продавать мысль, продавать память, продавать мечту. Продавать совесть. Нельзя. Жизнь так устроена, за все приходится платить. За все! Без исключений. Чтобы забить гвоздь — нужно умело ударить молотком; чтобы иметь хлеб — нужно его вырастить; чтобы жила любовь — нужно отдавать лучшее, что имеешь.

Паата есть обязательно. Всегда.

Соня Мармеладова, продавая свое тело, совершала нравственный подвиг, шла на самопожертвование. Катя, удовлетворяя похоть случайных клиентов, тиражируя эрзацы чувств, вынужденная изю дня в день подавать, притупляя свое нравственное чувство, проходила школу облагораживания заа.

Она — сама — свою душу изнасиловала.

Ради шмотья, чириков, бриллидов, косях...

Они удобны тем, что материальны, что их можно пощупать. Они привлекательны тем, что от них передается уверенность — уверенность в себе и в завтрашнем дне.

Эта философия так проста!

Не нужно ничего доказывать — все убедительно само по себе. Но — парадокс! — этот образ жизни убедителен только со стороны. А когда начинаешь натягивать эти одежды на себя — они оказываются малы. Сколько их ни расшивай, сколько ни дотачивай — все малы! Потому что материальная ценность — едва мы овладели ею, сделали ее своей — в наших глазах тут же теряет в цене. Почему? Если вы внимательно читали «Мальчика...», вы это понимаете: предмет, которым овладели, перестает быть источником чувств (нет новизны — нет и чувства!). Остаются лишь положительные эмоции, кстати, тоже затухающие очень быстро.

Понимаете! — вы смогли, добились, достигли, выстрадали, вырвали зубами — ничего не пожалели, чтоб иметь! — и вот держите в руках... Умом — рады, а душа — молчит. А уж того счастья, о котором мечтали, нет и подавно. Так стоило ли убиваться? Стоило ли жертвовать неповторимыми днями своей жизни? Стоило ли лишать себя радости общения с близкими, с друзьями, с детьми, с природой, с искусством — со всем тем неистощимым прекрасным, что нас окружает? Стоило ли душу свою бессмертную топтать?..

Умный человек понимает это с первого урока, глупый бросается во все тяжкие: вот если ухвачу больше — уж тогда счастье от меня не ускользнет. И он лезет, лезет, берет уж вовсе непосильную вершину — и снова убеждается (разумеется, если уцелела душа и способность к самостоятельному мышлению), — что счастье где-то в другом месте.

Впрочем, может быть, все куда проще. Может быть, Катя вдруг поняла, что денежки, которые она скопила, как ни жмись, через год-два-три растают (тем более что девальвацию пока никто не отменял), автомобиль станет старым и квартира потеряет блеск. С чем же она останется? Ведь все равно же придется, как другим, искать надежного мужа и рождать детей — не сможет ли она теперь любить? А если нет — как жить с нелюбимым? И каких детей она родит — если сможет?..

Прагматические рассуждения, но не исключено, что для нее они куда убедительней нашего плача по ее душе.

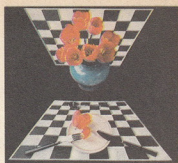
Теперь — о трех ее потрясениях.

Первое: «человек — это животное». Конечно. И не только по своим физиологическим особенностям. Подавление естественного развития (еще в материнской утробе — химией, никотином, алкоголем, энергодефицитом; с первого же дня рождения — пеленками; потом коллективным рабством в яслях, детсадах, школах и пр.) задерживает огромное большинство наших соотечественников на уровне эмоций. Почти всех — навсегда. И при всей своей доброжелательности причислить их к людям мы не можем. Это только болванки потенциальных людей. Это только поленья. Повезет — и жизнь в облике папаша Карло вырежет из них Буратино; не повезет — безлико, безвестно, бесследно сгорит, согреться похлебку в чьем-то kazanе.

Но ведь Катя — человек! Все в ней выдает обитателя среднего этажа — уровня чувств (кстати, потребителя, что облегчило ей выбор в пользу материальных благ). Находись она этажом выше — на уровне интуиции, уровне решения задач, — никакая сила не удержала бы ее на панели. Но и уровень чувств неплох. Нужно только: 1) знать ему истинную, весьма скромную цену и 2) уметь его ценить (первое — количественная характеристика, второе — качественная).

Именно это, именно былая прописка на уровне чувств (как вы узнаете из главы о технологии наращивания энергопотенциала, прописку на верхних этажах у нас никто не может отнять, она — пожизненная, хотя обстоятельства, разумеется, могут заставить нас жить сколь угодно долго внизу, среди рабов) не дает пропасть Катиной душе, называет истинную цену Катиним успехам. Именно это рождает в ней отчаяние, давая шанс вернуться к себе.

А будь она с самого начала на уровне эмоций — ничего б этого не было: ни мук, ни письма в редакцию. Она жила бы по принципу: абы день до

вечера, укрепляла бы раковину, страшилась бы завтрашнего дня. Еда, работа, сон. В промежутках — ТВ, маленькие наслаждения. Не сомневаемся, для кого-нибудь именно в этом и состоит *человеческая* жизнь, но со стороны-то видно, что она ничем не отличается от *животной*. Потому что единственное наше отличие от животных — это отнюдь не речь, как думает большинство из вас (умеет говорить — так он уже и человек!), а способность творчески, сознательно преобразовывать мир. Способность совершенствовать гармонию.

Второе — о краткости жизни, об ограниченности отпущенных нам дней. Мысль банальная и неинтересная из-за очевидности, пока: 1) жизнь вдруг однажды куда-то ускользнет, оставив нас лицом к лицу со смертью; либо 2) анемичная, обескровленная постоянным энергетическим дефицитом, ни разу не реализованная творческая потенция, неожиданно получив энергетический импульс (например, после полноценного, наполненного интересным действием и положительными эмоциями отдыха или на гребне любви), отчего у нее открылись глаза, завопит: «Да что же ты делаешь со своим жизнью, добрый человек?!»

Судя по письму, Катя со смертью не встречалась; следовательно, ее разбудил внезапный творческий импульс. Отчего же произошло потрясение?

Получив творческий импульс, человек на уровне интуиции (творец) начинает действовать. И каждое его творческое действие, каждая созданная им гармония: 1) расширяет его территорию и, значит, 2) укрепляет его жизнь смыслом. Отношение к смерти у него спортивное: он мчится впергонки со смертью, он должен успеть закон-

чить свое дело раньше, чем смерть его запынует. Поэтому он думает только о деле, о своем творении. Он должен успеть! Даже — ценою жизни. Дело для него несравнимо важнее.

Великий актер умирает на сцене.

А человек на уровне чувств (потребитель), порхавший всю жизнь с гармонии на гармонию, от удовольствия к удовольствию, — получив творческий импульс, в первый момент переживает его как удовольствие, но попытка реализовать творческой идеи проклевывает этот мыльный пузырь. Во-первых, оказывается, что ему нечем творить — не тот у него энергопотенциал!.. — ни количественно, ни качественно. Во-вторых, он вдруг осознает, что вся предшествовавшая жизнь, которая представлялась ему не только интересной, но и содержательной, — оказывается, пуста. И по большому счету — прожита зря. И самое ужасное — не видно, как это изменит в будущем.

К счастью для потребителя, он почти тотчас — автоматически — отворачивается от всего, что вызывает у него отрицательные эмоции. И Катя наверняка поступила так же. Во всяком случае, в ее письме нет даже намека на попытку наполнить жизнь смыслом.

Наконец, третье — разочарование в любви...

Любовь, пожалуй, самое яркое и энергоемкое из чувств. Именно энергоемкость исключает доступность любви для обитателей уровня эмоций (разумеется, они никогда не согласятся с этим; ведь это мы знаем, что они кругом ущербны, а они-то полагают, что это вне все плохо, а в их-то душах — все близко к идеалу); именно энергоемкость позволяет обитателям уровня интуиции поддер-

живать этот огонь (неисчерпаемый источник положительных эмоций) ровным и устойчивым всю жизнь.

Любовь человека на уровне чувств специфична. Это именно то, что обыватель понимает под словом «любовь». То, что превозносят поэты средней руки. Значит — любовь-страсть.

Потребитель склонен увлекаться. Все или ничего! — вот любимый его девиз. Встретит гармонию, близкую его идеалу, потребитель закичивается на ней. Он не может довольствоваться малым — ему подавай все! сразу! и чем ярче, чем острее ощущения — тем лучше. Причем он откачивает энергию не только от предмета страсти, но и от своего переживания этой страсти: ах, сколько красива моя душа! как сильно я умею чувствовать! как я свободен в своей любви!..

Разумеется, такой ажиотаж не может длиться долго. Едва потребитель достигает уровня энергетического насыщения, как страсть немедленно перегорает. Чтобы спастись от перегрева, нужно убить чувство. А это, как вы помните, делается просто: для этого необходимо сияющее облако чувства выкристаллизовать в мысль. Отрезвление происходит мгновенно: «Боже! и это чудовище я любил? Где же были мои глаза?..» «Пробка шампанского, с шумом взлетевшая и столь же мгновенно ниспадающая, — вот изрядная картина любви».

Следовательно, Катину разочарование было неотвратимо. Она зафиксировала смерть чувства беспощадным определением — «альфонс», но столь экзотические формулы вовсе не обязательны. Она могла вдруг понять, что ее любимый — дурак, или трус, или жмот. Спасаясь от перегрева, потребитель проявляет чудеса изобретательности в обнаружении пороков своего вчерашнего кумира. Причем ни истинность, ни масштабы явления его не интересуют. Важно только одно: нужен повод, чтобы с чистой совестью вернуться от вчерашнего предмета чувства.

Таких писем, не имеющих прямого отношения к проблеме таланта, приблизительно каждое третье. Мы разобрали Катину, чтобы показать, как наша

концепция эпк расшифровывает повседневный материал, почему необходимо владеть этой концепцией, если хочешь жить с открытыми глазами, если хочешь понимать силы, движущие и тобою, и окружающими тебя людьми.

Еще треть писем — собственное о таланте. Их авторы не обратили внимания, что в нашем определении (талант — это способность к самовыражению, позволяющая оригинально решать известные задачи) подразумевается его важнейшее качество: универсальность. Процитируем одно из этих писем. Оно из Харькова, от недавней студентки, а теперь инженера Светланы Диденко.

«...ребятам, которые поступили в вуз «по призыванию», вроде бы ваша теория и ни к чему. А остальные — поступили, наконец, определились. Зачем им начинать все сначала? Да и через 2—3 года учебы просто жалко бросать».

«...сейчас, через 5 лет после окончания радиотехнического факультета ХГУ, из наших ребят по специальности работает не больше 20 человек. Многие переквалифицировались, кто — в операторы ЭВМ, кто — в воспитатели детского сада, есть работники МВД и Советской Армии. В общем, как говорил один из наших профессоров: «Выпускник университета — специалист широкого профиля».

«Ну хорошо: вы подсказали поднять энергопотенциал, научили понимать себя и других — а дальше, дальше что? Что мне проку в том энергопотенциале и моем понимании механизма человеческой души, если я не понимаю главного: где та область приложения сил, в которой раскроется мой, именно мой талант? Где мое единственное место? В чем мое призвание?»

Вопрос поставлен правильно. Он — главный. Поэтому сразу даем ответ: *призванию к какому-либо конкретному делу не бывает. Это — миф. Не надо большого ума, чтобы глубоко-мысленно заявить: «талант — от бога». Значит, на одних Господь поглядел — и ими дано, других не заметил — и ими на всю жизнь обречены быть слепыми мулами общества?.. Хорошо; литературный талант, му-*

зыкальный, даже математический — это как-то можно представить; но ведь профессий — тысячи! и в каждой есть свои таланты; значит, Господь ведет специальную бухгалтерию, следит скрупулезно, чтобы время от времени на каждой грядке появлялся талант, иначе ведь не будет прогресса?! И вот одному достается талант сапожника, другому — кондитера, третьему — огородника или кузнеца. И весь фокус в том, чтобы угадать, какой тебе жребий лег. Если угадал — повезло. Не угадал — нет тебе счастья...

Чушь собачья.

Самый бесспорный аргумент против этого — свечки мира, которые — за что бы они ни брались — все делали гениально. Скажем, Леонардо. Жизнь заставляла его заниматься то живописью, то изобретательством, то фортификацией, то философией, — и всюду он оставил нестираемый след. Вы скажете: а Моцарт? Но у Моцарта жизнь сложилась иначе, она не позволяла ему ни перевести дух, ни поглядеть по сторонам, гнала крестом нужды в узком коридоре — и он всю жизнь творил только музыку.

Так вот, мы считаем, что механизм таланта заложен в каждого из нас. Это механизм превращения дисгармонии в гармонию, гармонии примитивной — в более совершенную. И толчок творческому процессу дает дискомфорт. Дискомфорт, который загоняет человека на уровне эмоций в еще более угнетенное состояние, усугубляя его рабство.

Механизм таланта, механизм преобразования дискомфорта в комфорт, механизм создания и совершенствования гармоний есть в каждом из нас, но для того, чтоб он начал работать, мы должны подтянуть эпк до нормы. Причем в норме должны быть и энергопотенциал, и психомоторика, и критичность. Чтоб вы не обманывались на этот счет, предупреждаем сразу: компенсаторные штучки тут не проходят. И тогда: 1) критичность засекает задачи, 2) психомоторика их решает, а 3) энергопотенциал дает всей этой работе жизнь.

Отсюда следует, что механизм таланта включается самопроизвольно. Пока эпк ниже

нормы, вы либо 1) задач не видите, либо 2) не можете их решить, либо 3) просто отворачиваетесь от них, поскольку не знаете другого способа спастись от дискомфорта.

Отсюда же следует и универсальность таланта. Если это всего лишь механизм, ему безразлично, какой материал вы в него забрасываете. Вчера — математику, сегодня — литературу, завтра — биологию; на входе — дисгармония, на выходе — гармония; вот и все дела. Посреда (сам механизм) — «черный ящик». Пока — черный, но мы надеемся, что к тому времени, когда вы изучите «Мальчика...» до конца, черное ящичка будет вам представляться не слишком черным; во всяком случае, вы будете ориентироваться в нем довольно уверенно.

И последнее: о бывших курсниках Светланы Диденко, которые поменяли специальность. Если человек делает это по велеанию души, ведомый талантом — тогда и говорить не о чем; мы можем только пожелать ему удачи. Но, судя по перечню Светланы, ее сокурсники преодолению (а иначе талант не проявляется) предпочли путь наименьшего сопротивления. А эта дорога — в противоположном направлении. В ряды потребителей. А чаще всего — в рабство.

Третье письмо представляет тех наших читателей, которые сейчас, немедленно желают получить рекомендацию, как повысить свой энергопотенциал. Протицируем письмо из Воронежа от П. Яковлева (никаких сведений о себе — даже имени — он не сообщил).

«Представим ситуацию. Больной мучается от боля, а рядом стоит врач, который аргументированно, со знанием дела и болезни одного рассказывает ему про новое целебное средство, которым врач обладает и даст его больному, но только после того, как расскажет все больному о его болезни и о лекарстве.

Ситуация, по-моему, аналогична нашей. Дорогие авторы! Вы компетентно вторглись в сферу социальных, личностных «болезней», напугали ее главную составляющую — энергию, авансом наобещали указать «путь к свободе», рас-

крыв в принципе главную вашу истину — как этой энергией управлять, как ее аккумулировать, умножать потенциал.

Не спрашивали ли было дать эти рекомендации сразу, сначала, параллельно, наконец, аргументируя их вашим, со знания дела написанным и искренним материалом?»

Вроде бы все по делу? Но только на первый взгляд. Посудите сами: в сотнях писем этой группы наши читатели, мечтающие подняться до уровня таланта, требуют от нас лишь одного: научите, как повышать свой энергопотенциал. Но ведь далеко не у всех энергопотенциал в загоне; у многих он в порядке, да вот психомоторика хромает либо критичность не развита. Так почему же никто не требует: немедленно научите, как совершенствовать психомоторику и критичность? Ответ простой: пока никто не понял, как важна психомоторика (именно она отмеряет величину заряда, чтоб он не разорвал вашу пушку, она же обеспечивает баллистику летящего к цели снаряда) и тем более не знает, что такое критичность (благодаря которой мы находим цель и точно определяем расстояние до нее).

Не будем спешить. Как верно предположил П. Яковлев, наши методики достаточно просты. Скажем больше: они настолько просты, что у неподготовленного читателя могут вызвать недоверие; хуже того — оставят его равнодушным. И тогда путь к себе, путь к оживлению таланта окажется заказанным навсегда.

Вот почему мы считаем свой порядок подачи материала наилучшим. Есть ли смысл дарить неграмотному Библию? Разумно ли давать в руки дикаря заряженный автомат Калашникова? А вот когда — идя за нами след в след — вы освободитесь от мифов, победите страх, начнете понимать себя и других, узнаете, как преодолеть сомнения и делать сознательный выбор, — только тогда простота наших методик не скроет от вас всей их глубины, только тогда мы будем уверены, что вы не смалодушничаете и не свернете в сторону, пока не придете к цели — к своему таланту. К себе как воплощенному человеку.

Как я работаю

Рой Медведев,
народный депутат СССР

Когда я начинал работу над главным трудом своей жизни — книгой «К суду истории (Генезис и последствия сталинизма)», у меня уже был немалый опыт творческой работы. Я начал писать, вначале лишь для себя, еще в 9—10-м классе, продолжал писать все время в годы обучения в Ленинградском университете в рамках студенческого научного общества. Моя дипломная работа была посвящена истории и особенностям китайской революции. Позднее, работая директором школы, сотрудником издательства «Просвещение» и Академии педагогических наук, я опубликовал две книги и более 50 статей по педагогике. Все же работа по крупным историческим темам явилась для меня важным поворотом и в жизни, и в научной деятельности. В процессе этой работы, в основном чисто эмпирически, у меня выработалась своя методика, которая определялась и теми условиями, которые сложились в целом во всей нашей исторической науке, и теми, что сложились для меня лично. Я работал, как известно, на свой страх и риск — как исследователь-одиночка. Свои концепции и темы своих работ

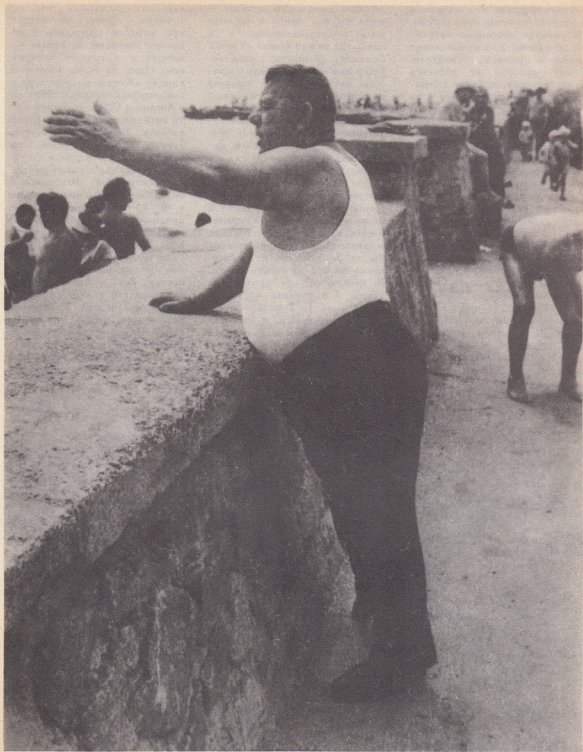
я определял совершенно самостоятельно — я не был связан никакими сроками и обязательствами. С другой стороны, я был избавлен от изнурительной борьбы за «пробивание» и «утверждение» своих идей, взглядов, оценок и концепций. Но у меня не было подчиненных, не было младших научных сотрудников, молодых ученых, которых я мог бы привлечь к выполнению технической работы и из которых со временем могла бы сложиться какая-то научная школа. Первый молодой помощник появился у меня только в 1982 году, еще несколько молодых историков стали помогать мне с весны 1988 года. Эти условия, в которых проходила моя работа, определили и некоторые важные черты моей методики.

а) Я никогда почти не имел возможности собрать вначале все необходимые материалы, нужные мне для той или иной книги, обдумать на этой основе ее концепцию и затем написать ее. Материалы к любой книге собирались медленно, по крупицам, многими годами, а то и десятилетиями... Но сегодня это «разделение труда» определялось особенно четко. В моей московской квартире все три комнаты — это три отдельных кабинета со своей библиотекой, архивом, письменным столом и пишущей машинкой. На подмосковной даче имеется такой же четвертый кабинет; на юге, у друзей (я отдыхаю и работаю по 2,5—3 месяца в Железноводске вот уже 20 лет подряд) я оборудовал еще один кабинет. Никогда не переносу бумагу, канцелярских принадлежностей, писем с одного стола на другой. В одном кабинете я работаю над книгой «Брежнев. Личность и эпоха». Во втором кабинете готовлю новое издание книги о Хрущеве. В третьем у меня библиотека книг на немецком и английском языках, машинки с латинским и русским шрифтами, здесь также работают три-четыре дня в неделю мои помощники. На даче я веду

работу над отдельными статьями и переписку. На юге я продумываю планы работы, концепции, пишу воспоминания: «Рассказ о родителях», «Воспоминания о Твардовском», «О Юрии Трифонове», «Илья Эренбург» и др. Хотя работа над каждой темой продолжается годами, — я всегда разбиваю ее на определенные этапы, и каждый из них завершается какой-нибудь публикацией. Это обеспечивает моральные стимулы к продолжению работы, создает чувство удовлетворения, решает мои материальные проблемы и, конечно, помогает скорректировать дальнейший ход работы. Так, например, я начал еще в середине 60-х годов работу над темой «Н. С. Хрущев и его время». Я опубликовал последовательно несколько статей: о XX съезде, о линии XX и XXII съездов, «Хрущев на пенсии» (по материалам членов семьи Никиты Сергеевича), «Н. С. Хрущев. Кукуруза и целина» (не опубликована), «10 лет со дня смерти Хрущева». В 1976 году в соавторстве с братом Жоресом издал книгу в 8 п. л. — «Хрущев. Годы у власти», которая вышла в разных странах и на многих языках. В 1980—1981 годах написал книгу «Хрущев. Политическая биография», которая была издана в Италии издательством ИКП «Рунити» и в Англии в Оксфорде...

б) Я никогда не делал секрета из своей работы, не конспирировал, работал не только открыто, но и на каждой стадии работы давал читать подготовленный вариант друзьям и всем тем, кто выражал интерес к моей работе и мог чем-то помочь. Я обсуждал свои работы с десятками людей, в том числе и с профессиональными историками (В. П. Данилов, Я. Драбкин, Н. Б. Тер-Акопян, М. Гефтер, А. М. Некрич и др.), политологами и правоведами, социологами и литераторами (Г. Х. Шахназаров, Ю. Кралин, В. Д. Ядов, Ф. Бурлацкий, В. Я. Лакшин, А. Аникст и др.). Эти обсуждения и споры помогали мне подойти к той или иной теме с различных точек зрения. При таком характере работы я каждый год должен писать новый вариант, более расширенный и проверенный.

Рукопись книги «К суду истории» я переписывал и перепечатывал до ее первого зарубежного издания 11 раз, а сейчас в издательстве «Прогресс» готовится к изданию 15-й вариант этой книги. И, как я думаю, не последний. Сейчас появля-

ется много новых публикаций на тему «Сталин и сталинизм», и я начинаю готовиться к работе над вторым советским изданием этой же, и без того очень большой книги.

в) Я твердо убежден, что любая книга по истории должна

быть как можно более «читательной». История — это очень увлекательная наука, и книги, статьи и очерки по истории должны быть написаны по возможности увлекательно. Я не слишком высоко оцениваю свои литературные таланты, но ста-

раюсь везде, где это возможно по характеру темы, придать своим работам некоторые элементы детектива. Уже предисловие должно привлечь читателя. Книгу, которая не является «читабельной», не будут в большинстве случаев издавать и за границей. При этом у книги должен быть очень четкий план, и каждая глава, а по возможности и каждый параграф, должны иметь свою тему, чтобы любая часть книги могла быть интересна и сама по себе и чтобы любой параграф книги мог бы составить отдельный очерк или статью — «Был ли Сталин душевнобольным?», «Цель и средство в социалистической революции», «Сталин как личность», «Сталин как полководец Отечественной войны», «Ошибки и преступления Сталина в национальной политике», «Внешняя политика Сталина в 1939—1941 годах» и т. д. и т. п.

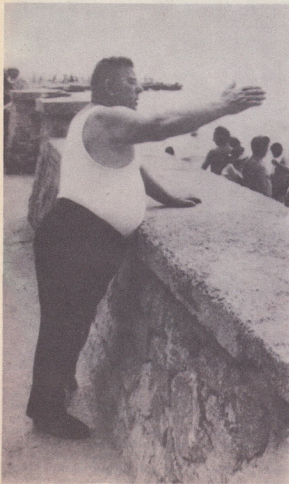
г) Я придаю очень большое значение образцовому ведению

личного домашнего архива. У меня тысячи папок с разного рода подразделениями, и я знаю, где лежит любая из моих бумажек, выписок, заметок. Один или два раза в году посвящаю несколько дней полному пересмотру своего архива...

Я не храню комплекты журналов, а только нужные мне отдельные статьи. Конечно, мне приходится очень много и интенсивно работать. Я сажусь за письменный стол даже тогда, когда в моем распоряжении имеется только 30—40 минут. Почти не бывает дня, когда я не напечатал бы 1,5—3 страницы текста, не прочел нескольких журналов или книги, не ответил бы на 5—6 писем, не побеседовал бы с 2—3 посетителями. В последний год приходится также и выступать в разных аудиториях 1—2 раза в неделю. В молодости я работала без отдыха, но в последние 20 лет я отдыхаю полностью два месяца в году.

...Я всегда старался использо-

вать все доступные мне источники, кроме, разумеется, тех, которые хранились в недавнем прошлом за семью печатями и с грифом «секретно». Одна из моих последних книг — «Китай и сверхдержава», опубликованная в 1985 году в Англии и США, основана почти исключительно на доступных любому специалисту литературных источниках — на книгах и статьях о Китае и советско-китайских, а также американо-китайских отношениях, опубликованных в нашей стране в 40—80-е годы, на некоторых немецких исследованиях, на статьях и очерках из таких журналов, как «Шпигель», «Тайм», «Ньюсуик», на отдельных публикациях китайской печати. Еще в Ленинградском университете в 1950—1951 годах я подготовил и защитил дипломную работу по теме «Особенности китайской революции». Моим научным руководителем был тогда известный китаевед Г. В. Ефимов. С тех

пор я постоянно наблюдал за событиями в Китае и вокруг этой великой страны и собрал обширный архив и большую библиотеку. С конца 70-х годов я опубликовал в западной прессе несколько статей, где старался доказать, что драматический разрыв между КНР и СССР — это временное явление, что высшие интересы наших стран с неизбежностью приведут к постепенной нормализации отношений и по государственной, и по партийной линии. На здоровой основе может развиваться и экономическое сотрудничество СССР и Китая. Все главные события в геополитическом «треугольнике» СССР — КНР — США происходили на глазах нашего поколения и находили отражение в печати. Поэтому для анализа и размышлений материала для историка имелось вполне достаточно...

Первый вариант книги «К суду истории», опубликованный в США в 1971 году, был написан по материалам советской прессы, партийным документам, которых было много в 1956—1966 годах. Но я также использовал не менее 200 разного рода мемуарных работ, большая часть которых не была опубликована. Мне приносили машинописные тексты сами авторы, их друзья и родственники, многие из такого рода мемуаров я прочитал в личных архивах писателей К. М. Симонова, В. А. Каверина и некоторых других. Я также записал более тысячи устных свидетельств самых различных людей — от бывших секретарей обкомов партии до рядовых рабочих и служащих. Подобного рода устные свидетельства были, пожалуй, основным источником для книги «Они окружали Сталина». Эта небольшая книга была опубликована в 1982—1984 годах в разных странах, сейчас ее печатает журнал «Юность» и готовится к изданию Политиздат. Конечно, при использовании устных источников и свидетельств возможны отдельные неточности и ошибки, хотя за многие годы выработывается интуиция, позволяющая отличить истину от мифа или простой выдумки.

Мы не имеем, однако, права отказываться от использования устных свидетельств, так как многие очень важные события нашей отечественной истории не отражены ни в каких документах. Когда ко мне приезжает, к примеру, редактор одного издательства и рассказывает со слов своего умершего друга о том, как Сталин якобы дважды встречался — в 1933 и 1935 годах — на яхте с Гитлером и Муссолини, я сразу понимаю, что это явная выдумка или, как говорили заключенные, лагерная «параша». Но когда режиссер М. И. Ромм рассказывал мне о встречах своего друга, адмирала И. С. Исакова, со Сталиным или о своих встречах с Ворошиловым и Жуковым, я записываю эти рассказы как заслуживающие доверия свидетельства. Повторяю, что неточности здесь возможны. Такие неточности были, например, в использованных мною свидетельствах А. В. Снегова, человека необычайной судьбы, старого большевика, бывшего партийного работника, заключенного, работника политотдела ГУЛАГа...

Уже в конце 60-х годов я понял, что публикация критических материалов о Сталине и сталинизме, так же, как и законченной к тому времени большой книги «Социализм и демократия», невозможны. После того как меня за рукопись книги «К суду истории» Московский горком партии исключил из рядов КПСС, причем никто из членов бюро даже не читал этой работы, я решил, что публикация за границей хотя и не лучший, но единственно возможный для меня путь к продолжению борьбы за восстановление исторической правды. Надо было не мириться с обстоятельствами и работать, а не подчиниться обстоятельствам и молчать. Мне помогли мои друзья — некоторые из известных австрийских коммунистов, коммунисты из Италии...

Не существует закона, который не позволял бы советским гражданам публиковать свои книги за границей. Нет закона о том, что для переписки следует обязательно пользоваться каналами советской почты. Инструкции — это не закон. Передать рукописи на Запад мне помог Генрих Бёль, в репута-

ции которого как независимого человека и сторонника социальной справедливости нет ни у кого сомнений. В США мне оказал помощь объективный советолог профессор Давид Журавский, который определил издательство и взял на себя заботы по организации перевода и редактирования книги.

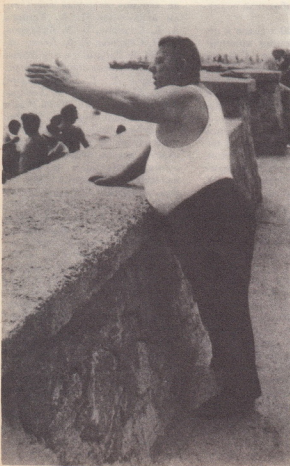
После 1973 года все эти обязательства принял на себя мой брат Жорес, лишенный советского гражданства и работающий в Центральном институте медицинских исследований в Англии. Я не конспирировал, а вел свои дела открыто. Тем не менее на меня было оказано большое давление, было даже принято решение еще в 1970 году о репрессивных акциях против меня и моего брата, который 29 мая 1970 года был принудительно госпитализирован в психиатрическую больницу города Калуги. Однако значительная часть видных представителей московской и ленинградской интеллигенции организовали кампанию за освобождение моего брата. В Москве «группу защиты» возглавили академики П. А. Капица, А. Д. Сахаров, Б. А. Астауров, Н. Н. Семенов, А. Д. Александров, И. А. Кнунянц и некоторые другие, а также писатели и режиссеры А. Т. Твардовский, В. Д. Дудинцев, В. Ф. Тендряков, В. А. Каверин, М. И. Ромн; в Ленинграде — Д. А. Гранин и многие другие. Они посылали телеграммы в высшие органы власти, делали публичные заявления, приезжали в Калугу навестить «больного». При таком давлении общественности уже 17 июня мой брат был освобожден. Вся эта детективно-политическая и медицинская история стала темой нашей совместной с Жоресом книги «Кто сумасшедший?», опубликованной в ноябре 1971 года за границей. Сейчас сокращенный вариант этой книги опубликован журналом «Искусство кино» (№ 4—5 за 1989 год). После того как мои книги «К суду истории» и «Социализм и демократия» были опубликованы в Англии и США, а затем и во многих других странах (в 1971—1972 годах), мое имя получило известность среди левых кругов и прогрессивной интеллигенции в странах Запада. Поэтому репрессии против

меня становились делом трудным, и я получил относительно благоприятную возможность работать. Меня вообще никогда не упоминали в советской печати — не хвалили, но и не ругали. Все же давление осуществлялось. Меня вызывали четыре раза в прокуратуру, вплоть до Прокуратуры СССР, два раза в моей квартире проводили обыск, полтора года возле моей квартиры был пост милиции, и три офицера МВД проверяли документы у всех, кто ко мне приходил. Эта бессмысленная акция, в которой посменно, днем и ночью, было задействовано целое подразделение милиции в 13 человек, вызвала лишь насмешки в печати западных стран. Была и кампания угроз в письмах и по телефону. Но я соблюдал необходимую осмотрительность и избежал худшего. Я никогда не думал об отъезде за границу и верил, что рано или поздно мои книги начнут публиковаться в СССР. Я верил в перестройку. В разное время в мою защиту выступали главы государств Австрии и Италии,

лидеры коммунистических партий Италии, лейбористской партии Англии и некоторые другие видные общественные деятели. Как я писал выше, у меня дважды производили обыск и изымали научный архив, в том числе выписки из советских газет и журналов, вырезки, некоторые книги. Но я относился спокойно к этому давлению и игнорировал угрозы. Меня было трудно обвинить в клевете или «антисоветской пропаганде», — содержание моих работ было известно читателям многих стран мира. Пожалуй, разные формы давления вынуждали меня лишь к более напряженной и интенсивной работе. С 1976 года я отправляла свои рукописи за границу по обычным почтовым каналам, их не задерживали. Я мог договариваться со своими издателями на Московских международных книжных ярмарках, так как участвовал в них с 1977 года...

Я надеюсь, что судьба позволит мне еще лет 8—10 интенсивно работать. Сейчас я го-

товлю к изданию многие из ранее вышедших за границей книг. В 1989 году выйдет в свет восемь или даже десять книг, в 1990 — еще пять книг. Я работаю над книгой «Брежнев. Личность и эпоха». По договору с агентством печати «Новости» книга должна быть готова в декабре 1989 года. Закачиваю цикл новых статей по истории — «Семья Сталина», «Л. Б. Каменев», «М. И. Калинин», «Смерть М. В. Фрунзе», «С. М. Киров», «Каганович и реконструкция Москвы» и другие. Некоторые из них готовятся к публикации, и вместе они будут изданы в качестве сборника в Политиздате. Давно работаю над книгой под условным названием «Идеология, политика и общественные науки», над очерком «Жизнь и творчество Дж. Оруэлла». Я прочел серию из десяти лекций для учителей истории в Москве. Из этой стенограммы также надо было бы сделать небольшую книгу — пособие для учителей. Планов много, материалов много, а времени — мало.

Валентин Голубев

В поезде

«Людьми нельзя повелевать
Ни уговорами, ни лаской,
Ни приговорами с остраткой,
Тем паче бить-четвертовать,
Гнать по судам,
Бить по зубам
И зубы за-го-ва-ри-вать.
Людьми нельзя повелевать!» —
Учил меня сосед случайный,
Подвыпивший директор

чайной,
Хоть небольшой, но все ж
начальник.

И я подумал: «Наплевать!
Ему ль людьми повелевать?»

* * *

Можно всего в этой жизни
добиться.

Глянь: в генералах солдат-
неумеха.
В золоте вся молодая вдовица.
Разве не это вершина успеха?

Можно в открытые двери
ломиться,

Можно в глухие сознания
стучаться,
Гнаться всю жизнь за далекой
жар-птицей
И не понять, что в воробышке —
счастье.

Можно продать родовые иконы,
Быть заурядным и все ж

пробиваться
В ряд, что зовется в народе
суконным.

Можно...
Но проще собой оставаться.

Можно, бесцветную старость
встречая

В доме, что нищенским крепком
согласьем,
За пирогами собраться, за чаем
С сыном Алешкой, с женою
Настасьей.

Снова я вижу усталые лица,
Встречусь с глазами — в них
боль укоризны.

Можно всего в этой жизни
добиться,
Если вам хватит для этого
жизни.

* * *

Ворон ворону глаз не выклюет,
Волк волчонка не загрызет,
Нежат выводок выпь и
выхухоль,
Человек же — наоборот.

Слишком пьяные наши
праздники.
Разошелся труд с ремеслом.
Род людской, он не знает

разницы
В том, что завтра пустить
на слом.

Спорый в деле, в расправе
скорый он,

Не познавший ни прок, ни сыть,
Он — богач!
Ну а завтра с коробом
Будем милостыню просить.

Род людской,
Неужель в уроне он,
Самого себя не щадя,
В мавзолеях вождей хоронит,
Четвертует на площадях.

Наши дети глядят волчатами
На жестокость своих отцов,
И в ночи мотоциклы мчат они
Дикой стайкою беглецов.

Так живем.
Ко всему привыкли мы,
А спохватимся, жизнь пройдет.

Ворон ворону глаз не выклюет,
Волк волчонка не загрызет.

Ванька

Работа тяжелая спорит людей.
Чтоб не было бунту поблажки,
Чтоб сдерживать волюнцию
в жесткой узде,
Есть в каждой артели ватажка.

Где взять на арапа, где ласкою
взять,

Он знает.
Но движет им что же?
Назвать лихоимцем такого
нельзя,

Попробуй-ка сам, если
сможешь.

С червонцем по кругу пустил
малахай
Собрать погорельцу рублевки,

Чтоб знали хозяина,
Знали свой край,
Чтоб вить из покорных веревки.

Он может себе самому
подыграть,
Дубленку заменит на ватник,
Об армии скажет старинное:
Ванькой.

Им правят не деньги и не харчи,
О счастье его не печалься,
Он может в любые пройти
первачи,
Пробиться в большое
начальство.

А если сорвется
и все кувыркком...

Поднимется вновь,
матеря.
Кто с жизнью рисковую близко
знаком,
Тот знает: судьба — лотерея.

* * *

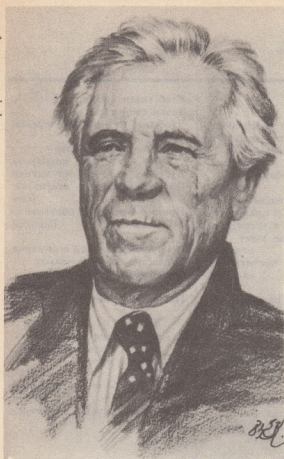
Гул сражений в полях отзвучал,
Сбившись в стаи, года
пролетели.
Перевернутый колокол — чан,
Где готовят похлебку артели.

Молодая, лихая пора.
В силе дед, и отец еще юный.
Золотым ручейком с топора
Брызжут щепки на стройках
коммуны.

Там, где дом на холме, как
ладья,
Детский крик среди птичьего
грая,
Босоногая мама моя
С ребятишками в журки
играет.

Пусть у плотника ломит плечо,
Пот ручьями,
он весел, как дети.
Этот мир не изведал еще
Самых страшных своих
лихолетий.

Жизнь другая досталась нам.
Почему же, привыкший
к достатку,
Я тоскую по тем временам,
Как дитя, потерявшее мамку?

ПРОЗА

Виктор Астафьев

Без последнего

Рассказ

Зимней порой пятьдесят четвертого года в качестве корреспондента газеты «Чусовской рабочий», прозванной ее бойкоязычными сотрудниками «Очусовельный рабочий», я прибыл на лесоучасток Мыс, чтобы описать передовой опыт обрубки сучьев. За бытность мою в газете я описал и обобщил уже не один передовой опыт, мог бы сотворить и этот, не выходя из редакции, но все же «на месте виднее», и потому я мотался по леспромхозам в ботах, называемых «прощай, молодость», черпал ими снег, глазел, как валят и пилят лес, превращая его в «кубики», грелся у костра, слушал жалобы, анекдоты военных лет, хлебал вместе с лесорубами переботанную теплую похлебку, заедая ее мерзлой рябиной, ясно уродившейся в тот год.

Если бегло перелистать историю человечества, то сразу же обнаружится скачкообразность его пути. Все вроде бы налаживается, набирает ход, вот уже и путь означен и цель ясна, вот уже идет к светлым далам дружными рядами, сплоченными верой или идеями, радостное человечество, вот уже на рысь переходит, но хоп — преграда! —

порой совсем пустынная: какой-нибудь пень, какая-нибудь колода, но человечество повалилось, давит само себя, копошится, ползает, озлясь рвет друг друга зубами и руками.

Ну что такое сучок на могучем земном дереве? Закорючка, подставка для птишек, проросток для хвои да листьев. Ан, уперлось в сучок человечество, не знает, что и как с ним делать! Дерево валит запросто — сучок одолеть не может. А все оттого, что сучков на дереве очень много и все их надо аннулировать, чтоб из дерева сделать голое бревно, годное на бумагу, брусья, шпалы, доски, рудстойку. Уперлось человечество в сучок и никак не может двинуться дальше, чтоб подчистую обобванить землю, стубить леса и поскорее без них сдохнуть.

Уже к середине пятидесятих годов нашего века существовали сотни, если не тысячи методов борьбы с сучком, и все методы передовые, экономически выгодные, сулящие быстрое продвижение по линии прогресса, а значит, и благосостояния человека.

Но сучок! Сучок проклятый торчит, не сдастся и все еще спасает нас и землю нашу от гибели.

На сей раз передовой опыт заключался в том, что сучки не обрубали, не спиливали, не состругивали, их обдирали петлей стального троса. Передавши всевозможные сучкорезки, ножицы, топоры и пилы, я должен был в мысовских лесах обозреть петлю, изобретенную якобы техноруком лесоучастка. На самом же деле оказию эту выдумал какой-нибудь московский хитроумный кандидат наук, скорее всего дальше Марьиной Рощи ни в каких лесах не бывавший.

Описание «чуда технической мысли» появилось в журналах, технорук, углядев новшество, не поленился изложить его на бумаге «своими словами» и предложил внедрить как свое, нисколько при этом не рискуя. На лесоучастках никто ничего не читал, в том числе и мои страшные статьи, тем более технические журналы. Сучки, как в каменном веке, обрубались тупыми топорами, только топоры уже были железные, плохо насаженные на березовые обрубки, отдаленно напоминающие топорича. На обрубку сучьев сплошь ставились молодые бабы и девки, как правило завербованные из безлесных краев. Рубили они чаще не по сучку, а по коленке и потому в ряд лежали на нарах в рабочих бараках, будто раненые бойцы в палатках фронтowych медсанбатов во время наступления.

Вместе с мужиками, но большей частью бабьем, толсто и неловко для работы в лесу одетыми, я забрался в крытые тракторные сани, посреди которых в ящике, засыпанном землей, стояла бочка с трубой. Дверь дощатой избушки на полозьях примотали проволокой, технорук спросил: «Все ли сели?», обзвал кого-то, не вышедшего на работу, гадом и филоном, сильно постучал в переднюю стенку фурыгона кулаком, впереди зарычал трактор, сани дернулись, и мы поехали по льду через речку Усьву. Сани задрало, из проруба бочки посыпались угли, вокруг нее задымилась окурки, вспыхнули бумажки, трактор, грозно рокоча, волок нас на крутой берег, но скоро напряжение спало — мы ехали по дороге, пробитой по руслу речки Таицы.

Лес вокруг Мысовского участка вырубил передовыми и иными, большей частью варварскими способами, лесосеки были от участка далеко, до-

ставали древесину по таким вот горным жилам, в прах растерзывая чудные рыбные, ягодные речки. Древесина влетала в такую копеечку, что сама себя выходила дороже, но все равно ее упрямо валяли, прибывая к месту работы в полдень, возвращаясь с работы к полночи.

Словом, ехать нам предстояло далеко. Женщины раскопегарили печку. И хотя в щели избушки сквозило, задувало снег, от красно налитых боков бочки так пекло, что разморозило недоспавших людей, и они задремали, сплошь навалившись побратски друг на дружку.

Не спал лишь технорук, молодой, верткий, до мерзости распушенный, совершенно технически безграмотный парень. Однако быстро смекнул, что в темном лесу, в дремучем заготовительном невестестве можно командовать и ему, как он хочет, карьеру можно какую-никакую слепить и деньгу подзашибить.

Совсем мало скис технорук, когда учуял, что лесозаготовительное дело я знаю не только по газетным статьям. Но я дал ему понять, что «петлю» ни сном, ни духом не выдалыв, что поражен простотой открытия и смелостью мысли новатора. Мне остается лишь прийти, увидеть, обобщить...

Рассказавши два-три полуприличных анекдота, которые в изложении этого парня получались гаже самых поганых, молодой начальник, спавший в кабинете с вербованными сучуробками и приписывавший им за это в нарядах кубометры, к радости моей, тоже унялся, запахнул полушубок, упрятав лицо в поднятый воротник и, по-хозяйски навалившись на девачку-соседку, сонно расквасил губы.

Сани качало, подбрасывало на ухабах, в щели все больше струило снегу, труба дребезжала, в дверцу бочки нет-нет да выпадывали уголь, но все уже вокруг бочки выгорело, лешь чадилла земля и шипя пузырились на ней плешки. Поверху, по стенам фургона все чаще царапало ветками, все сильнее дергало сани — трактор-трудяга бил путь в нанесенных за ночь сугробах.

Я подбростил в печку дров. Они сразу же разгорелись, по отемнелой коробке метнулись ответы. В дальнем конце фургона, среди бабенок, сомело навалившихся на него, сидел человек неопределенных лет. Был он тесно прижат в угол и в то же время как-то обособленно сидел, тупо глядя на вновь заалевший бок печки. Лицо его было обнаженно-костляво, глаза тусклы, отдаленны, сухо сжат был морщинистый рот. Одет он был не очень тепло, зато многообразно — в казенную шапку, слезавшуюся на затылке от носки и времени, с завязанными тесемками — чтоб шапка не спадывала, вместо шарфа обернуто казенное рубчатое полотенце, серое от пота и грязи, руки глубоко засунуты в рукава бушлата, многогады прожженного, драного, пестро покрытого заплатками.

Я видел этого человека в столовой лесозаготовки. Технорук небрежно, как о чем-то досадном, сказал, что тип этот выслан в отдаленный район Урала на лесозаготовки после освобождения. Я много встречал разного народа в леспромохозах, не удивлялся уже ничему, даже когда один лесоруб назвал сыном писателя Свицкого и попросил за это поставить ему двести граммов. Между прочим, «сын» не знал, что папа его написал «Рыжика», и шибко обрадовался, когда я ему об этом сообщил.

Я стал закуривать и, перехватив взгляд из угла, протянул туда сигарету. «Бывший» прикинул от уголька, коротко буркнул «Благодарю!» и снова прикрыл глаза, погрузился в свои думы.

Он не хотел никаких разговоров.

В какое-то время меня укачало. Стараясь не наваливаться на близзидящих женщин, я задремал и вдруг очнулся от тишины.

В будке все зашевелились, зазевали, потягиваясь, завязывали платки, надевали рукавицы. По-волжски окая — вербованные женщины в Мису были сплошь почти из Ульяновской области, они удивлялись:

— Как скоро приехали-то!

Технорук отвернул рукав полушубка, взглянул на часы и, отмотав проволоку от двери, высочил наружу:

— Че у тебя опять?

Издали что-то прогавкал тракторист. Технорук выругался и, бойко строча струей по доскам фургона, что-то продолжал говорить, приказывать.

— Офурился начальник! — прыснули бабенки.

Застегивая на ходу ширинку, технорук впрыгнул в фургон, передернулся и мрачно пошутил:

— Закуривай, народ! — Он добавил в рифму матерщины. Никто и никак на это не отозвался,

лишь тот, с полотенцем на шее, потер переносицу, будто снимая с лица плевок.

В стесу фургона постучали кулаком.

— Магнето загнулось. Че делать-то?

— Опять магнето? — встревожился технорук и спросил, не открывая дверцу: — А запасное?

Тракторист не отвечал. В мать-перемать ругался технорук и долго крыл тракториста, работу свою и все на свете. В фургоне притихли. Народ думал, что технорук погонит всех до лесосеки пешком. Но начальник неожиданно прервался, вытащил пачку папирос, порвал ее не с той стороны, чертыхнулся:

— Я вас научу! — ковыряя пачку с другого конца, грозился он. — Я вас научу родину любить. Сейчас же! Бегом на базу!

— Да я ж в мазутной телогрейке, мороз под сорок... Околею!

— Мороз! Околею! — передразнил технорук. — И околей! Башкой думать надо! План срываешь! — Технорук значительно глянул на меня и, рывком скинув с себя полушубок, выбросил его за дверь: — Мотай, мотай!

Тракторист за стеною фургона прокинула работу, бабу какую-то и нас, сидящих возле печки, во благоистном заветрии, в раю — с его точки зрения. Бухнул линком в дверь фургона так, что проволока заскучила на скобе, он, отводя душу напоследок, высказался до конца:

— Пла-аи! Все план! Все люди — бра-атья, понимаешь?! — И ушел в снег, в тайгу.

Мы остались в теплом фургоне, молчаливые, виновато примокшие. И меня попилявал пустынный вопрос: «Что это он про братьев-то? За чем? К чему?» И не одного меня, оказалось, зацепило едкое слово, судру бухнутое трактористом.

— Братья! — раздалось из угла глухо и устемливо. И все вскинулись, пораженные тем, что человек в полотняном кашне подал звук, — случилось это, видать, не часто.

Печка притихла, в фургоне было почти темно, и только ветер завывал за неплотной пригнанными досками, позвякивала труба, стучалась

дверца на проволоке, шуршало, охало в лесу.

— А хотите, я вам причту расскажу о братьях? — неожиданно предложил «бывший», и в голосе его просквозило злорадство.

— Рассказывай. Все равно делать нечего. Загорать долго...

— Дрова поэкономней! — спохватился технокрук. — Олух этот черте сколько проходит, возьмет да еще и забудется. А ты травы, травы...

Человек в углу помолчал, погрел руки, ненадолго вынул их из рукавов, и начал распевно, в расчете на долгое время — так прежде сказывали сказки деревенскими вечерами, в деревенских теплых избах.

— Было это в некотором царстве, в некотором государстве, в каком — значения не имеет, факт, что было... Придумали братья для братьев барак «без последнего». Изобретение сие просто, как и всякое гениальное изобретение: кто последним из братьев выходил на работы — того убивали. А в остальном барак как барак, с трехъярусными нарами, с подстилкой из опилок, со светом в первобытных плашках, с необязанными угарными печами. В бараке том люди толпились уже с полночи у выхода, чтобы не оказаться последним. Тронувшись умом хохотали и пели: «Наверх вы, товарищи! Все по местам, последний парад наступает...»

И в других бараках, слушая те песни, люди тряслись, верующие и неверующие молили господа о том, чтобы судьба смилостивилась над ними, чтобы никогда им не выбивалось в барак «без последнего».

Самое главное, самое страшное начиналось утром, когда отпиралась дверь барака, одна из двух — заметейте!, и раздавалась команда: «Выходи!»

Братья топтали друг друга, рвали один на другом одежды, выцарапывали глаза, ломали руки, ноги, рыдали от счастья, когда выбивались на улицу по последними...

На улице по обе стороны двери стояли и покуривали братья северного, светловолосого лица, с голубыми или серыми глазами, поджидали последнего, чтоб застрелить его или, как они, посмеиваясь, говорили — «пришить»...

Система первых и последних, подобная лошадиным скачкам, когда переднюю лошадь кормят сахаром, а последнюю бьют кнутом, испытывалась на шкурах еже создателей. По закону мироздания день сменяется ночью, ночь днем, зима летом, лето зимой, но зло не изменяется и рождает только зло. Творца небесного братья отменили, сами сделали творцами и теперь дивились на дело рук своих.

Представьте себе: однажды в тот барак попали два брата. Нет, не те, которых побратал барак, а истинные, единокровные братья-близнецы. Они были еще молодые, ражие, как говорят в народе. Оба брата были одинакового роста, одного лика, русы, светлоглазы, в плечах — сажень. Как они, деревенские, почти неграмотные парни, попали в барак, куда согнаны были «сливки» общества, никто братьям не объяснил.

Единокровные братья чувствовали себя в барак «без последнего» как дома: спали спокойно, при выходе на работу не нервничали. Они как котят разбрасывали всю эту воплящую, суетную, мелкодушную интеллигенцию и словно по замусоренной

луже, вплавь выхлестывались наружу. На что уж комбриги, комкоры и всякие генералы-молодцы сильные были, и те перед братьями не стояли. Выплывут братья из барака, отряхнутся да еще стрелкам подмигнут, вместе с ними улюлюкать возьмутся, потешаясь над барахтающей в подвальной темноте человеческой червью.

Шли дни, месяцы шли, и хотя последнего каждый раз убивали, население в барак не убавлялось, его все время пополняли, что войско на ходу, потому как в царстве том, превеликом государстве народу было еще много.

Единокровные братья выходили и выходили на работу первыми, сменяя слабосильную, пронумерованную толпу, стаявшая себе подобной особой.

Однако харчишки в бараке были такие, чтобы работать человек еще мог, но чтоб к женщине его не тянуло. Братья же привыкли к еде деревенской, ядреной, обильной, съедали, как они сами бахвалились, в один прихват по две кринки молока, по караваю хлеба, по чугуну картошки, по миске каши. Братья начали слабеть от барачных харчей. Вот на работу они уже вторыми выходят, третьими, не улюлюкают больше, не потешаются над безумной толпой, тревожно, по-песью заискивающие поглядывают на стрелков. Те свои подмигивают им, ничего, дескать, ребята, мы — люди терпеливые.

Стали вращаться ночами на нарах братья, будить друг друга раньше времени и шариться начали по чужим котомкам, затем по помойкам. А это уж близко ко краю. Один из братьев заболел примитивной лагерной болезнью — дизентерией. Шутка эта и на воле гибельна для человека, но в барак «без последнего» если ее приобрел...

Но братья еще шли и шли на яростный утробный штурм смело, дружно. Здоровый брат бил дорогу больному, рвал руками и зубами все, что подвергивалось на пути, да заразился дизентерией и он — болезнь-то перешло.

Однажды утром заметили братья, какой-то профессоршко, весь заросший жидкой бородашкой, обошел их; другой раз академик узким плещиком оттер; картавый очкастенький поэт, отроду чахоточный, пробился вперед; генералы-молодцы просто мнут барачную тлю и братьев вместе с нею.

Все ближе, ближе братья к последнему делают. Пали они духом, кричат друг на дружку злостью: «Васька, не отставай!», «Ванька, круши кашкалду!» Да уже не крушится. Рот раззявлен, глаза наружу, все напряжено, но сил нет.

Долго ли, коротко ли шло это соревнование, долго ли, коротко ли боролись братья, но пришел их черед — Васька остался последним. «Ванька, — братан, не бросай!» — завопил он. И Ванька вернулся к Ваське, подхватил его, выволок из рокового барака, а ему в грудь дуло автомата.

Закричали Ванька с Васькой: «Граждане начальники! Граждане... Мы всегда... мы всегда были первые! Мы еще можем...»

Но нет пощады последнему, от веку нет, в любой жизни нет, в лагерной и подавно. Оттянул стрелок затвор, деловито, неторопливо поднял автомат. И тогда Ванька схватил вовсе ослабшего Ваську и загоролдился им. Но автомат был новой системы, хорошо смазанный — очередь прошибла обоих братьев...

...Все так же был ветер, все так же гудела тайга

над фургоном. Печка потухла, люди не шевелились. Я протянул рассказчику сигареты. Он долго шуршал пальцами в коробке, вылавливая сигарету.

— Проклятые фашисты! Немчура черная! — прошептала рядом со мной женщина.

Я подумал, человек из угла скажет: «При чем тут фашисты? При чем немчура?» Но он ничего не сказал. Ломая одну за другой спички, наконец добыл огня, начал жадно затгиваться, захрипел, закашлялся. Почти всех кашель встряхнул, все стали озирается, роняя какие-то, ничего не значащие звуки и слова, вроде: «Н-на...», «Че деется...», «Боже мой, боже мой...»

Технорук передернулся, встав на одно колено, начал подбрасывать поленья в печь и, дождавшись, чтоб разгорелось, с усилием молвил:

— Ты вот что, дядя! Ты эти разговорчики брось. — Голос технорука напрягся. — Тут рабочий народ, корреспондент газеты... — Технорук замерз в свитерике, распахнул дверцу печки, плюнул на пальцы, поленом колотил чадающую головню. Лицо его было сурово, негодующе, но вдруг настрожилось в нем все, и тут же отмякло — послышался кашель и говор на дороге — тракторист возвращался и разговаривал с тем, должно быть, человеком, который проспал на работу.

— Живы будем — не помрем! — потер руки технорук и словно спичкой чиркнул взглядом по углу, где курил и тянулся к печке выговорившийся человек.

Все в фургоне закашлялся, затопали, облегченно зашевелились, радуясь тому, что скоро поедут на работу. Технорук начал цапать девок за что попало, и они, не быстро упорно обороняясь, повизгивали, шлепали его по рукам. Всем сделалось снова не то чтобы тепло и легко, но привычно. Как бы винясь за что-то или подлаживаясь под момент, одна из бабенок пихнула локтем под бок рассказ-

чика: «Сорок оставь», — свойски ему сказала. Затянувшись от недокурка, бабенка беспринципно захохотала и продекламировала ни к селу ни к городу: «Мертвый у гроби гладко спи, жизней польуэйся живушый...» И снова захохотала, как всем казалось, слишком громко, неуместно и снова совершенно беспринципно.

Но какое же было мое и всех спутников удивление, когда, наконец прибыв на лесосеку, выгружаясь из фургона, мы обнаружили в углу дружно, в обнимку почивающих рассказчика и хохотавшую бабенку. Проявляя трогательную заботу, бабенка вколотила шапку на голову соседа, уязвила, заправила его и сама, снаряжаясь, спрашивала, что ее спутник видел во сне. «Вот у меня всегда тоже так, — вынимая из-под лавки топор и пилу, сетовала она. — Увижу — сто рублей наша. Мац-мац — нету! Но как увижу блядство, что в штаны напрудила, проснусь — мокро-о-о...»

Я увидел, как забилась шапка на голове мужика, как заподпрыгивал горбом вздувшийся бушлат на его спине — он хохотал и топал по едва протоптанной тропинке в глубь леса. Новая серебристая пила качалась крылато, как у ангела, за плечом, чуть позвякивая на морозе. Баба с топором на плече, поспешая за ним, колоколила: «А ишло, не дай бог, свеклу парену увидеть. Н-ну, хуже, чем живого попку на вышке...»

Скоро в том месте, куда ушли мужик с бабенкой, размашисто, размеренно, без суеты и сбоев заширкала пила. И среди всего заснеженного леса вдруг вздрогнула, скрипнула, качнулась островерхая ель. Ломая себя, круша встречные преграды, гоня перед собою вихрь, отменяясь на ходу, ель черным облаком ахнула в снег.

Долго-долго не было видно поверженного дерева из-за взрывом взнявшегося перемерзлого снега.

1968 г., г. Пермь

ОРИЕНТИР

Виктор Астафьев.
Последний поклон, т. 1, 2.
М.; Мол. гвардия, 1989.

Творчество Виктора Астафьева автобиографично. Любая его книга — это сплав художественно осмысленного личного опыта. Его произведения питают и сиротские впечатления детства, и годы отрочества, проведенные среди ссыльнопоселенцев в Игарке, и военная юность — сперва в железнодорожном ФЗО, а затем — на фронтах Великой Отечественной. Тягот, которые достались

ему на долю, хватило бы не на одну жизнь. И все же взгляд писателя видит в самой суровой ситуации доброе начало. Он не только сумел сохранить душевную теплоту, но и щедро делится ею с читателями. «Последний поклон» пишется Астафьевым уже четверть века. Нынешнее, двухтомное, издание значительно переработано автором, в нем появились новые главы, сочиненные им совсем недавно. Последний поклон писатель посылает всему старшему поколению, тому сельскому миру, в котором родился и жил и сам Виктор Петрович, и его лирический герой Витя Подтылицин.

Даниил Андреев

Даниил Леонидович Андреев, сын знаменитого русского писателя Леонида Андреева, родился в 1906 году. Воспитывался в семье сестры рано умершей матери. Работал художником-оформителем. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1947 году арестован и приговорен к 25 годам тюремного заключения по печально известной 58-й статье. Освобожден в 1957 году. Реабилитирован в 1958-м. В 1959 году умер от последствий тяжелого инфаркта, перенесенного в тюрьме. При жизни не опубликовал ни строчки из своих многочисленных произведений.

Вот за такими скудными фактами биографии скрывается один из удивительнейших, талантливейших поэтов и философов советского времени. Дважды переживший полное уничтожение своих работ (один раз — при аресте, другой — в тюрьме), нашедший мужество

не опустить рук, он оставил значительное наследие, состоящее из философского трактата «Роза Мира», поэмы-эпопеи «Железная мистерия», большой поэтической книги «Русские боги», куда входят исторические поэмы «Гибель Грозного», «Рух», «Навна», построенная по аналогии с «Божественной комедией» Данте поэма «У демонов возмездия» и множество стихотворений.

Творчество Андреева не имеет аналогов в советской поэзии по своей целеустремленности, сосредоточенности на совершенно самобытных идеях; необходимость поведать о них людям составили смысл и цель жизни Даниила Андреева.

В издательстве «Современник» сейчас готовится к выходу большая книга произведений поэта.

Владимир Грушetskий

Окончание школы. Вальс

Все отступило, удачи и
промахи...
Жизнь, тайники отмыкай!
Веет, смеется метелью черемухи
Благоухающий май.

Старая школа, родная и душная,
Ульем запела... и вот —
Вальсов качающих трели
воздушные
Зал ослепительный льет.

С благоволящим спокойствием
дедушки —
Старший из учителей...
В белом все мальчики, в белом
все девушки,
Звезды и пух тополей.

Здравствуй, грядущее!
К радости, к мужеству
Слышим твой плещущий зов!
Кружится, кружится, кружится
Медленный вихрь лепестков.

Марево Блока, туманы Есенина
И, веселее вина,
Шум многоводного ливня
весеннего
Из голубого окна.

Кружево, зеленоватое кружево,
Утренний мир в серебре...
Все отступило, лишь реет и
кружится,
Кружится вальс на заре.
1923—1950

* * *

Когда былых миров оранжевые
зори
Заронят узкий луч на небеса
стиха,
Я вижу — где? когда? — на
ровном плоскогорье
Моря лилового, как плащ
старинный, мха.

Два солнца пристальных
сменялось надо мною,
И ни одно из них затмиться не
могло:
Как ласка матери, сняло
голубое,
Ярко-оранжевое — ранило
и жгло.

Когда лазурный шар, грустя
прощальной славой,

Сходил на мягкий шелк
лилового плаща —
Пронзительный восход
красный, рыжий, ржавый,
Я ждал в смятении, молясь и
трепеща.

Тот мир угас давно —
бесплодный, странный, голый...
Кругом — Земля в цвету, но и
в земной глуши
Не гаснут до сих пор два
древних ореола
Непримиримых солнц на
небесах души.

1935

Плотогон

Долго речь водил топор
С соснами дремучими:
Вырублен матовый бор
Над лесными кручами.
Круглые спускать стволы
Вниз к воде по вереску,
Гнать смолистые плоты
К Новгороду-Северску.

Эх,
Май,
Вольный май,
Свистомцветром обнимай!

Кружит голову весна,
Рукава засучены,—
Ты, река моя, Десна,
Желтые излуины!
Скрылись маковки-кресты
Саввы да Евтихия,
Только небо да плоты,
Побережья тихие...

Ширь, тишь,
Благодать,—
Петь, плыть да гадать!

Вон в дугах ветрун зацвел,
Стонут гудом оводы,
Сходят девушки из сел
С коромыслом по воду:
Загородятся рукой,
Поманят улыбкою,
Да какой еще, какой!
Ласковою, зыбкою...

Эх, лес,
Дуб-сосна!
Развеселая весна!

Скоро вечер подойдет —
Вон, шесты уж отняли,
Пришвартуем каждый плот
У песчаной отмели.
Радеет мой костер во тьму,
Светится, кудривится,
Выходи гулять к нему
До зари, красавица.

А там —
И прости:
Только чуть погрусти.

Завтра песню запою
Про лозинку зыбкую,
Про сады в родном краю —
В Брянске, в Новозыбкове...
Жизнь вольготна, жизнь красна,
Рукава засучены,—
Ты река моя, Десна,
Желтые излуины.
1936

Библиотека

Я любил вечерами
Слушать с хоров ажурных
Испоинского зала
В молчаливом дворце
Тихий свет абажуров,
Россыпь мягких опалов —
И, как в сумрачной раме,
Блик на каждом лице.

Это думы гигантов
Моей гордой планеты
Тихо-тихо текли там
В разум токами сил;
Этим светом разлитым
По немым фолиантам,
Я, как лучшим заветом,
Как мечтой дорожил.

И я видел, как каждой
Мирового познания
Поднимается каждый
Предначертанной всем
Крутизною — по цифрам
И отточенным гляням,
По разгаданным шифрам
Строгих философов.

А вверху, за порогом
Многоярусной башни,
Дремлют свято и строго
Странной жизнью своей
В стеллажах застекленных,
Точно в бороздах пашни,
Спящих образов зерна
И кристаллы идей.

Неподсудны тиранам,
Неподвластны лемурам,
Они страннику станут
Целью огненных вех;
Это — вечно творимый
Космос метакультуры,
Духовидами зримый,
Но объемяющий всех;

Этот — сущий над нами
Выше стран и отечеств,
Ярко-белый, как пламя,
Ледяной, как зима,
Обнимающий купно
Смену всех человечеств,
Мерно дышащий купол
Мирового ума.

И душа замирает
От предчувствий полета
У последнего края,
Где лишь небо вдали,
Как от солнечных бликов
В разрезанных высотах
На свержающих пиках
Эверестов земли.
1950

* * *

Утро. Изморось. Горечь сырая.
От ворот угасшего рая
День и голод жестокой плетью
Гонят нас в бетонные клетки.

По ночам провидцы и маги,
Днем корпим над грудой
бумаги,
Копшимся в листьях фанеры —
Мы, бухгалтеры и инженеры.

Полируем спящие жерла,
Маршируем под тяжкий
жернов,
По неудовимым приказам
Перемалываем наш разум.

Все короче круги, короче,
И о правде священной ночи,
Семена по ровному кругу,
Шепнуть не смеем друг другу.

Единимся бодрящим гимном,
Задыхаемся... Помогите нам,
Хоть на миг бетон расторгая,
Всемогущая! Всеблагая!
1937

* * *

Как участь эта легка:
Уйти от родного порога...
Дорога! Птица-дорога!
Волнующиеся облака!

Как мед, я пью этот жребий:
Воительницу-грозу,
Склоненную в зыбь лозу
И радуги в вечном небе.
Мелькают меж, столбы,
Деревни у перелога...
Дорога! Песня-дорога!
Песня моей судьбы!

Как не любить телеги,
Поскрипывающие в колесе,
Неспешную речь в жилье,
Гул хвой на лесном ночлеге?

Лети же, светла, легка,
На зов голубого рога,
Дорога! Птица-дорога!
Кочующие облака!
1955

Возвращаясь к напечатанному...

В № 6 за 1988 год опубликована статья «История воронежского Герострата». В ней рассказывалось о нездоровой обстановке, сложившейся в результате конфликта между преподавателями в Воронежском У КП Заочного института советской торговли. После выхода материала, кроме официального ответа, подписанного ректором головного института, профессором Н. С. Алексеевым, признававшего критику и поставленные в публикации проблемы правильными, редакция получила большое количество писем, как поддерживающих, так и резко критикующих статью.

Наши корреспонденты вторично выезжали в Воронеж, беседовали со многими участниками конфликта и пришли к выводу, что в статье действительно был допущен ряд неточностей, содержались неоправданные обобщения, некоторые факты, использованные в материале, требовали более тщательной проверки. В связи с этим на заседание редколлегии журнала «Ст. М.» была приглашена преподаватель Воронежского У КП ЗИСТА, председатель профбюро М. Б. Чиркова. Она представляла «нев्यслушанную сторону», поэтому редакционная коллегия решила опубликовать выступление Марии Борисовны на страницах журнала:

— Статья написана, видимо, со слов заинтересованных лиц, а не на основании документов, иначе не было бы таких ошибок, как доцент, а не ассистент Тараскина, Турбилин, а не Трубилин, филиал, а не факультет. Что касается сути статьи, то можно остановиться на некоторых основных моментах.

Журналист сообщает, что в марте 1985 года ректор создает новую комиссию, и в результате — уход заведующей учебной частью Меркушиной Т. В. На самом деле никакой комиссии не было. Меркушина Т. В. 1.VII.85 г. уволилась по собст-

венному желанию, а затем подавала в суд исковое заявление о восстановлении ее на работе, обвиняя администрацию в том, что ее вынудили написать заявление об увольнении. Состоялось несколько заседаний районного, городского судов. В результате 3.1.86 г. Ленинградский районный суд Москвы и в апреле 1986 года Мосгорсуд в иске Меркушиной Т. В. отказали.

Корреспондент пишет, что по Воронежу осудили 126 торговых работников. И добавляет: «А ведь значительная часть осужденных по этому «грязному делу» — выпускники Воронежского ЗИСТА! И именно там студентов учили первым «азам» этой «традиции». Нечто вроде практических занятий по поборам и подношениям».

После этого обобщения становится как-то не по себе и преподавателям, и студентам. Автор статьи одним росчерком пера публично обвиняет всех и вся, хотя многие преподаватели проработали по 20—25 лет и не имеют ни единого замечания. Из 126 осужденных наш институт окончили только 12 человек.

Далее А. Хабургаев пишет: «Не могли Смажко и другие преподаватели, выступающие с критикой против недостатков, голого администрирования, поборов со студентов и социальной несправедливости, не понести заслуженного наказания за огульную клевету, если бы пользовались «передернутыми» фактами...»

Откуда было знать Хабургаеву, что в РК, ГК, обкоме КПСС имеются сотни листов по разбору писем Смажко, и на основании этого решением областного суда и утвержденного затем Верховным судом РСФСР было в характеристике Смажко оставлено: «За последние два года Смажко А. Г. зарекомендовала себя в коллективе с отрицательной стороны

и нанес моральный ущерб коллективу и воспитанию студентов. Писал многочисленные письма в различные инстанции; большинство фактов, изложенных в них, не подтверждались, что привело к созданию нездоровой обстановки в коллективе...» и далее: «У подавляющего большинства преподавателей и сотрудников факультета уважением не пользуются...»

Кстати, Смажко никогда не избирался секретарем партбюро, как написано в статье, за исключением случая, когда за месяц до переизбрания умер секретарь партбюро, и его обязанности выполняли все члены партбюро, в том числе и Смажко.

Ссылаясь на приписку жены П. К. Парахина, журналист публично обвиняет в смерти Парахина «руководство факультета (треугольник)».

Кто ему дал право обвинять кого-либо в смерти человека?! Каким образом журналист стал бы доказывать свое обвинение? Парахина ни разу никто не критиковал, и задолго до конфликтной ситуации он перенес два инфаркта. Наоборот, профсоюзный комитет не дал согласия 12 июня 1984 года ректору на его сокращение. О смерти Парахина вдова сообщила мне, и ей была оказана большая помощь в похоронах.

Можно привести и ряд других опровержений.

В статье А. Хабургаев показал Смажко этим героем, хотя в газете «Труд» (№ 66 от 18 марта 1987 г.) прямо противоположное мнение о нем, несмотря на то, что журналист из этой газеты приезжал по просьбе Смажко, поговорив при этом, — не в пример Хабургаеву, — со всеми желающими членами коллектива и побывав на двух заседаниях областного суда.

Главный редактор журнала тов. Ю. А. Ростовцев правоту

статьи Хабургаева видит в том, что ректор, как официальное лицо, одобрил ее. Но Н. С. Алексеев — ректор «эпохи застоя», все «одобряю», в том числе и прамю противоположную статью в газете «Труд».

Наш факультет занимал ведущее место среди подразделений ЗИСТА, и виновен в развале Воронежского факультета прежде всего ректор. Он совместно с бывшим зам. министра торговли РСФСР Тумановым В. А. не ради дела, а ради собственного спокойствия одним росчерком пера превратил факультет в УКП.

В своем ответе журналу ректор пишет, что он укрепил УКП, подчинив его Орлу. Не в том ли состоит «укрепление», что вместо 60 тысяч рублей, которые раньше ежегодно выделялись факультету на различные нужды, УКП теперь ничего не получает? Или в том, что, вернув студентов Воронежского факультета из Орла, мы потеряли 10 ставок преподавателей, а библиотека к тому же потеряла ставку библиотекаря и не получает денег на литературу. Кроме того, документацию не получаем вовсе или с большим опозданием. Да и немудрено: она идет из Москвы в Орел, а затем из Орла в Воронеж.

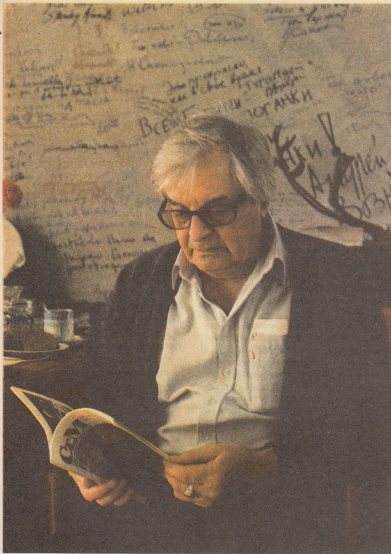
При этом ректор считает, что теперь мы принимаем экзамены у студентов под контролем орловского представителя. На самом деле это чистейшая бюрократия и волокита, которую установила Минторг РСФСР. Орловский представитель находится в гостинице или на лекции, а 20 преподавателей УПК в это время принимают экзамены. Да и в состоянии ли он проконтролировать всех? Уехал представитель, и мы не можем принять экзамен, хотя студент и готов сдать его. На мой взгляд, прикреплению Воронежского УКП к орловскому фили-

алу резко ухудшило учебный процесс.

Приведу еще один пример «укрепления» УКП. Поставив заведующим УКП Карпенко Ю. М., совершенно некомпетентного человека, ректор даже не заинтересовался, что он имел ранее строгий выговор по партийной линии с занесением в учетную карточку и что было принято решение о нецелесообразности использования его на преподавательской работе. Не прошло и полугода его заведования нашим УКП, как 26.X.88 г. на бюро Центрального райкома КПСС Карпенко получил строгий выговор с занесением в учетную карточку с выводом о нецелесообразности использования его на этой должности. Ректор освободил Карпенко от заведования, оставив его в должности доцента, хотя к нам он пришел со ставки ассистента. Выходит, что в другом вузе его нецелесообразно держать на преподавательской работе, а у нас можно, доверив преподавать такой предмет, как история КПСС?..

Кроме того, ректор и сейчас продолжает «укреплять» УКП, назначив по приказу уже пятого заведующего за последние четыре года.

От редакции. К нам продолжают поступать письма, объясняющие возникновение конфликта, а в дальнейшем — ликвидацию воронежского факультета, непоследовательность и беспринципность ректора ЗИСТА, профессора Н. С. Алексеева. Сообщаем, что редакция не может быть судьей в такой ситуации — это вне ее компетенции, и развязать gordiev узел в состоянии лишь Министерство торговли РСФСР, в ведении которого находится вуз. Все письма, пришедшие по этому поводу в «Ст. М.», редакция переслала в Минторг РСФСР.

НАШИ
ПУБЛИКАЦИИ

Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы

Борис Акимов,
Олег Терентьев

Три года назад о них нельзя было даже упоминать в печати, будто не в «другой» мир уехали, а канули в небытие.

Поэтому так понятна была наша радость: в Москве одновременно оказались режиссер Юрий Петрович

Любимов и писатель Владимир Николаевич Войнович.

Мы поспешили встретиться с ними. Пусть эти беседы станут еще одним «дирическим отступлением» в нашей повести.

— Юрий Петрович, существует несколько версий появления Владимира Высоцкого на

Ю. П. Любимов. Во время беседы.
10 марта 1989 года

Таганке. Не могли бы вы вспомнить, когда и при каких обстоятельствах Высоцкий пришел в театр, кто его рекомендовал?

— Владимир появился в театре осенью 1964 года, перед началом сезона. Кто его подвинул к этому, не знаю. Он пришел на один из показов — в своей кепчонке, сереньком пиджачке-букле. С гитарой. Я тут же вспомнил: «Э-э, предупреждали!» Но его самого я тогда совсем не знал. Говорили только, что он работал в Театре имени Пушкина, оттуда его уволили, еще откуда-то недовольли и так далее. Но я пренебрег, так сказать, неслестными аттестациями, после того, как услышал его пение.

— Он только пел или что-нибудь еще показывал?

— Не только. Володя прочитал стихотворение Маяковского, сыграл какой-то отрывок. Впечатление? Ну я бы сказал — нормально. Крепко, довольно выразительно. Но не больше. Чтобы вот, как говорится, он «взял меня» — этого не было. И тогда я спросил: «А что это гитарка у вас?» — «Да я вот песни пою», — отвечает. «Ну спойте что-нибудь».

Он спел две или три песни. Я спрашиваю: «А чьи это песни?» — «Мои». — «То есть как: вы и музыку сочиняете, и сами слова пишете? Текст-то чей?» — «Текст мой».

Я говорю: «Ну может быть, вы еще споете?»

И он пел мне минут сорок, пока я не заметил, что уже нахожусь в цейтноте. И я сказал: «Благодарю вас. Приходите — работайте».

Это было решено без всяких раздумий, никого я не спрашивал, ни с кем не советовался.

— И с тех пор до конца жизни он оставался актером вашего театра. Трудно ли было работать с Высоцким?

— В тот мрачный день — 25 июля, когда рано утром Давид Боровский сообщил мне о смерти Володи, он сказал действительно фразу вещью: «Ну вот и кончилась ваша борьба с группой за Владимира». То

есть он имел в виду, что Володи больше нет, и теперь мне не надо за него драться и доказывать многим, что нельзя к нему подходить с обычной меркой. И надо уметь прощать ему многое.

Вообще надо уметь прощать. А мы все очень настырные, все друг другу счета предъявляем,— как грубо говорят в народе,— всё «качаем права».

— Может быть, потому и качаем, что их мало — все больше обязанности?

— Естественно! Их, собственно говоря, и качать-то нечего — их попросту нет. А когда они есть, качать уже ничего не надо. Об этом можно говорить до бесконечности, но одно ясно — надо быть добрее друг к другу.

— Вы не закончили мысль об отношениях в театре.

— А что об этом говорить? Володю я не обижал — это все легенды. Говорить сейчас могут что угодно, но на протяжении всей его работы в театре я всегда шел ему навстречу. И если уж вынужден был однажды попросить уйти его из театра, то с очень тяжелыми аргументами. Я ему тогда сказал: «Володя, твое поведение мешает работе...» Это когда он очень много пропускал репетиций, даже спектакли, приходил не в форме.

— Это было перед «Гамлетом»?

— Даже раньше, кажется, еще перед событиями в Чехословакии. По-моему, во время дела Даниэля и Синявского. Но я повторяю: нужно уметь прощать. Вот как раз Володя в этом плане может служить образцом. Ради других он способен был подчас на совершенно неимоверные поступки.

Один раз — не забуду — Владимир пришел ко мне совершенно неожиданно. Я с трудом открыл ему дверь. Дома у меня никого не было — жена с сыном находились в Будапеште, сам я был в очень тяжелом состоянии: температура 40 градусов с лихорадкой, страшная ангина с гриппом...

Володя посидел со мной минут двадцать и незаметно исчез. Я даже не уловил этого момента. Но вскоре он вернулся. Оказалось, что за это

время Владимир умудрился провратиться на своем «мерседесе» в американское посольство — с кем-то он там был знаком — и взять у них какое-то очень сильнодействующее лекарство, чтобы сбить мне температуру.

Приез он эти антибиотики и говорит:

«Вот, пейте через каждые (назвал какое-то время) — и температура спадет».

Я стал его уговаривать:

«Вот, я сейчас в таком состоянии, что даже дверь за тобой не смогу закрыть. Ты поезжай».

«Ну я хоть посижу с вами?» Он только воды мне налил — запить лекарство, — и дальше я уже ничего не помню. Он ушел и захлопнул дверь.

Я это к тому рассказываю, что Владимир очень часто был способен ради других на такие вот спонтанные вещи, вплоть до того, чтобы на глазах у растерявшейся охраны влететь в полицейство, без пропуска, без разрешения...

— А когда это было?

— Примерно за год до его смерти. Но такая черта характера — во что бы то ни стало помочь другому человеку, — это у него было все время, сколько я его знал.

— Как часто Высоцкий бывал у вас дома?

— Довольно часто. Иногда с какой-нибудь идеей, порой просто так, но почти всегда спонтанно, неожиданно. Один раз, помнится, был такой мрачный приход. Это примерно в 78-м году, может, даже раньше — я тогда жил еще на Фрунзенской набережной. Важен мотив, почему он так неожиданно приехал. Володя был очень обеспокоен положением в театре, тем, что нет большого доброжелательства друг к другу, что уходит дружеская атмосфера, которая всегда была и которая, несмотря на все обычные театральные дрязги и неприязни, помогала театру сохранить свое лицо. Все-таки театр этот всегда отличался от других тем, что он думал о вещах важных, старался распознать, чем он может быть полезен для граждан страны своей.

— То есть можно сказать, что театр своей работой выпол-

нял как бы социальный заказ общества?

— Я не люблю эти слова про «социальный заказ». Все зависит от того, какое общество. Но во всяком случае театр хотел работать честно. И в этом видел свою миссию — в искренности и в честности. Но даже это ставилось под сомнение, а все только и говорили о социальном заказе! Это все очень сложно. Вон Маяковский — наступал, наступал «на горло собственной песне» и донаступался... Мы настолько клишированы, настолько погрязли в штампах, столько нам вбивали в голову всякую ахинею и чушь, которая никакой пользы никому не принесла, кроме вреда, — что мы с вами до того и дожили, что теперь нужно все пересматривать и передумывать. А мы — люди зашоренные, и нам очень трудно освободиться от этой зашоренности.

И только благодаря тому, что Высоцкий сохранил каким-то чудом свою свободу, собственную художническую, — в этом и заключается его удивительный секрет. Вот он — сохранил! И смелость, и силу, и свою независимость. В условиях, когда не было ни у кого этой независимости. А он находил волю. И силы. Он спел все что хотел.

Это было, конечно, крайне тяжело ему. И не так легко доставалось Володе, как многим сейчас думается. И различные его срывы — есть следствие вот этой самой борьбы за свою независимость художника.

— Но ведь и вы, и театр тоже сохранили эту независимость.

— Да, но чего это стоило? Чиновники Управления культуры относились к театру плохо, да что там плохо — терпеть его не могли и поливали грязью все двадцать лет моей работы в нем. Меня исклочкили из партии, директору объявляли выговоры, актерам не присваивали званий, театр не пускали на гастроли. Почему? А кто их знает. Уж если они закрывают «Живого», закрывают «Бориса Годунова», который прошел все рогатки еще царской цензуры, — чему тут удивляться! Как можно логично оправдать поведение параноиков?

— Действительно сложно.

Но все же разум ищет какие-то логические обоснования...

— Так это разум, а то — параноидальные функции! Если уж доходит до того, что не дают ставить Шекспира...

Я помню, в конце 60-х мы собирались и даже уже начали репетировать «Хроники» Шекспира. Но тужба по этому поводу шла два года. И в итоге я паянул и начал ставить «Гамлета».

— Выходит, «Гамлет» не был естественным продолжением эстетической линии театра, а явился плодом случайной случайности? Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». И одна из самых выдающихся ролей Высоцкого могла попросту не состояться?

— «Гамлет» появился в репертуаре театра так. В Управлении культуры сказали: «Нам надо сделать ваши композиции! Дайте обыкновенную пьесу Шекспира. Любую, каноническую...» И тогда, помню, я в бешенстве написал: «Прошу разрешить мне постановку «Гамлета». И они дали разрешение (а куда денешься!). Вот после этого я и начал репетировать.

Тогда они изобрели другой способ мешать работе — не стали утверждать Высоцкого на роль. Говорят: «Какой он принц?!» Я отвечал: «Ну вам, конечно, виднее. Вы ведь каждый день с принцами да королями общаетесь. А мне — где уж мне понять про Гамлета! Но, простите, это не ваше дело — распределять роли...»

Они, конечно, поорали, пошумели, но потом отступились. Потому что роли за меня распределять — это уже не знаю до какого идиотизма надо дойти, хотя они и до этого доходили. Так что ничего удивительного тут не было, если бы они запретили Высоцкому играть Гамлета.

— Многие спектакли на Таганке не дошли до премьеры. В некоторых из них играл Высоцкий. Вот эти несостоявшиеся роли — как они встали на его формирование в плане приобретения опыта, актерского мастерства? Не случилось ли так, что мы лишились возможности увидеть роль Высоцкого, равную Гамлету или Галилею?

Например в «Марате-саде», пьесе Войновича или в «Самоубийце»? Тем более что театр вроде бы собирается вернуться к постановке этого спектакля.

— «Самоубийца» — это было просто закрыто. Начали ставить... и кончили. Это не такой важный этап, чтобы на нем подробно останавливаться. Вернее, для театра, может, и этап, но не для Владимира. Тут скорее важные его взаимоотношения с Эрманом — это более показательно, то есть по этой пьесе он понял, с кем имеет дело. Это был настолько необычный господин — Николай Робертович, что он завладел умом Владимира. Поэтому он с удовольствием пошел к Эрману, когда тот его пригласил. А Эрмана интересовал Володя. Для него творчество Высоцкого было удивительным по своей самобытности и уникальности. Эрман сам был прекрасным поэтом — писал великолепные басни, я уж не говорю о его уникальных пьесах. Но даже Эрман был заинтригован! Он говорил: «Я понимаю, как творит Окуджава, как пишет Галич, но вот как Владимир работает, я — профессионал — понять не могу. Мне очень интересно было бы познакомиться и послушать этого человека».

И тогда я привел Володю, очень, надо сказать, довольного этим событием, к Николаю Робертовичу, и он очень долго — целый вечер — пел ему свои песни.

— Последняя роль Высоцкого в театре — она была действительно последней, то есть его личным финальным аккордом, или он еще что-то планировал сыграть?

— Так нельзя говорить — «финальная, завершающая...». Попросто он в последние годы не испытывал особой охоты к какой-то конкретной работе. Вот когда он выразил желание сыграть Свидригайлова — он и играл. С моей точки зрения — блестяще. И очень хорошо репетировал — быстро, зрело.

Вообще очень жаль. Он к тому времени — последней его работы со мной — очень набрал как актер. Стал зрелым мастером. Я ему говорил: «Володя!

Поверь мне, ну не дадут они тебе делать фильм» (он тогда был увлечен идеей постановки своего фильма). И действительно, работать ему толком не дали. Володя был очень расстроен. Но к тому времени он находился уже в плохой форме. И тем не менее я пытался его уговорить и что-то сделать. Я говорил (ну просто на выбор): «Хочешь, Владимир, давай делать «Бориса Годунова», хочешь, будем делать другую пьесу...» Он хотел было играть в пьесе Камю «Калигула», но поставить ее тоже не дали.

— В печати появились утверждения о том, что Высоцкий хотел играть роль Самозванца в спектакле «Борис Годунов». Точнее сказать, роль была выстроена в расчете на игру Высоцкого. Ваше отношение к развернувшейся полемике?

— Это просто ложь, а никакая не полемика. Володя умер до того, как начали репетировать «Бориса Годунова». Все остальное — беззастенчивое вранье. Тем более гнусное для человека, который работал в этом театре. Как можно утверждать, что я с расчетом на Высоцкого делаю роль и ввел Золотухина в чужой рисунок роли, когда сам Владимир не то что не репетировал, но даже не предполагал этого делать?! А уж если бы он репетировал, то обязательно репетировал бы Бориса и не Самозванца.

— Как вы относитесь к тому, что пишут и говорят сейчас о Высоцком, как оценивают его творчество?

— Владимир для меня — особый случай. Раньше я всегда старался где только мог сказать свое слово, когда мне казалось, что это нужно сказать. Даже в спектакле «Высоцкий» звучат мои слова о Володе, хотя именно это конкретное выступление, откуда их взяли, было очень горьким и обидным для меня. Не хочется об этом вспоминать. Тогда я столкнулся с абсолютно равнодушной аудиторией, которая ничего не слышала, не знала и, главное, не хотела знать; которая была безразлична к Высоцкому. Обиднее всего, что затащили меня туда актеры.

Я тогда сильно рассердился и

говорил жестко, в состоянии глубоко разгневанного человека. Но именно из этого моего выступления, как это ни парадоксально, и взяли кусочек в спектакль. Я им наговорил тогда очень много горьких слов и сразу уехал. И никогда с тех пор на аудитории о Владимире не говорил.

Только за границей — в моих скитаниях — довольно часто говорил о нем. Там эмиграция очень интересовалась, и мне приходилось рассказывать о Володе. В разных городах: и в Нью-Йорке, и в Бостоне, и в Сан-Франциско, и в Филадельфии, и в Вашингтоне. Слава его всемирна, и поэтому вопрос об оценках творчества попросту не стоит. Время все расставило по местам. Он сейчас намного выше любых оценок.

— В связи с только что сказанным, как вы относитесь к публикациям о Высоцком на страницах «Студенческого мериана»?

— Вы, по-моему, чересчур глобальные задачи перед собой ставите. Это, конечно, хорошо, но, наверное, трудно, и потом стóит ли?

— Мы считаем, что воссоздание творческого пути Владимира Высоцкого сегодня является просто необходимым для миллионов его почитателей.

— В таком случае желаю вам успехов.
(Москва, Театр на Таганке, 10 марта 1989 года)

Юрию Петровичу Любимову
с любовью в 60 его лет
от Владимира Высоцкого

Ах, как тебе родиться
пофартило —

Почти одновременно
со страной!
Ты прожил с нею все, что с нею
было.

Скажи еще спасибо, что живой!

В шестнадцать лет читал ты
речь
Олеси,

ты в двадцать встретил год
тридцать седьмой.

Теперь «иных уж нет, а те —
далече»...

Скажи еще спасибо, что живой!

Служил ты под началом
полотера.

Скажи, на сердце руку положив,
Ведь знай Лаврентий Палыч —
вот умора! —

Кем станешь ты, остался бы ты
жив?

А нынче — в драках выдублена
шкура,

Протравлена до нервов суетой.
Сказал бы Николай Робертыч:

«Юра,
Скажи еще спасибо, что
живой!»

Хоть ты дождался первенца
не рано,

Но уберег от раны ножевой.
Твой «Добрый человек
из Сезуана»

Живет еще. Спасибо, что
живой.

Зачем гадать цыгану на ладонях,
Он сам хозяин над своей
судьбой.

Скачи, цыган, на «Деревянных
кбнях»,

Гони коней! Спасибо, что
живой.

«Быть иль не быть?» мы зря
не помарали.

Конечно — быть, но только
начеку.

Вы помните: конструкции
упали? —

Но живы все, спасибо Дупаку.

«Марата» нет — его создатель
странен,

За «Турандот» Пекин поднимет
вой.

Можайся, брат, — твой
«Кузькин» трижды ранен,

И все-таки спасибо, что живой.

Любовь, Надежда, Зина — тоже
штучка! —

Вся труппа на подбор, одна
к одной!

И мать их — Софья-Злоотая
ручка...

Скажи еще спасибо, что живой!

Одни в машинах, несмотря на
цены, —

Им, пьющим, лучше б транспорт
гужевой.

Подумаешь, один упал
со сцены —

Скажи еще спасибо, что живой!

Не раз, не два грозили снять
с работы,

Зажали праздник полувековой...
Тринадцать лет театра, как
зачеты —

Один за три. Спасибо, что
живой.

Что шестьдесят при медицине
этой!

Тыфу, тыфу, не сглазят! Даром
что седой.

По временам на седину
не суетуй,

Скажи еще спасибо, что живой!

Позвал Милан, не опасаясь
риска, —

И понеслась! (Живем-то
однова!)...

Теперь — Париж, и близко
Сан-Франциско,

И даже — при желании —
Москва!

Париж к Таганке десять лет
пристрастен,

Француз театр пугает
с тюрьмой.

Не огорчайся, что не едет
«Мастер», —

Скажи еще мерси, что он
живой!

Лиха беда — настырна и
глазаста —

Устанет ли кружить над
головой?

Тебе когда-то перевалит
зá сто —

И мы споем: «Спасибо, что
живой!»

Пей, атаман, — здоровье
позволяет,

Пей, куренной, когда-то
Кошевой!

Таганское казачество жалеет
Добра тебе! Спасибо, что
живой!

1977
Примечание

В данной песне Высоцкий во мно-
жестве использовал театральную
терминологию, обыграл имена ак-
теров, драматургов и прочих лиц,
имеющих непосредственное отно-
шение к Ю. П. Любимову, назва-
ния и персонажи спектаклей, а так-
же различные события, касающиеся
Театра на Таганке и лично
юбиларя. Так, например:

«Служил ты под началом поло-
тера» — имеется в виду работа
Любимова в Центральном эстрад-
ном ансамбле НКВД, созданном
осенью 1939 года по приказу
Л. П. Берия. Начальником ансамб-
ля был назначен Борис Тимофеев,
получивший впоследствии звание
полковника, который до поступле-
ния на службу работал полотером.

То есть это одна из песен Высоц-
кого, которая предназначена для
узкого круга близких друзей, по-
нимающих, о чем идет речь.

Текст песни приводится по од-
ному из двух известных на сего-
дняшний день авторских испол-
нений.

Публикация О. Терентьева и
Б. Акимова

— Владимир Николаевич, в первый же год своего существования Театр на Таганку обратился к постановке вашей пьесы. Как получилось, что Любимов решил ставить именно этот спектакль? С чего началось ваше сотрудничество?

— Когда в 1964 году Юрий Петрович Любимов пришел на Таганку, то перед ним стояло две задачи: во-первых, укрепить театр, собрать там круг единомышленников, то есть фактически создать новую труппу, что он и сделал, приведя с собой свой курс Шукинского училища; во-вторых, необходимо было сформировать новый репертуар, потому что прежний театр не пользовался популярностью зрителей.

И вот, чтобы создать репертуар, соответствующий его эстетическим театральным воззрениям, Любимов стал приглашать тех писателей, которые отвечали его творческой позиции. Среди них были Георгий Владимов, Андрей Вознесенский, впоследствии Борис Можаев, Федор Абрамов, Юрий Трифонов. Я попал в их число.

Получилось это так. В февральском номере «Нового мира» за 1963 год было опубликовано два моих рассказа — «Расстояние в полкилометра» и «Хочу быть честным». Последний, как говорится, прозвучал, привлек к себе внимание. И Любимов предложил мне написать пьесу.

Она называлась «Кем бы я мог стать» и была написана раньше, чем театр поставил «Героя нашего времени». Я читал ее всей труппе. Пьеса была принята, ее начал ставить Петр Фоменко.

— В чем, по вашему мнению, причина неудачи театра в данной постановке? Точнее сказать, почему спектакль не состоялся?

— Спектакль не получился потому, это мое личное мнение, что театр тогда не был еще готов к таким вещам. В пьесе много характерных ролей, а они играли в то время больше коллективно, если так можно выразиться, а не индивидуально.

— Петр Наумович Фоменко сокрушался по поводу того, что

они никак не могли подобрать исполнителя на главную роль.

— Главная роль — это прораб Самохин. В театре подходящего актера на нее действительно не было. А другая из главных ролей — управляющего строительным трестом — с ней мы тоже помучились. Пригласили даже из Театра имени Вахтангова актера И. Соловьева. Это был уже пожилой человек, говорят, очень хороший артист. Я, правда, не видел его в других ролях, но на Таганке он работал просто потрясающе. Одна беда: он часто был «не в форме». Любимов взял его с испытательным сроком, но тот, по-моему, и четверти его не выдержал.

Высоцкий играл роль прораба. Сперва на нее пробовали другого актера. А уж когда я сам взялся режиссировать, видя, что ничего не получается, — пригласили Высоцкого. Но Вла-

димир тоже не подходил. Он — очень хороший характерный актер, но... Возможно, так получилось оттого, что режиссер — то есть я — был слишком самоуверен и совершенно не опытен. Мне казалось, что, дескать, тоже могу. Было, надо сказать, большим нахальством с моей стороны — взяться за это дело. Я недооценил, что это все-таки совершенно отдельная профессия. Одним словом, в моем представлении главный герой должен быть крупным и солидным мужчиной...

— То есть, на ваш взгляд, Высоцкий не подошел «по фактуре»?

— Именно так. Я подсознательно видел на его месте другого исполнителя. И поэтому, вероятно, я не мог им как следует распорядиться. Кроме того, Высоцкий, будучи профессиональным актером, наверное, чувствовал, что я, как режис-

сер, недостаточно настойчив. Надо было, вероятно, быть с ним большим диктатором. Видя такую мою слабину, Володя время от времени мне звонил, говорил: «Знаете, я что-то плохо себя чувствую...» Я знал уже, что это значит, и соответственно, репетиции срывались...

В конце концов я понял, что звялся не за свое дело. Ушел, и на этом, кажется, все прекратилось...

— Почему именно Высоцкого приглашали на роль? Вы его знали раньше, были знакомы с ним?

— Знал его песни. И, кстати, я присутствовал при его появлении на Таганке. Володя пришел поступать на работу, и это был его показ Любимову. Володя играл небольшой отрывок по рассказу Чехова. Играл не один, вместе с актрисой. Но она не показывалась — она уже была в гробу, — а просто ему подыгрывала.

— И какое впечатление произвела на вас его игра?

— Мне он очень понравился. Но я не был уверен, что это тот самый Высоцкий. И попросил Любимова спросить, тот ли это Высоцкий, который пишет песни. Если да, то парня стоит взять.

Любимов спросил. Высоцкий подтвердил это. И данное обстоятельство, возможно, явилось той каплей, которая перевесила чашу весов в положительную сторону. Хотя, по правде сказать, Высоцкий играл очень хорошо. И вполне вероятно, что он и без всяких песен прошел бы.

— Репетировал ли Высоцкий в вашем спектакле какие-то еще роли, кроме главной?

— Я его приглашал только

на главную роль. О других попытках мне неизвестно. Помоему, все это развалилось тогда же, в 1964 году. Потом я бросил репетировать и вообще перестал этим интересоваться. Мне кажется, что на этом все и закончилось.

— Судя по архивам театра, репетиции этого спектакля продолжались, как минимум, еще полгода.

— Вот видите, а я ничего этого уже и не знаю.

— А в дальнейшем у вас были встречи с Высоцким? Я имею в виду — творческие?

— Мы виделись, общались. Но всё это — встречи дружеские, не по работе.

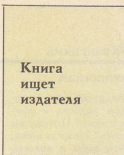
В последний раз, незадолго до его смерти, мы встретились в театре, где я был на спектакле «Мастер и Маргарита». И мы договорились, что созовимся и он придет, попоет у меня, покажет новые песни. Но знаете, как это бывает: я позвонил — он уезжал, потом он позвонил — я уезжал. И никак мы не могли сговориться. А потом было уже поздно. Перед самым моим отъездом за рубеж, когда все уже было решено, я услышал по «Голосу Америки», что он умер.

— Спасибо. И последнее: хотелось бы услышать напутствие нашим читателям. Это в основном студенты, молодежь...

— Студентам желаю, чтобы хорошо учились и не были слишком послушными, а, наоборот, вольнолюбивыми!

Только пусть не сочтут это призывом к бунту!

(Москва, ДК «Меридиан»,
26 марта 1989 года)

«Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы» — так называется биографическое исследование, которое «Ст. М.» публикует на своих страницах уже более двух лет.

Эта работа вызвала широкий интерес. Причем не только в кругу молодых читателей. Практически каждый день приходят письма, адресованные этой рубрике. На сегодняшний день их уже более 10 тысяч! Кстати сказать, и сами эти письма (а многие из них — настоящие исследования) тоже представляют значительную общественную ценность и могли бы составить прелюбопытнейший сборник. Но об этом пока приходится только мечтать. Ведь до сих пор на наш основной биографический свод, насчитывающий около 30 авторских листов (всего-то!), мы пока не смогли найти издателя. Увы, при очевидном интересе и сочувствии миллионов людей к личности и творчеству Владимира Высоцкого мы не можем издать рукопись, ему посвященную. Книга, за которую мы ратуем, должна выйти. Ведь в 1990 году исполняется 10 лет со дня кончины В. С. Высоцкого — актера, поэта, барда. Помогите нам, читатели и издатели!

Студентам, чтобы хорошо учились и не были слишком послушными, а, наоборот, вольнолюбивыми
В. Воинов

Михаил Жванецкий

Нашим женщинам

Женщины, подруги, дамы и девушки! В чем радость и предельно встреча с вами? Почему вы созданы такими? Нежная кожа, эти глаза, эти зубы и волосы, которые пахнут дождем. Этот носик и суждения по различным вопросам.

Товарищи женщины, дамы и девушки! Назад! Вы уже доказали: вы можете лечить, чинить потоки, собирать аппараты, прокладывать кабель. Хватит! Назад! Обратно! В поликлиниках женщины, в гостиницах женщины, в ресторанах женщины, в цехах женщины. Где же прячутся эти бездельники? Она ведет хозяйство, она прописывает мужа и сидит в техническом совете. Она и взрослеет раньше, и живет дольше. У нас в новых районах одни старушки, где же старики?.. А вот бездельничать не надо, будем долго жить. Пьем, курим, играем в домино, обедаемся, валяемся на диванах, а потом к ним же в претензии — мало живем. Морщины в тридцать, мешки у глаз в тридцать пять, животы в сорок. Кто нами может быть доволен? Только добровольцы. Лев пробагает в день по пустыне сотни километров. А волк? Все носятся по пустыне, ищут еду. Поел — лежи. А у нас поел — лежи, не успел — лежи. У льва есть мешки под глазами? А брюхо? Имей оно брюхо, от него бы сбегала самая унылая, самая дряхлая лань.

Они, конечно, зарабатывают больше нас, наши женщины, с этим мы уже смирились. Они выглядят лучше, с этим мы тоже смирились. Они одеваются красивее. Сейчас мы пытаемся что-то предпринять — жабо, кружевные воротнички, броши на шею... Но куда?! С лысиной на голове и брошью на шее далеко не уедешь. А какие у нас походки от долгого лежания на диванах и сидения в креслах на работе? Вы видели эти зады, черпающие землю?.. А зубы — от курения, употребления соленого, сладкого, горького и противного. А глаза, в которых

отражается только потолок.

Наши милые дамы, наше чудо, наше украшение. Вставать рано, собирать детей и этого типа на работу. Самой на бегу проглотить маленький кусочек, успеть причесться, кое-что набросать на лицо. Прийти на работу — и выглядеть. И в обед занять очередь в четырех местах и все успеть. И прибежать домой, накормить детей и этого типа. И бегать, и вытирать, и шить, и починять. А утром будильник только для тебя. Для тебя будильник, как для тебя огонь плиты, для тебя толпа и давка, для тебя слова, шипящие сады. А ты поправишь пряжку и бегом. И любят тебя как раз не за это: к этому привыкли. Любят за другое — за кожу твою, ресницы твои, за губы, и слабость, и нежность твою. И тебе еще надо умудриться, пробегая в день пятьдесят километров, оставаться слабой. И ты умудряешься: пойдя пойми, что главное. И я тебя люблю за все. Только прошу, остановись на бегу — на работе, дома, встань стройно, посмотри в зеркало, поправь что-то в лице.

Чуть сделай губы, чуть глаза, реснички вперед и наверх, покачаться на красивых ногах и опять... А мы ждем тебя. Ждем всюду. С букетиком и без. Со словами и молча. На углу и дома. Приходи! И в дождь и в снег... И — не все ли равно!..

Клуб кинопутешествий

Говорят, что карта мира не имеет «белых пятен», что открыты острова и пустыни материка.

Очертания известны, и течения интересны, и журнал «Вокруг света» печатает карты и рассказы.

Вы расскажите мне про Париж.

Вы говорите, там розовый воздух, вы говорите, там бульвар Инвалидов и повсюду маленькие быстро.

Вы говорите, там художники рисуют на улицах и приезжие чувствуют себя как дома.

Как интересно!

А вот и документальный фильм.

Да-да, мы как будто там побывали.

Полтора часа среди парижан. И даже получили подробные ответы на все вопросы. Самоотверженный труд кинооператоров: десятки кинооператоров шатаются по Парижу и служат нам, миллионам.

А вчера, в воскресенье, в двадцать часов, мы обездиали с корреспондентом заповедник, мы притаились с оператором за деревом, мы из вертолета наблюдали за львами.

Как интересно.

Журналист очень аккредитованный говорит:

«Там, — говорит, — львы, — говорит, — не боятся машин, там обезьяны совершают набеги, собираются, — говорит, — вместе, и нет, — говорит, — спасения, — говорит, — от них».

Как интересно.

Фиджи, Таити, Лос-Пальмос — такие названия и острова, говорят, очень давно открыты, говорят, кем-то, а сейчас живут на доходы от туристов каких-то.

Вставки цветов на Таити...

А Таити открыт давно и работает круглые сутки.

А Багамские острова... Как? Вы не бывали на Багамах?

— Ну, грубо говоря, не бывал.

— Вот европейские столицы похожи. Если вы были в Париже, то уже можно, говорят, не ездить в Вену или Стокгольм. Разве вы этого не знали?

— Ну, как же не знал, как же не знал. Ну, конечно, не знал. Вы же знаете — все время на работе. Глянешь иногда в окно... Выедешь куда-нибудь на троллейбусе... И, в общем, всегда обратно. Так сказать, умом постигнешь, воображением. Дома все себе можно представить. Я почти все себе представлял. До того воображение разбито — мурашки появляются, если Рейкьявик. Если Африка — потею. Однажды до утра расквашивался на пальме. Проснулся — мозоли от пальмы. Я ее обхватывал ногами — и стре-

мительно вниз. Видимо, меня что-то испугало там, в ветвях. Ночью вскочил мокрый от Ниагары — брызгает жутко. Я понял, что Новая Зеландия похожа на Кавказ под Сухуми, Австралия — тот же Алтай, Нью-Йорк напоминает Ялту чем-то, а завтра посмотрю — чем.

Часа в два ночи появляется Сидней — и раздражает. А если мне хочется с ними поговорить, то я их вижу здесь. Они же здесь все бываю. Финнов уже совсем от наших не отличишь. Ихний Хельсинки — тот же Гомель, я так думаю. Попробуйте меня разубедить. А нехватку воображения можно пополнить в самом популярном клубе, клубе кинотеледомаго-репутешественников, когда своими глазами видишь тех, кто бывал в Дании.

Но, говорят, самое интересное — пароходом. Экран, значит, на экране вода, океан, зем-

ли ни черта не видать. Если океан спокоен — никто ничего, плывем. По квартирам тишина. И вдруг налетает ветер из телевизора — как даст прямо в лицо, с брызгами. Ну, там ин-струкция есть: ведро воды сзади в телевизор заливаешь с утра, на ведро воды пачку соли за семь копеек и ветродуй для морского колорита. Это если диктор предупреждает, что поплывем, потому что, если поскочим, допустим, на лошадаж через лес, а аппарат сработает на брызги, впечатление не то — на лошади с веслами, как дурак.

Значит, вот так: ветер двинул, брызги, лежишь мокрый — ну полное ощущение. И тут начинается: горизонт — вверх, горизонт — вниз, прямо разрывает. От телевизоров — рычаги к кроватям. Операторы на студии управляют всеми кроватями, пока людей просто выворачивать не начинает. Ну, по сто квартир в доме, и все плывут

в Австралию. Если очень плохо — сошел с кровати, и все, но впечатление потерял. А тут крики чаек из кухни, кто-то кушает из динамика.

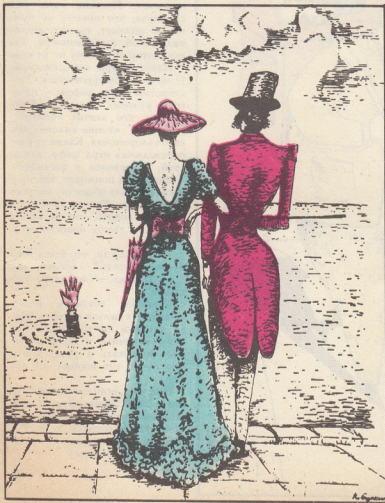
Некоторые, самые крепкие, звонят на студию и слышат крик капитана: «Спасайся! Мина на борту!» Лежишь на койке весь в слезах. Потом выгружаемся, конечно, в разных квартирах кто в каком состоянии, и только члены клуба кинопутешественников. Парень сказал: с этим будет очень строго. Потому что очень удобная поездка, как на кладбище: все едут туда. Оглянулись, и ты дома: жена, дети — итальянские впечатления.

А сейчас цветная стереофония пошла. Мы в Стамбуле с корреспондентом устриц жевали. Он — по ихнюю сторону экрана, мы — по нашу. То есть он жует — стереофония, звук, цвет, хруст, писк... Единственное, вкуса нет, хотя слюна уже пошла.

Непереводимая игра

Наши беды непереводимы. Это непереводимая игра слов — даже Болгария отказывается. Они отказываются переводить, что такое «будешь третьим», что такое «вы здесь не стоили, я здесь стояла», что такое «товарищи, вы сами себя задерживаете», что значит «быть хозяином на земле». Они не понимают нашего языка, ребята. Как хорошо мы все придумали. Мы еще понимаем их, но они уже не понимают нас. Ура, границы перестают быть искусственными! Наш язык перестает быть языком, который возможно изучить. Мы можем говорить громко, без опасений. Шпион среди нас — как белая ворона. По первым словам: «Голубчик, позвольте присесть» — его можно брать за задницу. Зато и наши слова: «Эта столовая стала работать еще лучше» — совершенно непереводимы, ибо, если было «лучше», зачем «еще лучше»? Да, это уж никто не поймет, хотя и мы — не всегда.

А наши полевки: «порой», «иногда», «кое-где», «еще имеются отдельные...»? А борьба за качество? Кому объяснить, что нельзя сначала производить продукт, а потом начать бороться за его качество? И что за продукт без качества? Что такое

сыр низкого качества? Может, это уже не сыр? Или еще не сыр? Это сыворотка. А сыра низкого качества не бывает. И велосипед низкого качества — не велосипед. Это все дерь... сырье! Которое должно стать велосипедом.

И стали низкого качества не бывает. Сталь — это есть сталь, кефир есть кефир, сметана — это сметана. Но мы все правильно сдвинули, чтоб запутать иностранцев и сбить с толку остальных. То, что мы называем сметаной, сметаной не является. Когда нужна сталь, она найдется. А домашнее все — из чертежей тех конст-

рукторов, что на низкой зарплате. Их тоже конструкторами называть нельзя, как и эти деньги — зарплатой.

Только тронь комбайн, чтоб он чище косил — чуть ли не историю в школе надо лучше читать. Поэтому уборку мы называем «битвой». А бьемся с комбайном. И все, это «невзирая на погоду». Неблагоприятная погода в каждом году породила непереводаемую игру слов: «невзирая на неблагоприятные погодные условия...» Это значит — дождь. Как перевести, что дождь был, а мы — «невзирая»?

Как учат нас писатели: жизнь

и язык идут рядом, я б даже сказал — это одно и то же. И непереводаемая игра слов есть непереводаемая игра дел. Я скажу больше — нас компьютеры не понимают. Его спрашивают, он отвечает и не понимает, что отвечать надо не то, что хочешь. Это тонкая вещь. Ему пока свезут данные, кое-что подправят; в него закладывают, кое-что сдвигают — и ему у себя внутри надо сообразить. Поэтому после него, перед тем как показать, тоже кое-что двигают. Спрашивается: зачем он нужен?

Привезли машину, чтоб свободные места в гостиницах считала. И сидит американский компьютер и дико греет плохо приспособленное помещение, весь в огнях, и не сообразит, кто ж ему свободные места по доброй воле сообщает. Это ж все конфеты, все букеты, всю власть взять и дурной машине отдать. Так что он давно уже из пальца берет и на потолке отправляет. Машина сама уже смекнула, что никому не нужна, но щелкает, гремит, делает вид дикой озабоченности, как все, которые никому не нужны.

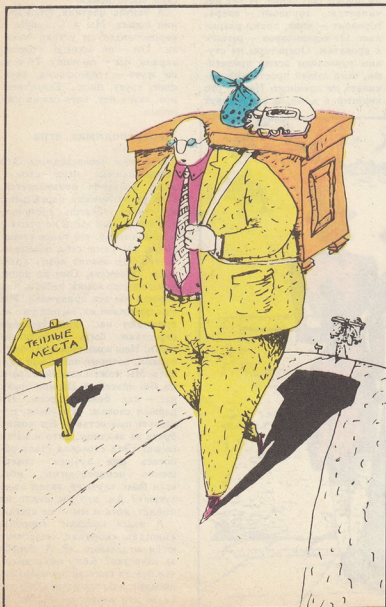
Наши цифры непереводаемы. И нечего зашифровать. Рассекретим наши цифры — ничего не узнаешь. Только свой понимает, что значит «бензинорасход», «тонно-километра», «металлоремонт». Какая тут непереводаемая игра цифр, запчастей, самосвалов и частных. Только свой понимает, как принести пользу обществу вопреки его законам. Только свой в состоянии понять, что не газета нам, а мы газете новости сообщаем.

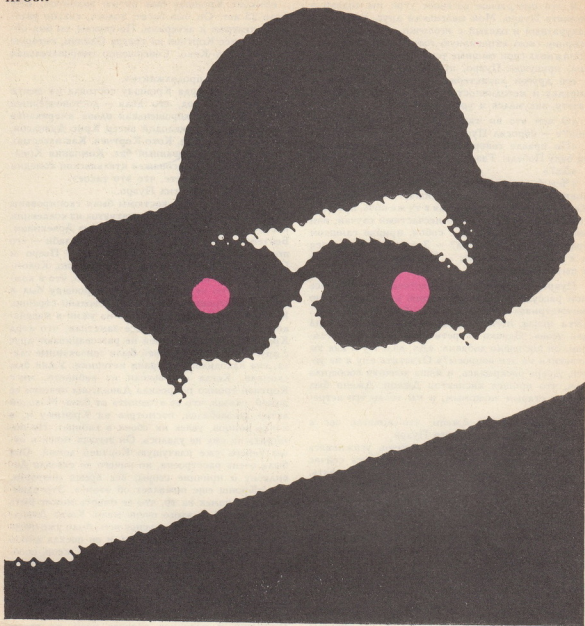
— Правда ли, что здесь мост будут строить? — пишем мы.

— Правда, — сообщает нам газета.

Шпионов готовить невозможно. Их нельзя обучить. Мы то учились по тридцать-сорок лет с отличием и такое научились понимать и раскусывать, что слова тут вообще ни при чем.

Поэтому, если кто хочет, чтоб его хорошо понимали здесь, должен проститься с мировой славой. Это относится к писателям, конструкторам и художникам Дома моделей.

Агата Кристи

Убийство на балу Победы

Рассказ

Мой друг Эркюль Пуаро, в прошлом глава бельгийской полиции, по чистой случайности столкнулся с шумевшим в свое время делом Стайлса и сумел раскрыть это преступление, что принесло ему широкую известность. Тогда он решил посвятить себя распутыванию сложных криминальных дел. Получив ранение в битве на реке Сомме во Франции, я был уволен из армии и поселился в Лондоне в одной квартире с Пуаро. Зная из пер-

вых рук все дела, которыми он занимался, я решил рассказать о наиболее интересных из них, начав с самого запутанного и сильно шумевшего дела — преступления на балу Победы.

Возможно, это не самое сложное преступление, которое удалось распутать Пуаро, но его сенсационность, участие в нем известных в стране людей и широкое освещение в прессе сделали его одним из знаменитых дел своего времени.

В это прекрасное весеннее утро мы сидели в комнате Пуаро. Мой маленький друг, как всегда аккуратный и одетый с иголочки, чуть склонив в сторону свою яйцевидную голову, тщательно напوماживая свои пышные усы. Безобидное тщеславие, присущее Пуаро, прекрасно гармонировало с его другой характерной чертой — любовью к порядку и методичностью. Я в это время, читая газету, задумался и уронил ее на пол.

«О чем это вы так глубоко задумались, друг мой?» — спросил Пуаро.

«По правде говоря, меня озадачило убийство на бале Победы. Газеты только об этом и пишут».

«Да?»

«Чем больше читаешь, тем непонятнее все становится. Кто убил лорда Кроншау? Была ли смерть Коко Кортней, наступившая в ту же ночь, простым совпадением? Был ли это несчастный случай, или она решила покончить с собой, приняв слишком большую дозу кокаина? — Здесь я остановился и с пафосом добавил: — Вот вопросы, которые я пытаюсь решить».

Пуаро, к моему неудовольствию, оставил все мои рассуждения без внимания. Он внимательно рассматривал себя в зеркало, бормоча под нос: «Эта новая помада действительно великолепно для усов». Однако встретившись со мной взглядом, он поспешно добавил: «Да, да... Ну и как вы ответили на эти вопросы?» Ответить ему я не успел. Дверь раскрылась, и наша хозяйка сообщила нам, что пришла инспектор Джепп. Джепп был нашим старым знакомым, и мы тепло его встретили.

«А, мой добрый Джепп, что привело вас к нам?» — приветствовал его Пуаро.

«Месье Пуаро, — произнес Джепп, усаживаясь и кивнув в мою сторону, — я занимаюсь сейчас одним делом, которое должно вас заинтересовать. Не хотели бы вы в нем разобраться?»

Пуаро считал Джеппа способным полицейским, полагая, однако, что он работает бессистемно. Я же, со своей стороны, думал, что главным талантом детектива было умение пользоваться одолжениями других, делая вид, что он сам делает им одолжение!

«Я имею в виду бал Победы, — продолжал Джепп убедительным тоном. — Вы, конечно, захотите в этом разобраться».

«Мой друг Хэстингс, во всяком случае, обязательно захочет. Он как раз только что говорил об этом», — ответил Пуаро, улыбаясь мне.

«Сэр, — снисходительно возразил Джепп, — вы тоже должны в этом участвовать. Вам будет интересно покопаться в этом деле. Итак, за работу! Я полагаю, что вам известны основные факты по этому делу, месье Пуаро?»

«Только из газет. А воображение журналистов не всегда точно отражает существо дела. Расскажите нам все по порядку».

Джепп положил ногу на ногу, уселся поудобнее и начал.

«Как известно абсолютно всем и всякому, в прошлый вторник состоялся бал Победы. Это был великолепный праздник, в котором принимал участие весь Лондон, включая молодого лорда Кроншау и его друзей».

«Его досье или, как вы это называете, биография?» — перебил Джепп Пуаро.

«Виконт Кроншау был пятым виконтом. Ему было 25 лет. Он был богат, холост, сильно увлекался театром и актерами. По слухам, он был обречен с мисс Кортней из театра Ольбани, которую друзья звали Коко. Совершенно очаровательная девушка».

«Прекрасно, продолжайте».

«Компания лорда Кроншау состояла из шести человек: сам лорд, его дядя — достопочтенный Юстас Белтейн, хорошенькая вдова американка миссис Мэллаби, молодой актер Крис Дэвидсон, его жена и, наконец, Коко Кортней. Как известно, это был костюмированный бал. Компания Кроншау изображала персонажей итальянской комедии масок, если вы знаете, что это такое».

«Я знаю», — заметил Пуаро.

«Во всяком случае костюмы были скопированы со старинных фарфоровых статуэток из коллекции Юстаса Белтейна. Лорд Кроншау был Арлекином. Белтейн — Пуччинелло. Миссис Мэллаби — его подругой Пульчинеллой. Дэвидсон — Пьеро и Пьереттой. Мисс Кортней была, конечно, Коломбиной. Уже в начале вечера было ясно, что в компании что-то не ладится. Лорд Кроншау был в плохом настроении и вел себя довольно странно. Когда вся компания собралась на ужин в маленьком отдельном кабинете, все заметили, что лорд Кроншау и мисс Кортней не разговаривают друг с другом. У мисс Кортней были заплаканные глаза, она находилась на грани истерики. Ужин был скомкан. Когда все вышли из кабинета, мисс Кортней громко попросила Дэвидсона отвезти ее домой, сказав, что ее «тошнит» от бала. Молодой актер заколебался, посмотрел на Кроншау и, в конце концов, увлек их обоих в кабинет. Но помирить их ему не удалось. Он вызвал такси и отъез теперь уже плачущую Кортней домой. Она была очень расстроена, но ничего не сказала Дэвидсону о причине sorrow, все время повторяя, что «Кронш еще пожалеет об этом!». Это единственный намек на то, что ее смерть может быть не случайной, а этого очень мало. Когда Дэвидсону удалось наконец ее успокоить, было уже очень поздно возвращаться обратно, и он поехал домой в Челси, куда вскоре вернулась и его жена, сообщив ему об ужасной трагедии, происшедшей во время его отсутствия».

После отъезда мисс Кортней лорд Кроншау все мрачнее и мрачнее, старался держаться в стороне от компании, и они его почти не видели. Примерно в половине второго ночи, во время котильона¹, когда все должны были снять свои маски, капитан Дигби, друг Кроншау по армии, знавший, в каком он был костюме, увидел его стоящим в ложе.

«Привет, Кронш, спускайся сюда и будь побольше любезней! Что ты забился там, как старый филин. Иди сюда, повеселимся!»

«Точно, ты прав, — ответил Кроншау. — Подожди меня, я сейчас приду».

Он повернулся и вышел из ложи. Капитан Дигби, стоявший с миссис Дэвидсон, стал его ждать. Время шло, а Кроншау не появлялся.

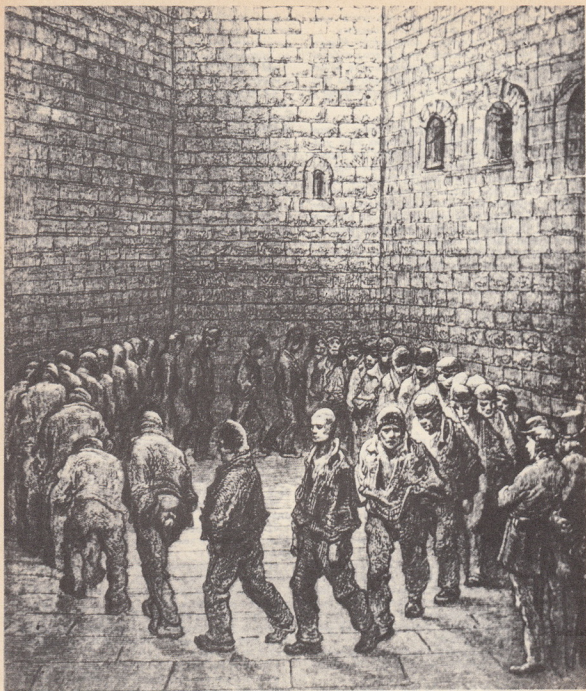
«Что он думает, мы будем ждать его всю ночь!» — возмутился Дигби.

Тут подошла к ним миссис Мэллаби.

¹ Котильон — балетный танец французского происхождения, объединяет вальс, мазурку, польку и др.

Загадка «Ст. М.»

Прежде всего сообщаем всем, кто принимает участие в заочной викторине, что в № 7 был помещен женский портрет работы французского художника Рауля Дюфи. Видимо, мы задали слишком сложную загадку. Только этим можно объяснить то, что писем пришло значительно меньше, чем прежде.

На этот раз за лучший ответ десять читателей получили книгу Анны Ахматовой. Итак, уже традиционные вопросы. Кто автор работы, помещенной на этой полосе?

Как называется эта работа? За верный ответ и наиболее полный рассказ о художнике и его картине, как и прежде, вас ждет подарок — редкая книга. Последний срок отправки ваших работ — 15 октября с. г.

«Помпон, которого не хватало, не был оторван. Он был аккуратно отрезан ножницами. Все нитки были одной длины».

«Боже мой! — вскричал я. — Все становится запутаннее и запутаннее!»

«Напротив, — спокойно ответил Пуаро, — все становится проще и проще».

«Пуаро, когда-нибудь я вас просто убью! Ваша привычка считать, что все очень просто, может вывести человека из себя».

«Но когда я в конце концов все разъясню, все становится достаточно просто, не так ли?»

«Да, и это больше всего выводит из себя, так как чувствуешь, что сам мог бы догадаться, в чем дело».

«И вы могли бы, Хэстингс, если бы удосужились привести в порядок свои мысли! Без определенного метода...»

«Да, да», — поспешно согласился я, так как знал, что если Пуаро касался своей любимой темы, его красноречию не было конца.

«Скажите, что мы будем делать дальше. Вы действительно хотите восстановить сцену убийства?»

«Да нет. Спектакль закончился. Я только хочу добавить к нему еще одну сцену. Сцену Арлекина».

Это таинственное представление было назначено Пуаро на следующий вторник. Меня заинтересовала подготовка к нему. В углу комнаты был поставлен белый экран, по обе стороны которого висели тяжелые занавески. Прибыл осветитель с прожектором, а за ним группа актеров, которые удалились в спальню Пуаро, временно служившую театральной уборной.

Незадолго до восьми часов явился Джепп в очень веселом настроении. Я понял, что детектив не одобряет плана Пуаро.

«Мелодраматично, как и все его идеи. Но вреда от этого не будет, а польза может быть. Он хорошо разобрался в этом деле. Я тоже шел по тому же следу. — Здесь я почувствовал, что Джепп несколько отходит от правды. — Но я обещал ему дать возможность раскрыть это дело самому. А вот и все остальные».

Первым вошел новый лорд Кроншау вместе с миссис Мэллаби, которую я еще не видел. Это была хорошенькая темноволосая женщина. Видно было, что она очень волнуется. Затем пришли Дэвидсоны. Криса Дэвидсона я тоже видел впервые. Это был довольно красивый броский мужчина, высокий, темноволосый, с приятными манерами актера.

Пуаро расставил стулья так, чтобы гости сидели лицом к экрану, который был ярко освещен. Весь остальной свет был погашен, так что все было погружено в темноту, из которой неожиданно раздавался голос Пуаро.

«Месье, мадам, небольшое разъяснение. Сейчас перед экраном пройдут шесть фигур. Все они вам знакомы. Это Пуаро и Пьеретта, Пунчинелло-клоун и элегантная Пульчинелла, красавица Колумбина с танцующей походкой и Арлекин-призрак, невидимый глазу!»

После этого началось представление. Следуя друг за другом, фигуры проходили перед экраном, останавливались на минуту и затем исчезали. Зажегся свет, и все вздохнули с облегчением. Все нервничали и боялись сами не зная чего. Мне

показалось, что весь этот спектакль ничего не дал. Если среди нас находился преступник и Пуаро рассчитывал, что он не выдержит и сознается при виде знакомой ему фигуры, то этого не произошло и не могло произойти. Пуаро, однако, ничуть не расстроился. Он вышел вперед, лицо его сияло.

«А теперь, месье и мадам, будьте любезны, по очереди опишите, что вы сейчас видели. Начните вы, милорд».

«Извините, — сказал лорд Кроншау, — но я вас не совсем понял».

«Просто скажите, что вы сейчас видели».

«Я... Я видел фигуры, которые прошли перед экраном, одетые в костюмы персонажей итальянской комедии масок, так же как были одеты мы в тот вечер».

«Забудьте о том вечере. Первая часть заявления меня вполне удовлетворила. Мадам, вы согласны с лордом Кроншау?» — обратился Пуаро к миссис Мэллаби.

«Я? Да, конечно».

«Вы видели шесть фигур из итальянской комедии масок, не так ли?»

«Конечно».

«Месье Дэвидсон, а вы?»

«Да».

«Мадам?»

«Да».

«Хэстингс? Джепп? Да? Вы все согласны?»

Он обвел нас всех внимательным взглядом. Его лицо побледнело, а глаза засветились зеленым светом, ну прямо как у kota.

«Должен вам сказать, что вы все ошибаетесь. Ваши глаза обманули вас, как, впрочем, в ту ночь на баду Победы. Видеть своими глазами — это не значит видеть то, что происходит на самом деле. Люди должны думать, шевелить мозгами, серым веществом! Знайте же, что сегодня, как и на вечере в ту ночь, вы видели пять человек, а не шесть! Теперь вы понимаете, что я хочу сказать».

Свет погас. Перед экраном появилась фигура Пьеро.

«Кто это? — спросил Пуаро. — Это Пьеро?»

«Да», — закричали мы все.

«Посмотрите повнимательнее!»

Быстрым движением актер сбросил с себя просторное одеяние Пьеро. И при ярком свете все увидели красивую фигуру Арлекина! Кто-то вскрикнул и опрокинул стул.

«Будьте вы прокляты!» — раздался голос Дэвидсона. — Будьте прокляты! Как вы догадались?»

Завенели наручники. И Джепп сказал спокойным голосом:

«Кристофер Дэвидсон, вы арестованы по обвинению в убийстве виконта Кроншау. Все, что вы сейчас скажете, может быть использовано против вас на суде».

Через пятнадцать минут после случившегося Пуаро пригласил нас всех на маленький, но изысканный ужин. Лицо его светилось, он проявлял чудеса гостеприимства и отвечал на все наши вопросы.

«Все было чрезвычайно просто. Зеленый помпон, найденный у убитого, был явно оторван от костюма убийцы. Однако Пьеретта не могла убить виконта, у нее не хватило бы сил, чтобы воткнуть столовый нож в грудь Кроншау. Поэтому я сосредоточил свое внимание на Пьеро. Но Пьеро поки-

нул зал за два часа до убийства. Значит, он должен был либо вернуться позже, либо убить Кроншау до того, как он покинул бал! Возможно ли это? Кто видел Кроншау после ужина? Только миссис Дэвидсон, которая солгала, чтобы объяснить отсутствие помпона, который она срезала со своего костюма, чтобы пришить вместо оторванного помпона к костюму ее мужа. Значит, Арлекин, которого видели в ложе в половине второго ночи, не был настоящим Арлекином. Некоторое время я полагал, что убийца — это мистер Белтейн. Но костюм Пунчинелло слишком сложен, чтобы можно было одновременно сыграть роль Пунчинелло и роль Арлекина. Напротив, Дэвидсон — молодой человек примерно такого же телосложения, как и лорд Кроншау, и к тому же актер по профессии — мог очень легко это сделать.

Но меня беспокоила одна вещь. Конечно, доктор не мог не заметить разницу между трупом, убитым два часа назад, и только что убитым телом. Доктор заметил это! Но его не спросили, когда был убит этот человек. Ему сказали, что видели его живым всего десять минут назад. Поэтому, констатируя смерть, он отметил, что тело было уже застывшим, чего он никак не может объяснить.

Итак, все доказывало правильность моей теории. Дэвидсон убил лорда Кроншау сразу же после ужина, когда, как вы помните, его видели, как он увлек его в отдельный кабинет. Затем он поехал провожать мисс Кортней, оставил ее у дверей квартиры, а не вошел к ней, чтобы успокоить, как он это утверждал, и вернулся на бал, но теперь уже в костюме Арлекина, а не Пьеро. Он просто снял костюм Пьеро, который был надет поверх костюма Арлекина.

Дядя убитого наклонился вперед. Глаза его выражали замешательство.

«Значит, он пришел на бал, заранее подготовившись к убийству? Зачем ему нужно было убивать Кроншау, вот чего я не могу понять!»

«А! Здесь вступает в действие другая траге-

дия — трагедия мисс Кортней. Вы все забыли одну простую вещь. Мисс Кортней умерла, потому что приняла слишком большую дозу кокаина. Но ее кокаин был в маленькой эмалевой коробочке, которую нашли на теле убитого. Где же она достала кокаин, который ее убил? Только один человек мог снабдить ее наркотиком — Дэвидсон. И это объясняет все. Это объясняет ее дружбу с Дэвидсоном, ее просьбу к Дэвидсону проводить ее домой. Лорд Кроншау, решительный противник наркомании, узнал, что она наркоманка, и у него возникло подозрение, что кокаин достает ей Дэвидсон. Дэвидсон, конечно, все отрицал. Но Кроншау решил доискаться до правды. Он мог простить несчастную девушку, но не пощади бы человека, который живет на средства от торговли наркотиками. Итак, Дэвидсона ожидало разоблачение и, возможно, тюрьма. Он направился на бал с тем, чтобы заставить Кроншау замолчать любой ценой.

«Значит, смерть Коко была несчастным случаем?»

«Думаю, что это был несчастный случай, ловко подстроенный Дэвидсоном. Она была очень зла на Кроншау за его упреки и за то, что он отнял у нее кокаин. Дэвидсон снабдил ее кокаином и, возможно, предложил увеличить дозу».

«И еще одно, — сказал я. — Альков и занавески. Как вы об этом узнали?»

«Друг мой! Ну уж это проще простого! В кабинете сновали туда-сюда официанты. И если бы тело лежало на полу, его бы сразу заметили. Его нужно было куда-то спрятать. Поэтому я решил, что там было альков, скрытый за занавесками. Дэвидсон спрятал там тело, а позже, обратив на себя внимание в ложе, вынул его оттуда, прежде чем окончательно покинуть бал. Он умный парень!»

Но по блеску зеленых глаз Пуаро я понял, что он хотел сказать — умный, но не умнее самого Эркюля Пуаро!

Перевод с английского И. Романовой

От редакции. В 1990 году мы познакомим читателей с главами романа Агаты Кристи «Хикори-дикоридок».

ОРИЕНТИР

Воспоминания о
М. Булгакове. Сборник. —
М.: Советский писатель,
1988. — 528 с.

Судьба этой книги непростая. Идея создания мемуарного сборника о М. А. Булгакове принадлежит вдове писателя. В 1967 году составители — Е. С. Булгакова и С. А. Ляндрес предложили рукопись сборника издательству «Искусство», но издание в то время не было осуществлено...

О Михаиле Булгакове вспоминают — К. Паустовский, В. Катаев, Э. Миндлин, С. Ермолинский, В. Виленкин, Р. Симонов, М. Яншин, М. Прудкин. В сборник вошли дневниковые записи вдовы — Е. С. Булгаковой, материалы из семейного архива.

Свои впечатления о книге в предисловии высказывает В. Лакшин и, в частности, говорит о том, что «собранные воедино наброски с натуры и портреты «на дистанции» производят в целом впечатление чего-то неоспоримо достоверного...»

Толкователь Ирнерио
Деталь фрески

Старейший в Европе

Раннее сентябрьское утро возвестило колокольным перезвоном древних церквей о своем наступлении. Этим утром начались в Болонье празднования дня рождения университета, древнейшего в Европе. Дня рождения длиною в год. Так же будили колокола сонных граждан и много веков назад, а один из них, прозванный «школьным», — средневековой церкви Сан Петронियो — призвал студентов к началу занятий.

Но когда же родился Болонский университет — алма матер, что в переводе с латыни означает «кормящая мать», дающий «духовную пишу»?

Из глубин средневековья...

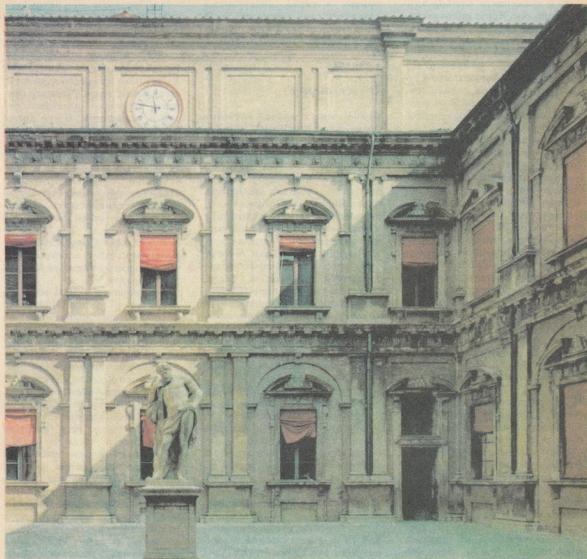
Первое документальное упоминание, относящееся к 1076 году, знакомит нас с неким Пепоне — «доктором права», комментатором текстов римского законодательства — национального достоинства итальянцев. Он собрал и прокомментировал тексты, закодированные императором Юстинианом¹. И больше ничего о нем не известно.

¹ Юстиниан (483 — 565 гг.) — византийский император с 527 года. Провел кодификацию римского права. Основной труд «Свод гражданского права» — систематическое изложение византийского права VI века. Включает Институции, Дигесты и Кодекс Юстиниана. Основа Кодекса Юстиниана — римское право, переработанное с учетом новых экономических условий.

Только факт, что уже в 1076-м существовала такая «ученая степень». Следовательно, Болонский университет много древнее.

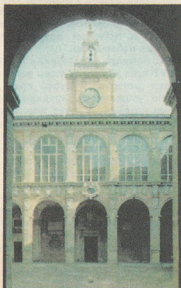
Больше известно, однако, об Ирнерио или Варнериусе. Именно его традиционно рассматривают как основателя университета. Его слава как каталогизатора римского юридического материала, глоссатора-толкователя широко распространилась в центральной Италии. Упоминания об Ирнерио относятся к 1088 году. Два века спустя некий Одифредо подтвердил, что Ирнерио был первым из тех, кто, «учась для себя», передавал свои знания через преподавание. Сейчас уже нет уверенности, что именно он являлся

Двор здания Архигимназии, 1956 г. Дворец Поджи — здание, в котором располагается Болонский университет с 1803 года. Внутренний дворик.

автором работ, которые ему приписывались в прошлом, но студенты, собиравшиеся на лекции, замечали на полях древних текстов пояснения — «гlossы», соответствующие его устным объяснениям. С именем первого «маэстро» связано выделение права как самостоятельной дисциплины.

Университет представлял собой «совокупность» (дословный перевод с латыни) разрозненных школ Права, существовал на средства учащихся. Лекции проводились в различных домах, иногда в

в доме глоссатора. Студенты сами выбирали преподавателей и вознаграждали их за труд. А поскольку наука рассматривалась как дар божий, а не предмет купли-продажи, в первые века студенты собирали пожертвования у горожан. Оплата как таковая пришла позже, в XIV веке, когда Городской совет Болоньи взял под свою опеку университет. Он стал платить зарплату наиболее известным профессорам. До наших дней дошли документы, в которых указывается, сколько следует уплатить за одну лекцию, сколько — за годичное обучение.

Уже в 1179 году древние доктора собирались в церкви святого Петра, где заслушивались выпускные работы студен-

тов, и архидиакон Собора вручал дипломы. Через высокую арку церкви выходил новоиспеченный лауреат под торжественное звучание труб.

Известность университета привлекла в Болонью поток студентов-паллириков, влюбленных в науку. Тогда и появилось слово «голиард» — бродячий студент.

Федерико I Барбаросса в 1158 году обнародовал указ, одно из положений которого рассматривало школы как сообщество ученых, возглавленное преподавателями. Империя брала на себя обязательство защищать от любых вмешательств властей студентов, путешествующих с целью приобретения знаний. Издание указа явилось важным событием для университета. Он становится для закона местом свободного развития научной творческой мысли. Студенты обрели привилегии и, что особенно важно, юридические гарантии.

Первые конфликты

Но Городскому совету трудно было поступиться своими правами, ведь существование университета создало международный престиж самому городу. Благодаря постоянному присутствию студентов со всей Европы он развивался более интенсивно. Совет ввел меру контроля над учебными сообщениями, потребовав от преподавателей клятвы не покидать стен города, вести обучение только в Болонье. Вмешательство городских властей повлекло за собой студенческие волнения. В 1204 году — волнения в Виченце, в 1215 году — в Ареццо, в 1228 году — в Верчелли. Но самым крупным было выступление 1222 года, когда студенты и преподаватели перебрались в Падую, основав здесь университет, предназначенный стать одним из наиболее важных учебных центров страны.

Наконец в начале XIII века папа Онорио дает указание архидиакону Болоньи ввести академические звания, студентам даруется право собраний, а преподаватели освобождаются от клятвенных обещаний не покидать города.

Слава университета была огромной. Но с конца XIV века

приток в город иностранных студентов стал уменьшаться. И тому была объективная причина: в Европе и по всей Италии были созданы новые университеты.

Объединение

С XIV века и впредь изучение права перестает быть единственной дисциплиной университета. В 1316 году возникла школа «артистов» (от латинского «ars» — искусство). Среди артистов — учителя медицины, философии, арифметики, астрономии, логики, риторики и грамматики. С 1364 года изучается теология. В это же время специальная школа готовит нотариусов, в которых остро нуждается Городской совет.

С целью соединить разрозненные школы студентам отдают здание Архиминазии, построенной по воле папы Пия IV в 1563 году Антонио Моранди. И контроль за обучением со стороны городских властей становится более строгим.

Одна центральная лестница этого изящного дворца вела в аудиторию Школы юристов, а другая — в семь аудиторий Школы артистов. Гербы, надписи увековечили имена прославленных учителей и учеников. Среди них есть и взшедшие позже на папский престол: Роландо Бандинелли (папа Александр III), Снинабдо Фиески (папа Иннокентий IV). И неувядаемой славой покрыты эти стены имена Данте, Петрарки, Эразма Роттердамского, Карло Гольдони, Николая Коперника. Последний изучал в университете папское право и проводил астрономические наблюдения.

С момента образования и до XVI века студенты сами выбирают ректора. В своей среде либо уважаемого, эрудированного болонца. А с тех пор, как Городской совет, находящийся в полной зависимости от правительства папы, стал оплачивать труд преподавателей, фигура ректора исчезает. Университет становится государственным учреждением и контролируется папским легатом. Еще какое-то время осуществляется смешанное правление профессоров и студентов, и только при Наполеоне вновь появляется ректор, избираемый теперь

исключительно из преподавательской среды.

Перемены

Индустриальная революция XVIII века принесла новые силы и новые идеи. Мощные стимулы получили развитие науки и технологии. В это время делает свои открытия Луиджи Гальвани, который вместе с Алессандро Вольта становится одним из основателей современной электротехники. Прежде изучение электричества велось медицинской школой. Теперь им стали заниматься физики.

В XIX веке Сильвестро Джерарди исследует электромагнетизм, проанализировав открытия Фарадея.

Университет в 1804 году презрежает в здании Института наук — самой знаменитой из болонских академий, основанной Марсильи в 1711 году. С начала XIX века здесь — резиденция современного национального университета. Тут же создаются библиотека, лаборатория и музей. Создатели музея были далеки от стремления собрать всю историю университета, и он не может дать единственной подлинной версии его основания, ограничиваясь документированием непрерывности, жизнеспособности этого учебного заведения, его основополагающих ценностей — науки, поиска и обучения. А экспонаты следует рассматривать не самостоятельно, а во взаимосвязи с развитием истории социальных и экономических процессов, с историей идей. Например, здесь представлены модели древних судов XVII—XVIII веков. Может показаться странным... В самом деле, зачем Болонье, городу, далекому от моря, такая коллекция? Оказывается, этот элегантный военный флот в миниатюре помогал изучению прогрессивной технологии, которой европейские нации доверяли свои военные и политические фортуны, безопасность торговли, а следовательно, и могущество государства.

Среди университетских музеев: музей астрономии, музей анатомии, музей антропологии, музей геологии и палеонтологии, музей минералогии, музей

зоологии и многие другие. Больше частью они раньше были закрыты для посетителей.

Все собранное здесь — заслуга ученых и студентов. Это неоспоримое свидетельство научных и культурных традиций университета.

«Альма-матер» наших дней

Сегодня университет разросся в целый городок. Старинный дворец Поджи (носящий имя прежнего владельца-кардинала), бывший Институт наук, является только административным зданием. Здесь же расположены библиотека и университетские музеи.

Поступить в Болонский университет сегодня может любой выпускник школы, достаточно иметь при себе аттестат зрелости. Никаких вступительных экзаменов. Только на факультет медицины принимают ограниченное количество абитуриентов — не хватает лабораторий. Обучение длится на этом факультете шесть лет, на педагогическом факультете — четыре года, на остальных — пять лет.

Всего университет имеет 13 факультетов. И хотя перечисление будет несколько громоздким, оно даст представление о том, каким интересным и рациональным способом делится изучение дисциплин. Итак, факультеты: юриспруденции, политических наук, экономики и торговли, статистики и демографии, литературы и философии, педагогики, медицины и хирургии, математических, физических и естественных наук, промышленной химии, фармацевтики, инженерии, сельского хозяйства, ветеринарной медицины.

Не существует здесь и разделения на дневное, вечернее и заочное отделения. Поступивший может устроиться на работу, уехать в свой родной город. Важно только дважды в год приезжать для сдачи сессии. Плата за обучение взимается умеренная (по итальянским меркам). Ну а успеваемость... бьет по карману. Если студент не сдал всех необходимых экзаменов, то остается на второй год, а вот оплата за обучение для него увеличивается вдвое. Причем лекции можно

слушать бесплатно, оплачивается работа комиссий по приему экзаменов. Любопытная деталь: часто в университетских аудиториях собираются пожилые люди — жители Болоньи. Интересная лекция, возможность поправить свое образование влекут их сюда. Так что прийти на лекции может каждый желающий.

Но по-прежнему неразрешимой проблемой остается трудоустройство выпускников. Нехватка рабочих мест, колоссальные трудности с устройством по специальности. Единственная возможность, которую бывшим студентам дарит общество — занять очередь на бирже труда. А перспективы... да еще для человека без практических навыков, не имевшего первой работы! В общем, где-нибудь в третьем тысячелетии. И таких в Италии среди молодежи около двух миллионов.

Торжества

День рождения университета — это в каком-то смысле день рождения и всех существующих ныне университетов. Сотни ректоров приехали в Болонью на 900-летний юбилей университета в прошлом году. Их торжественным шествием из старинной Архиминазии к городской площади открылся праздник.

Первыми — профессора факультета юриспруденции. За ними следуют другие факультеты. Зрелище необычайно. Колыхнутся разноцветные тоги, шелковыми складками преплетая шаг: лиловые, красные, синие... У каждого факультета — свой цвет.

За представителями Болонского университета входят на площадь ректоры древних европейских университетов. Замыкают шествие студенты: и здешние, и съехавшие со всего мира.

Бой часов на городской башне, дробь барабанов, трепетные флаги в руках знаменосцев, концерт церковных колоколов, среди которых знакомый нам «школьный»... Университетские хоры Болоньи, Лоблиня, Познани и Падуи исполняют «Галудеамус». Празднование проходит в строгом соответствии с церемониалом. Чи-

тают Данте, Эразма Роттердамского, звучит музыка Д. Верди. И, конечно, нельзя обойтись в этот день без песен голлардов средневековья.

Еще вчера город больше напоминал строительную площадку. А сегодня — выставки, открывшиеся университетские музеи, театры, отреставрированные дворцы, выпущенные специально к этому событию книги.

Но этот юбилей носил совершенно особый характер. Это не только празднование события прошлого, но и взгляд, устремленный в будущее. Главное в этом празднике — подписание университетской хартии. В ней подтверждаются принципы, которые никакая законодатель не сможет игнорировать: автономность исследований, свобода обучения, независимость от политической власти. Задача хартии — сегодня вместе с братьями — европейскими университетами произвести «на свет» европейского студента, полноправного, гармонично развитого человека. Если принципы, изложенные на бумаге, войдут в жизнь, то и «почти тысячелетняя история университета и эти торжества не будут напрасными. Было бы большой ошибкой думать, что университет в этом новом обществе хочет замкнуться в себе самом, в своей академической гордости. Основное здесь — самостоятельность, независимость, но не замкнутость. Хартия европейских университетов выдвигает требование отношения к жизни и к природе как к бесценным достижениям человечества» — так выразил содержание хартии ректор Болонского университета.

И все же главная тема, как красная нить пронизавшая все торжества в Болонье: автономия университета, которая сочетается с самостоятельностью и независимостью познания. Три основные функции, которые университет всегда ревниво охранял, — научный поиск, профессиональная подготовка, моральное и интеллектуальное воспитание. *Vivat, floreat, crescat!* Болонскому университету!

Светлана Журавлева

Рим — Болонья

Жить, цвести и расти (лат.).

ОРБИТА

В поисках рая

«Рай на земле». Под таким девизом прошла на юге Италии в городе Салерно III Международная встреча молодежи. Думаю, что она внесла свою лепту в тот процесс лучшего узнавания друг друга, который так широко развернулся сейчас во всем мире в рамках народной дипломатии. Непредвзятый взгляд на жизнь, столь свойственный юному поколению, обсуждение социальных, политических проблем, обмен идеями, планами, культурными проектами, более близкое общение — все это, безусловно, способствует зарождению взаимного понимания, уважения.

Солнце, море, яркий пейзаж, искреннее радушие, теплые улыбки — вот что сопутствовало этой встрече. И еще бесконечные вопросы о том, что происходит в нашей стране, чего мы ждем от перестройки, на что надеемся и что конкретно делаем? Есть ли у молодых скептицизм к политике Горбачева, как они относятся к переоценке истории?..

С одной стороны — это был

Музыкальный вечер в театре «Капитол».

Конкурс «Дети мира — рисуют».

праздник с манифестацией, концертами, выставками, спортивными состязаниями, но в то же самое время шел напряженный, серьезный разговор о нашем общем будущем, о тех проблемах, к стати, в чем-то очень схожих, которые стоят перед юношами и девушками, населяющими европейский дом.

Идея, заданная организаторами встречи, — «Рай на земле» — трактовалась и так: нельзя достичь рая, не искоренив человеческих пороков, не воспринимая мир реально, без иллюзий. Ошибки, допускаемые человеком, губят те шаги к всеобщему благоденствию, которые мы пытаемся сделать.

И как вывод из подобных рассуждений звучала мысль о необходимости поднимать уровень культуры, духовности. Только культурно развитый человек в состоянии понять, что каждый из нас, где бы он ни жил, должен принять участие в искоренении зла — зависимости молодых от наркотиков (а

значит, от саморазрушения), страшного явления СПИД, необратимых экологических потерь, поправки жизненных интересов молодых людей, несправедливости, мафии... Все это международные проблемы, и кардинально решить их можно лишь сообща.

Дискуссии проходили в школе, лицее, прикладном техническом институте, муниципалитете города, театре, и везде заинтересованный разговор о насущных проблемах молодежи.

Диапазон обсуждавшихся вопросов наглядно демонстрируют названия дискуссий: «Салерно за мир», «Ценности реальные и мнимые», «Профессия на всю жизнь», «Взрослый день», «Парень Юга Италии»...

Салерно третий раз принимает гостей. И эта традиция будет продолжена. Правда, пока еще неизвестно, что станет главной темой очередной международной молодежной встречи. Но даже из такого небольшого экскурса ясно, что обсуждать и думать нам есть над чем.

Ирина Ретина

АЗБУКА
ДЛЯ ДВОИХ

Юношеская любовь

Михалина Вислоцкая

«Искусство любви» — так называется книга, которую мы начали печатать с № 7. В этом году мы опубликуем главу «Юношеская любовь», другие части книги: «Влияние воображения и органов чувств на половое развитие», «Первые шаги вдвоем» будут помещены в номерах 1990 года.

Продолжение. Начало в № 7.

Различия в развитии эмоционального и чувственного мира девушек и юношей

В известном памятнике мировой литературы — греческой повести «Дафнис и Хлоя», написанной Лонгом во II веке нашей эры, рассказывается о приключениях и истории любви неопытных молодых людей — пастуха Дафниса и пастушки Хлои. В этом произведении немаловажная роль принадлежит их сексуально искушенной соседке:

«Любишь ты Хлою, Дафнис: это я узнала ночью от нимф; явившись во сне, они мне рассказали о слезах вчерашних твоих и мне приказали спасти тебя, научивши делам любовным. А дела эти не только поцелуи и объятия и не то, что делают козлы и бараны: другие это скачки, и много слаще они тех, что бывают у них, ведь наслаждение они даруют куда более длительное. Так вот, если хочешь избавиться от мук и испытать те радости, которых ты ищешь, то отдай себя в руки мои, радостно стань моим учеником; я же в угоду нимфам всему тебя научу».

Союз зрелой женщины и молодого парня, несмотря на высокое — у обоих — сексуальное напряжение, непрочен и, как правило, умирает естественной смертью в момент насыщения сексуального голода у партнера. Эта связь с самого начала обречена на непродолжительность, так как с возрастом молодой человек ищет партнершу, разделяющую его интересы и взгляды на жизнь.

Известны также опасные, а иногда и просто преступные способы снятия избыточного сексуального напряжения. Я имею в виду коллективные нападения подростков на девушек и взрослых женщин. Побудительной силой этих противоправных действий выступает, между прочим, и очень сильное половое влечение (гиперсексуальность), не контролируемое механизмом психического торможения. Эффективность этого механизма зависит не в последнюю очередь от качества полученного воспитания и уровня культуры среды, в которой растет и развивается подросток.

Еще совсем недавно (по историческим меркам) нельзя было даже представить, чтобы молодая девушка, случайно познакомившись с мужчиной, согласилась отправиться с ним на прогулку, посетить кафе, ресторан или поехать на отдых в безлюдные места.

Сейчас нам смешно об этом вспоминать. Девушки ездят с незнакомыми молодыми людьми на экскурсии, завязывают знакомства со случайными мужчинами на улицах, соглашаются пойти с ними «погулять» в лес

или «вселе провести время» в чужой квартире. Им кажется, что, поступая таким образом, они идут в ногу с прогрессом и современностью, и возмущаются, если им скажут, что их поведение недопустимо легкомысленно. К сожалению, многие родители также не отдают себе отчета в том, что их дочери играют с огнем, и считают излишним заводить с ними беседы на эти темы.

Юноше порой очень трудно «бороться» со своим половым влечением, но девушка должна знать, что в каждой из вышеуказанных ситуаций ее бездумное поведение может стать прелюдией к изнасилованию, и если она не хочет допустить этого, то не должна доводить дело до рискованной ситуации.

В области секса прогресс и равноправие подростков обоих полов значительно опередили процесс познания неизменных законов, определяющих физические и психические изменения в организме молодых людей, оставив девушек в какой-то степени «безоружными» перед лицом «сексуальной агрессии». Проявляющаяся у них легкомысленность в общении со сверстниками, которые решают нелегкую проблему «обуздания» своего высокого сексуального напряжения, побуждает иногда совершать необдуманные поступки, заканчивающиеся вынесением приговоров в зале судебных заседаний, приводит к крушению планов и надежд на светлое будущее.

Девушка-подросток в период полового созревания, между тринадцатым и семнадцатым годами жизни, в проявлении своей эмоциональности ведет себя как вполне сложившаяся женщина. Ее женская психика будет на протяжении всей жизни доминировать над физической стороной переживаний. Уже в школьном возрасте она возится с куклами, котятками, щенками, желая охватить своей «материнской» любовью весь окружающий мир. В момент, когда на орбите ее эмоциональных интересов появляется мальчик, она и его стремится превратить в своего постоянного подопечного. Подсознательный материнский инстинкт, характеризующийся тенденцией к созданию собственного гнезда,

выражается даже в ласкательных именах, которыми она награждает своего друга: «мой малыш», «муженек», «папочка» и т. д. Все они подтверждают «семейную» ориентацию молодой девушки.

В несостыковке подходов и взглядов на юношескую любовь у подростков в возрасте до семнадцати лет изначально заложен источник многих конфликтов и недоразумений. Юноша, как я уже отмечала, пытается тем или иным способом найти объект для снятия физического напряжения, в то время как девушка рисует в своем воображении разнообразные картины несуществующей любви и верности. Она ищет у своего избранника мужского понимания, поддержки и дружбы, не имея ни малейшего представления, что все это недостижимо в юном возрасте. Часто эмоциональные разочарования приводят к комплексам и расстройствам в нормальном психическом развитии или же к выводу, который содержится в цитированном ранее письме девушки: раз все парни одинаковы, то следует, видимо, примириться с действительностью и уступить (забывая, что за последние придется отвечать только ей).

Дополнительные трудности в юношеских эмоциональных конфликтах создают расширяющимися связями детей и родителей, преклонением перед авторитетом ровесников и единомышленным мнением подростков мужского и женского пола, что взрослые безнадежно отстали, ничего не понимают и ни в чем не разбираются. Это еще хорошо, если после ошибок, допущенных в неудачной юношеской любви, от нее останутся в памяти только более или менее неприятные воспоминания. Не надо забывать, что это возраст огромной экзальтированности и психической неустойчивости в связи с происходящими в организме гормональными изменениями; эмоциональные потрясения и менее уравновешенных девушек могут даже заставить их решиться на самоубийство. К сожалению, такие случаи перестали быть редкостью.

В сборнике газетных публикаций «Девушки и секс» я обратила внимание на статью, анализирующую причины внеш-

не ничем не мотивированного самоубийства молодой пятнадцатилетней девушки. В статье, кроме выводов авторов, были приведены фрагменты ее письма, а также письмо юноши, с которым она встречалась.

«...Ива встала в этот день поздно,— пишет в статье журналист,— около одиннадцати часов (был последний день пасхальных каникул). Она была одна в доме, родители давно утром ушли на работу. Позавтракала яичницей (на столе осталась невымытая сковородка). Долго причешивалась перед зеркалом в комнате, слушая одновременно популярные эстрадные мелодии. Радио включила, как обычно, на полную громкость. Наконец начала одеваться. Что-то тогда уже не давало ей покоя, в глубине души созрело решение. Она вынула из шкафа черную комбинацию и такого же цвета трусики. Этим комплектом она редко пользовалась: последний раз одевала его, кажется, в новогоднюю ночь, когда поехала к Янеку и осталась ночевать у него в доме (с согласия его родителей, разумеется). Ее мать терпеть не могла этого комплекта, говорила, что такие носят только потаскухи. Но матерям, как известно, многое не нравится. В общем, Ива одела все же черную комбинацию и черные узкие трусики, расстелила в кухне на полу одеяло, легла на него и открыла газ».

Таков печальный исход этой истории, настолько типичной в своих деталях, что их можно было бы приводить в качестве иллюстраций любви 12—15-летних подростков. Правда, финал не всегда бывает таким трагичным.

Что касается Ивы, то ее отношения в семье начали складываться очень скверно. Многолетняя дружба, связывающая ее с отцом, распалась. Мать, уставшая от жизненных невзгод, оценивала ее поступки очень сурово и критически. Ива ожидала, что отец в семейных конфликтах займет ее сторону, но он, к сожалению, предпочел не портить отношений с матерью.

Я говорю «к сожалению» не из-за того, что мать была не права, а потому что в момент появления конфликтов период полового созревания родителям не следовало бы проявлять

слишком большую скрупулезность, доказывая свою правоту, если ценой явится потеря доверия ребенка. И хотя это доверие крайне необходимо родителям, в нем вдвойне нуждаются их дети, вступающие в жизнь и не подозревающие о существовании «капканов», в которые они могут угодить в своей, пока еще такой короткой и неразвитой взрослости.

К несчастью для Ивы, появился еще один конфликт — конфликт со школой. Учитель, случайно проходя мимо их дома (она жила на первом этаже), увидел сквозь неплотно зашторенное окно Иву и ее друга: они сидели рядом на диване и курили. Девочка посещала школу во вторую смену и поэтому до полудня находилась в квартире одна. В школе разразился скандал: Ива «принимает» у себя дома мальчиков и занимается с ними «мерзостями» (под «мерзостями» подразумевалось, по-видимому, сидение на диване с сигаретой во рту!). Мы часто бываем свидетелями того, как проецирование изощренного воображения взрослых на невинное, по сути, поведение подростков оборачивалось для них трагическими последствиями. Неплохо было бы в таких ситуациях строго придерживаться фактов без домысливания подробностей, порождаемых буйной фантазией.

Девушку перевели в другую школу, но в душе у нее осталась обида на родителей и педагога, продемонстрировавших свое отвращение к юношеской любви, зародившейся между молодыми людьми. В это же время юноша переехал вместе с родителями в другой город, и между Ивой и ее другом началась оживленная переписка.

«Мой самый дорогой в мире Янек! — писала в одном из писем Ива. — Пишу тебе, потому что уже второй день от тебя нет письма, и я не знаю, что с тобой происходит. Не случилось ли чего-нибудь? Янек!.. Каждый день, сидя у себя дома, я жду тебя и прислушиваюсь, не слышатся ли твои шаги в подъезде, а ты все не приходишь и не приходишь...»

Письма становятся все более грустными, полными тоски и любви, — закономерная реакция на затухающее чувство со стороны юноши. По вполне

понятным причинам его перестает интересовать любовь на расстоянии, а писем он, как почти все мужчины, писать не любит. Наполненные любовью упреки Ивы вызывают совершенно противоположный эффект — в его глазах она теряет привлекательность, начинает действовать на нервы.

Такие любовные письма может себе позволить мужчина, но ни в коем случае не женщина (пусть даже она отраздновала серебряную свадьбу), которая едва приблизилась к таинству любви. Последствия не заставили себя долго ждать.

«...Очень хочу находиться в эту минуту возле тебя, успокоить тебя, отогнать от тебя все грустные и неприятные мысли, снова поцеловать тебя, повторяя: «Мой Янек! Мой любимый Янек!» — писала в очередном своем письме Ива. «И запомни одно! Незвизрая на то, запретишь ты мне или нет, я все равно приеду и найду тебя, даже если ты убежишь и спрячешься в мышиной норе. Зачем? Да, действительно, — зачем? Чтобы увидеть тебя живого, натешиться твоим видом... Может быть, эти слова покажутся тебе банальными, но что я могу поделать, если они правдивы. Вот и все, что я собиралась тебе сказать. Теперь от тебя зависит, будет ли продолжаться наша корреспонденция, сохранится ли наша любовь.»

«Не знаю, твоя ли? Ива». Обеспокоенная Ива едет к нему на встречу Нового года и остается у него ночевать. Эта новогодняя ночь должна была увенчать их любовь без остатка подаренным друг другу взаимным чувством. К сожалению, Ива даже не подозревает, что этим шагом вынесла окончательный приговор своей любви. А ведь ей казалось, что, решившись переступить порог девичьей стыдливости, она навсегда привязывает к себе своего избранника, так как вступает с ним, по существу, в супружеские отношения.

После этой поездки плюшевый медвежонок, подаренный когда-то Янеком, получает имя «малышка Янечек» и начинает принимать участие в «материнских» играх Ивы в качестве любимого сыночка. В настроении девушки появляются «семейные» нотки.

«Дорогой муженек!!! Я лежу в постели (сейчас 21.50) и пишу тебе, — сообщает в одном из писем Ива. — Письмом от тебя увидела в почтовом ящике, как только пришла с тренировки, то есть в 21.00. А теперь спокойной ночи, дорогой! Ни о чем не беспокойся, держи выше голову. Кстати, не выходи на улицу с непокрытой головой! Ива».

Родители юноши, недовольные визитом Ивы, отнеслись к ней довольно холодно. Их сын (старшеклассник средней школы), напуганный «супружескими» излияниями своей подруги, чувствует, что его загоняют в угол, теряет бодрость духа и перестает напоминать о себе. После самоубийства девушки в ответ на предложения журналиста встретиться и побеседовать он посылает письмо следующего содержания:

«Уважаемый пан редактор! В ответ на Ваше письмо любезно сообщаю, что я не готов удовлетворить Вашу просьбу относительно предоставления информации, касающейся блаженной памяти покойной Ивы.»

Адресованные мне письма я возвратил ее родителям, не оставив у себя никаких материалов, которые могли бы представлять для Вас интерес. Не считаю также возможным и правильным делиться с Вами гипотезами о причинах самоубийства моей вышеупомянутой подруги. Телеграмма от ее родителей, в которой содержалось приглашение приехать на похороны, ошеломила меня не в меньшей степени, чем сама смерть. Мне кажется, что только родители блаженной памяти Ивы и ее друзья, с которыми она общалась в городе К., могут снабдить Вас соответствующей информацией, если Вы захотите написать правду об Иве и ее близких. Я вряд ли буду Вам полезен, поскольку внутренний мир умершей был для меня такой же большой загадкой, как и для Вас, — тем более что встречались мы крайне редко, и взаимная переписка прервалась не по моей вине. Она продолжалась, кстати, очень недолго...

С уважением, Янек Х.». Может быть, он потрясен неожиданной драмой? Стремится замести следы, напастись целый короб вранья — при-

уменьшить свою роль в этом деле? Мне все же кажется, что все было по-другому. Эмоциональное воображение девушек в этом возрасте очень возбудимо и щедро — поэтому не исключено, что в действительности все выглядело намного прозрачнее по сравнению с богатством и многоцветием палитры душевных переживаний Ивы.

И здесь таится наибольшая опасность раннего подросткового периода. Опасность, заключающаяся в избыточной эмоциональности у девушек и ее недоразвитости, а нередко и полного отсутствия таковой у юношей, о чем свидетельствует письмо Янека, написанное после смерти Ивы. Если бы ситуация была прямо противоположной и отвергнутый подросток совершил бы самоубийство, разочаровавшись в любви, то девушка, даже не слишком эмоционально заинтересованная, создала бы в своем воображении ретроспективную поэму о большом чувстве, сохранив о погибшем светлые воспоминания.

Мужчина, даже эмоционально восприимчивый, реагирует совершенно иначе. На протяжении веков женщины искали убежища от несчастной любви в монастырях, где до конца дней своих ограждали себя от соблазнов мирской жизни, но я что-то не припомню, чтобы так же поступали представители сильного пола. Единственным известным мне исключением был герой романа Г. Сенкевича «Потоп» пан Михал Володьевский, да и его траур не продлился слишком долго.

История Ивы, вероятно, не закончилась бы так драматично, если бы молодые люди, в ней участвовавшие, немножко больше знали о своих реакциях и потребностях: в частности, о том, что представления о любви юношей и девушек в период их эмоционального созревания диаметрально противоположны, что согласие девушки начать половую жизнь является для нее действительно доказательством любви, тогда как для подростка это просто цель, к достижению которой он стремится, прилагая всевозможные старания и т. п. Это также и точка отсчета, начиная с которой юноша, добившийся своего, теряет,

как правило, интерес к своей партнерше. Знание специфики реакций в этом возрасте позволило бы им сравнительно бесконфликтно миновать юношеский период — до того момента, когда подросток начнет созревать в эмоциональном плане, а девушка расцветет физически, что уравнило бы их шансы в любви.

В жизни случается, что девушки подросткового возраста (от шестнадцати до девятнадцати лет) нередко завязывают эмоциональные контакты с мужчинами намного старше себя, с тридцати-сорокалетними партнерами. Мужчина после сорока лет переживает полосу заметного угасания своих физических сексуальных возможностей, но одновременно он обладает богатым опытом в обращении с женщинами, хорошо знаком с их психикой, предъявляемыми требованиями и физическими реакциями.

В представлениях молодой девушки о любви такой партнер выглядит почти идеальным. Он романтичен, обходителен, дарит цветы, горазд на комплименты, приглашает в кино, театры и рестораны, преподносит тщательно подобранные щедрые подарки. Он красиво говорит о любви, ценит музыку, понимает душевное настроение и заботы окружающих его людей, но главное — не бросается грубо на партнершу, стремясь побыстрее овладеть ею. Он умеет ласкать, целовать, обучать таинствам любви и переходит к интимным половым отношениям лишь тогда, когда почувствовала в девушке зрелость вызывает у нее потребность в более конкретных физических ощущениях. Короче говоря, взрослый мужчина дает партнерше все то, чего она не находит у своих ровесников и чего от них подосознательно ждет.

На первый взгляд девушка в паре с таким идеальным партнером вроде бы и желать нечего. Однако здесь сразу же необходимо сделать ряд оговорок. Мужчина, как я подчеркивала, находится в том возрасте, когда его сексуальные возможности угасают, и этот спад будет постоянно прогрессировать. В то же время девушка, бесконфликтно введенная в мир секса опытным партнером, быстро развивается, и ее требования

начинают возрастать. Когда она в возрасте тридцати лет доистагает расцвета своих сексуальных возможностей, ее партнер, миновав пятидесятилетний рубеж, в принципе заканчивает свою активную жизнь в этой области. Поэтому, как и в паре: юноша — зрелая женщина, союз молодой девушки со взрослым мужчиной так же непрочен, поскольку лишен совместного будущего. Тем не менее следует признать, что «приобретения» в этой первой любви, сделанные в процессе познания секретов сексуальной жизни, оказывают в последующем определенное влияние (причем не обязательно отрицательное) на жизнь молодой женщины.

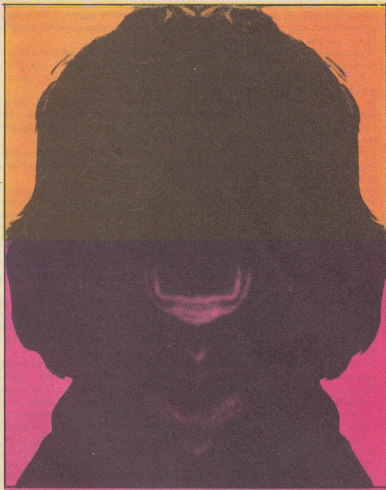
Девушка, перенявшая опыт от своего зрелого друга, сумеет, например, уметь помочь в области секса своему будущему мужу, так как она уже знает, чего можно и необходимо от него требовать. Пара: молодая девушка и зрелый мужчина, имеет еще одно преимущество по сравнению с парой: молодой человек — взрослая женщина. Я имею в виду, что во втором случае партнер — ведомый, подчиняющийся наставлениям женщины, а такой порядок вещей, как правило, не очень нравится мужающим юношам, которые начинают тяготиться материнской опекой.

Молодой парень с неопределенными жизненными планами — всего-навсего ровесник, и поэтому обычно не вызывает у своей подруги ни восхищения, ни уважения. А в жизни женщины одним из самых важных моментов, благоприятствующих любви, является пробуждение воображения и появление чувства восхищения партнером. Он должен нравиться, обязан быть известным, популярным актером, ученым или знаменитым спортсменом, чтобы женщина могла им восхищаться и гордиться. В мужчине зрелого возраста, учитывая занимаемое им должностное, материальное положение и перспективы продвижения по службе, конечно, легче найти воображаемые достоинства, чем в своем соученике.

Перевод с польского
Льва Волгина

Продолжение следует

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

Болит? — Помогите себе сам

Ведет профессор Мак-Иов Риго

У вас заболело горло

Несомненно, среди читателей найдутся знатоки, которым известно, чем отличается тонзиллит (кстати, острый тонзиллит — это не что иное, как ангина) от ларингита и фарингита. Вам это ни к чему. Вы проснулись — и ощутили в области горла дискомфорт. Что-то душит, першит, царапает прогрызающейся наружу болью. Времени у вас мало; как и положено в ваши юные годы, легли вы за полночь и потому проспали; пора бежать на лекции, каж-

Продолжение. Начало в № 4, 6, 7.

дая минута на счету; но поскольку без здоровья никакая наука не впрок, вы разумно решаете потратить на это святое дело минут эдак с десяток. А больше нам и не нужно.

Итак, первая задача: снимаем симптом. В нашем случае это означает не только 1) приведение горла к комфортному состоянию, но и 2) приостановление развития болезни, консервация ее до лучших времен, когда у вас, скажем, найдется хотя бы полчаса, чтобы подлечиться мало-мальски серьезно.

Сами понимаете, снятие симптома полноценным лечением назвать нельзя. Это всего лишь суррогат. Минимальное

действие, рассчитанное на максимальный эффект. Но когда нет времени — выбирать не приходится.

Первая точка, которая нам нужна, находится на большом пальце руки, на 0,3 сантиметра от наружного угла ногтя. Последуем совету коллеги Шина — будем воздействовать на нее любимым ногтем другой руки. Будьте внимательны: мы должны выйти на точку абсолютно точно. Следовательно, топография и миллиметры — это только ориентиры; критерий истины — ощущение. Ощущение остренького укольчика. Боль. Потрогайте ногтем: рядом — ничего, а в этом месте — словно иглу вгоняют. Значит — оно.

И таких укольчиков вы должны сделать не меньше 50.

Точка называется шао-шан. Затем ту же процедуру проделываете на другой руке.

Вторая точка — на ладони. Выше большого пальца на ладони есть подушка. Вот посреди нее и находится искомая точка. Она внемеридианная, поэтому вам не обязательно знать ее название. При болях в горле она очень острая. Нашли? Отлично. Теперь большим пальцем другой руки — подушкой большого пальца — начинаем воздействовать на нее.

Напоминаю главные принципы.

1. Вы воздействуете так, чтобы под работающим пальцем ощущалась не просто боль, но точечная боль — это позволит вам работать максимально точно (а значит, и успешно).

2. Боль должна быть обязательно, но боль — терпимая (идеал — благая).

3. Ваш палец делает еле заметные круговые движения против часовой стрелки. Диаметр — не более 3 мм.

4. Внимание важнее усилия. Значит, сосредоточенность на ощущении должна быть максимальной.

На второй точке вы работаете не меньше 2 минут. Сперва на одной руке, затем на другой.

И последнее место — это яремная вырезка, изгиб кости между ключицами. Здесь у нас три точки (тоже внемеридианные): одна у основания вырезки, и две — по бокам. Обрабатывать их удобнее всего подушкой указательного пальца.

Хотя бы по минуте на точку — уже хорошо; но если в вашем распоряжении останется еще минута-другая, потратьте их на обработку того места вырезки, где боль самая острая. Не пожалейте.

Сделаем?

Теперь смело можете бежать на лекции. Уверен: минут через 10—15 вы обнаружите, что горло вас почти не беспокоит.

К сожалению, лентяи — а таких подавляющее большинство — этим обычно и ограничиваются. Но вы к ним не принадлежите; вы помните,

1) что симптом (в данном случае — боль в горле) — это только герольд болезни, которая несравненно больше и опасней, чем вы себе представляете;

2) что любая болезнь не ограничивается кусочком тела, а охватывает все тело целиком, больное же место — это только ее плацдарм;

3) что любая болезнь связана с колоссальной потерей энергии, которую организм тратит на борьбу с болезнью. Значит, если вы не поможете организму, потеря энергии немедленно скажется на всех ваших делах, в том числе и учебных. (Догадываюсь, что именно это вас беспокоит не очень, но не предупредить об этом я не имею права.)

Итак, вы решили помочь своему организму всерьез. Добить болезнь. Святое дело! В таком случае не откладывайте эту работу на завтра, приступайте к ней немедленно.

Для начала повторите уже проделанную вами мини-программу еще раз. Интервал между обоими сеансами, скажем, в полчаса — это как раз то, что требуется. Я помню, что со временем у вас плохо, но ведь и особые условия вам не нужны! Работать на пальцах и яремной вырезке можно и в автобусе по дороге в институт; да и на лекции тоже — кто вам помешает?

Напоминаю: на втором сеансе боли на всех точках обострятся — воспаление стекает к ним. Это вас ни к чему не обявляет, кроме одного: работайте деликатней. У вас не должно возникать ассоциаций с пытками.

Если второй сеанс вы проведете удачно, то после него наверняка дискомфорт уйдет из

горла совсем. И все же самых добросовестных я попрошу через два-три часа прокатить программу и в третий раз. Не пожалейте!

Кстати, если вы исполнили мини-программу — и ваш пыл не угас, можете добавить к ней работу на ушах. Здесь ваша главная точка — у основания мочки. Можно прицелить ее пальцами и прижимать, вызывая ощущение укалов, можно просто покалывать ногтем — кому как нравится. Делается это — пока не надоест (едва появится малейшая скука от работы — тут же ее прекращайте; скука — это симптом нарастающей усталости; работать вопреки ей глупо: толку почти ничего, а вред может быть большой; значит, при скуке выход единственно: немедленно поменять занятие) или пока не онемееет точка. Желющие продолжить это упражнение могут обследовать весь завиток уха (край его), прицеливая его с двух сторон пальцами. Там, где найдете больные места — работайте. Помогает хорошо.

Теперь рассмотрим случай, когда вы богаты временем.

При этом мини-программа остается в силе, но она обрастает работой, которая, помимо 1) снятия дискомфорта и 2) консервации очага болезни, позволяет еще и 3) нормализовать энергетические процессы в организме, то есть ликвидировать болезнь полностью.

Имейте в виду: горло лечится точками на руках, поэтому именно здесь совершается 75 процентов работы. Точки на шее — хотя они непосредственно примыкают к горлу — можно считать вспомогательными. Они помогают снять местный воспалительный процесс и перекрыть утечку энергии. Будем считать, что на них приходится (и по усилиям, и по времени) еще 20 процентов работы. Наконец последние 5 процентов на точки, которые позволяют охватить работой весь организм; значит — соединительная и точки на ногах.

Итак, полная программа начинается все с той же шао-шан (11-1): первая цифра — номер точки, вторая — номер меридиана) и с точки на ладони выше большого пальца.

Затем — шан-ян (1-11). Она — на указательном паль-

це под углом ногтя. Покалываем ее, как и шао-шан, не меньше 50 раз.

Затем уже знакомая вам по предыдущему уроку эр-цзянь (2-11) — у основания указательного пальца.

Дальше — хэ-гу (4-11). Мы о ней столько говорили, что, надеюсь, вы уже работаете на ней безошибочно.

Пянь-ли (6-11) вы тоже знаете — на этой же линии выше запястья.

Но следующую — ле-цзе (7-1) — вы встречаете впервые. Запомните ее хорошо: она, как и хэ-гу, входит в число важнейших и еще не раз нам пригодится. Ее найти легко: на полпути от точки пянь-ли к запястью, только перевалив через лучевую кость.

Соединительная точка вам уже знакома. Это чэн-ци (1-III) — она на нижнем крае глазной орбиты, прямо под зрачком.

На горле — к работе на яремной вырезке — можете добавить еще три точки. Они находятся между щитовидным хрящом и грудинно-ключично-сосцевидной мышцей. Сверху вниз: жэнь-ин (9-III), шуй-ту (10-III), ци-шэ (11-III).

Точки на ногах вам тоже знакомы. Это нэй-тин (44-III) и ли-дуй (45-III) — у основания второго пальца ноги и у корня его ногтя.

Этих точек больше чем достаточно, чтобы вылечить горло с гарантией, что в следующий раз оно побеспокоит вас очень не скоро. Но самым добросовестным я посоветую включить в программу еще две точки:

цуй-чи (11-II) — на локтевом суставе снаружи — и чи-цзе (5-I) — на конце локтевой складки, над цуй-чи.

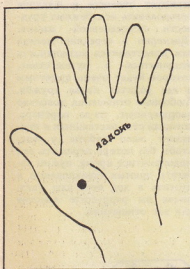
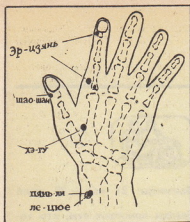
Пока эти две точки чувствительны, ваша защита от простудных заболеваний не много стоит. Но если они молчат — поздравляю: даже и коварный грипп вам не страшен.

Желаю легкой руки!

Этот урок нам показался проще предыдущего, вопросов ни у кого не возникло, и все же главный редактор посоветовал:

— Разыщите Володу Шина. Пусть глянет глазом мастера. Мало ли что. В таком деле — под страховать никогда не вредно. А то и чего умного еще добавит...

Анализ тела. Реальный подход

Перед тем как начать тренировки, очень важна точная оценка ваших данных, вашего тела. Иными словами, нужно понимать: какой у вас тип сложения.

Фигура бывает стройной, коренастой, атлетической.

Правда, уже сразу нужна оговорка: необходимо принимать во внимание, что эти три типа довольно условны, не разграничиваются резко один от другого. Большинство из нас имеют фигуру смешанного типа.

И все-таки, все-таки необходимо различать доминирующие черты нашего телосложения.

Стройная фигура. Человек имеет легкие, тонкие кости и длинные худые мышцы. Человеку, принадлежащему к этому типу, довольно трудно набрать большую массу мышц.

Коренастая фигура. В этом случае усиленная костная система. У людей этого типа довольно быстро увеличиваются мышцы.

Атлетическая фигура. С анатомической точки зрения — это идеал для занятий культуризмом. Такие люди большей частью высокие, ладные или, как мы обычно говорим, гармонично сложенные. Они легко добиваются пропорционального развития мышц и массы тела.

Но, конечно же, весьма важен волевой фактор, о котором говорили в прошлый раз. При лю-

бом типе телосложения можно добиться зримых результатов. Хотя у каждого типа есть границы самоосуществления, потенциал этих трех типов фигур различен.

В конечном счете все зависит от собранности и целеустремленности человека. Даже представитель первой группы может добиться успеха и стать обладателем великолепного тела, стать чемпионом.

Прежде чем начать тренироваться, вы должны пройти тщательный медицинский осмотр. Если вы здоровы, если нет противопоказаний, то ваша встреча с врачом не отнимет у вас много времени, но отбьет охоты заниматься атлетической гимнастикой.

Но если есть противопоказания, вы должны оставить мысль о насыщенных тренировках в зале культуристов до тех пор, пока не преодолите недостатки своего организма.

К тренировкам необходимо приступать с осторожностью, нагрузки увеличивать постепенно.

Перед тем как начать тренировки, нужно приобрести знания о питании, способствующем наращиванию мышц.

Культуризм иными словами можно назвать так: построение тела.

Надо помнить, что тренировки развивают мышцы. Но для увеличения их массы требуется особый «материал». Каковы же основные аспекты правильного питания?

Как известно, имеются три группы питательных веществ: белки, углеводы и жиры. Все они необходимы для уравновешенного насыщения организма. Культурист должен формировать свой дневной рацион, пользуясь таблицей калорий — в сочетании с характеристиками питательных веществ. Вы должны знать, например, сколько белков, углеводов, жиров содержится одна порция.

Белки способствуют созда-

Помните: 1. Вырезая миндалины, вы разрываете свою иммунную защиту.

2. У человека с нормальной энергетикой горло не болит никогда.

3. Боль в горле — это знак, что где-то на желудочно-кишечном тракте вы имеете хроническое воспаление.

От редакции. После того, как мы опубликовали урок № 7 о лечении зубов, к нам пришло много писем с просьбой печатать простейшие схемы расположения точек. Мы с удовольствием это делаем.

Продолжение следует

нию тканей, сохранению их и регенерации. При среднем весе человека на каждый килограмм его веса необходим грамм белка. Для культуриста на каждый килограмм веса тела необходимо два грамма белка. А для тех, кто выполняет усиленную программу, это соотношение меняется до 3 граммов белков на килограмм тела.

Наиболее ценный белок содержится в яйце, рыбе, птице, мясе, молочных продуктах. Еще большее значение имеют белки растительного происхождения, находящиеся в фасоли, рисе, кукурузе, горохе, различных орехах. Чтобы организм активнее усваивал, лучше употреблять их вместе с белками животного происхождения.

Углеводы снабжают нас необходимой энергией, чтобы перерабатывать, например, белки.

Жир также является важным элементом питания. Он дает тепло, обеспечивает оптимальную работу различных органов и тканей.

Кроме этого, он является создателем витаминов А, Д, Е.

Если мы нормально живем и нормально питаемся, то можем не бояться нехватки витаминов в организме. Но усиленные тренировки выводят организм из равновесия. Для поддержания нормального обмена веществ нужно принимать витамины.

Продолжение следует

ДРУЗЬЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Привет из Болгарии

Я студент сельскохозяйственного института. В этом году читаю ваш журнал впервые. На 1990 год буду его выписывать. Очень нравятся рубрики «Политический семинар», «Человек и его возможности», понравился разговор с В. Астафьевым. Меня интересует жизнь советских студентов.

Мой адрес: НР Болгария, 5000; гр. Велико Тырново, ул. Полатва № 5, вх.Г ап. 19 — Роман Рачков.

Октябрь

Овен: 21 марта — 20 апреля

Вторая декада месяца благоприятна для рождения новой любви, а тот, кто уже связан любовью, тоже почувствует благоприятное влияние особого расположения звезд, которое придаст новые краски не слишком радужным love story. Тем не менее необходимо все свободное время посвящать партнеру, а не властолюбивым друзьям. Любовь должна играть главную роль в этот период, такой счастливый и благодарный с точки зрения чувств. Финансовые трудности еще не до конца преодолены, но ситуация по сравнению с прошедшими месяцами значительно улучшилась. В общем, вы можете прожить этот нежный и ласковый месяц в мире и спокойствии.

Бык: 21 апреля — 20 мая

Достаточно спокойный месяц: лишь в первые дни некоторые волнения из-за особого расположения звезд, которое может стать причиной любовных страданий. Это негативное влияние коснется прежде всего рожденных 4 и 5 мая, которые почувствуют неудовлетворенность своей нынешней любовной ситуацией. С точки зрения работы, звезды благоприятствуют рожденным в конце апреля — начале мая, у них успешно реализуются их честолюбивые планы, от которых они уже собирались отказываться. Остальным следует избегать слишком рискованных проектов и финансовых операций, где нет гарантии получения дохода: они могут быстро пожалеть об этом.

Близнецы: 21 мая — 20 июня

Звезды помогают тем, кто хочет добиться успеха, кто демонстрирует смелость и желание преодолеть неизбежные трудности повседневной жизни. Примерно в середине месяца вам представится возможность отправиться в путешествие, которое будет очень приятным и где родится новая дружба. Любовные отношения довольно напряженные, из-за партнера, который стал рассеянным и проявляет мало заботы о вас; чтобы без потерь пережить это малоприятное время, нужно избегать прямых столкновений и пустить в ход весь ваш такт, иначе вы разрушите дорогие для вас отношения.

Рак: 21 июня — 22 июля

Неожиданности, новые события в семье и на работе ожидаются почти всех представительств этого знака. Будут возникать непривычные, хотя и не неприятные для вас ситуации, которые возбудят у вас подозрения и ошеломят. В этом месяце расположением богов пользуются рожденные в июле: у них жизнь будет легкой, успехи — осязательными, некоторые станут знаменитыми: первые пять дней особенно важны и полны приятных сюрпризов, как на работе, так и в личной жизни. В любви все встанет на счастливые рельсы, и обстановка в семье тоже будет спокойной. На здоровье может отразиться легкое желудочное недомогание.

Лев: 23 июля — 23 августа

Пробуждаются любовные чувства и приносят вам большой заряд энтузиазма, заражающий партнера. Это делает ваши отношения стабильными и приносящими радость. Поэтому нет смысла терять время на мало-важный флирт; это принесло бы лишь разочарование: в отношениях с партнером не прислушивайтесь к советам тех, кто старается на вас повлиять. Погрузившись полностью в любовные дела, вы начнете мало отдавать себя работе. Будьте осторожны, из-за этого у вас могут быть неприятности.

Дева: 24 августа — 23 сентября

В этом месяце звезды готовят много радостных минут рожденным в августе. Однако им не следует почитать на лаврах и ждать поцелуев от судьбы: если они хотят добиться успеха, им нужно серьезно и по-настоящему потрудиться. Только в этом случае они смогут проявить себя и получить заслуженную оценку начальства. В любви барометр будет показывать бурю для всех рожденных под этим знаком; если вы не хотите подвергнуться риску разрыва с партнером, вам нужно идти на уступки и найти какой-то компромисс, хотя это и против ваших принципов.

Весы: 24 сентября — 23 октября

В первой половине месяца ничего существенного не произойдет, затем наступает очень благоприятное время для всех финансовых дел. Рожденные в на-

чале октября должны найти свое место в новом коллективе, завоевать доверие коллег и начальства. В личной жизни все идет нормально: у вас много приглашений, много новых знакомств и волнующих признаний. Физическая форма достаточно хорошая, но будьте осторожны в период похолоданий: переохлаждение не приносит пользы этому знаку.

Скорпион: 24 октября — 23 ноября

Жизнь течет как всегда, ничего не нарушает обычной житейской суеты. Для вашего живого характера, всегда требующего новых ощущений, все это очень утешающе. В подобном состоянии достаточно малейшего возражения, банальной размолвки, чтобы почувствовать себя покинутым и одиноким. Месяц оживает после 15-го, и особенно во всем, что касается работы, где будут неожиданные события. Воспользуйтесь этим удачным временем и постарайтесь схватить на лету многочисленные возможности, которые оно вам предоставит. В любви, напротив, никаких изменений.

Стрелец: 24 ноября — 22 декабря

В этом месяце надо жить любовью: остальное не имеет значения. Каждая любовная история будет необыкновенно интенсивной, а старая любовь приобретет новые краски; те, кому возраст уже не позволяет любить, сосредоточат свои интересы в кругу семьи, на тех, кто им дорог. В этом месяце нежности работа отодвигается на второй план, но, к счастью, на делах это не отражается. В общем, все идет прекрасно.

Козерог: 23 декабря — 20 января

Не совсем благоприятный месяц: проблемы касаются в основном финансовых вопросов, которые в этот период довольно неприятны. Необходимо разумно тратить деньги, избегая ненужных покупок. На работе тоже не все гладко: ваши усилия не принесли желаемых результатов. Но не следует терять надежду: у кого хватит сил продолжать бороться, тот добьется цели и осуществит планы, которые ему дороги.

Водолей: 21 января — 19 февраля

Работа будет, как и прежде, отнимать много сил, но благодаря вашим великолепным организационным способностям станет менее напряженной. Вас оценит начальство, возможно, вы получите прибавку к зарплате. Личная жизнь вновь станет радостной, потому что у вас будет больше времени для партнера. Это очень благоприятный период для путешествий, как служебных, так и личных.

Рыбы: 20 февраля — 20 марта

Вы все еще пользуетесь расположением звезд, которые создают вокруг вас атмосферу благополучия и спокойствия. В любви все прекрасно, и будущее обещает бесконечные радости. Работа также приносит удовлетворение, как моральное, так и материальное. Единственные неприятности могут возникнуть с родственниками, но вы благодаря вашей житейской мудрости решите их самым лучшим образом.

Не расставляя фигур

Под редакцией
Анатолия Карпова

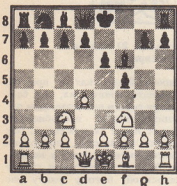
До сих пор мы приводили красивые партии, сыгранные в серьезных, ответственных соревнованиях. Но неверно было бы думать, будто только так и рождаются шедевры. Вот, например, сыгранная в Лондоне в 1911 году легкая партия (иногда встречаются утверждения, что это была даже «пятиминутка»).

Эд. Ласкер —

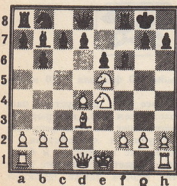
Д. Томас

Голландская защита

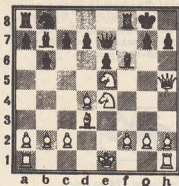
1.d4 f5 2.Kf3 e6 3.Kc3 Kf6 4.Cg5
Ce7 (точнее 4...d5) 5.C:f6 C:f6.

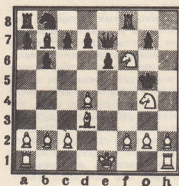
6.e4 fe 7.K:e4 b6 8.Cd3 Cb7
9.Ke5-0 (защищаясь от угрозы
10. Фh5+).

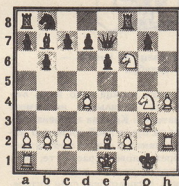
10.Фh5! Фe7 (грозило 11.K:f6+,
теперь же черные рассчитывают
на этот ход ответить 11...gf;
следовало играть 10...C:e5).

11.Ф:h7+!! Kp:h7 12.K:f6+
Kph6 (12...Kph8 — 13.Kg6×)
13.Keg4+ Kpg5.

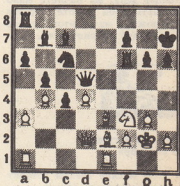
14.h4+ Kpf4 15.g3+ Kpf3
16.Ce2+ (можно и 16.Kpf1, а
затем 17.Kh2×) 16...Kpg2
17.Lh2+ Kpg1.

18.Kpd2× (по иным источни-
кам — 18.0-0×, что, конечно,
еще эффективнее: мат рокиров-
кой, да еще длинной!).

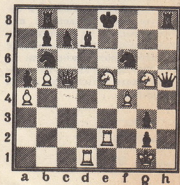
В приведенной рядом «легкой» миниатюре Эд. Ласкер — Д. Томас блестящая комбинация была основана на завлечении неприятельского короля под раскрытый двойной шах. Это чрезвычайно грозное тактическое оружие, и применить его удается, разумеется, очень редко. Но зато как эффектно и эффективно завершаются подобные комбинации!

Попов — Рюмин
(Москва, 1925 г.)

1...Л:f3! 2.C:f3 Ф:f3+!!
3.Kp:f3 K:d4+ 4.Kpg4 Cc8+
5.Kph4 Kf3×.

Из книги Стаммы «Опыт о
шахматной игре» (1737 г.)

1Фe7+!! Kp:e7 2.Kg6+ Kpd8
3.Kf7+ Kpc8 4.Ke7×.

читайте на страницах «Студенческого меридиана»: Сергея Аверинцева, Виктора Астафьева, Василия Белова, Михаилу Вислюкову, Джуну Давиташвили, Дэйла Карнеги, Станислава Лема, Алексея Лосева (из творческого наследия), Агату Кристи, Жоржа Сименона, Юрия Кузнецова, Роя Медведева, Валентина Пикуля, Валентина Распутина, Мак-Иова Риго, Владимира Солоухина, Арнольда Шварцнеггера, Зигмунда Фрейда (афоризмы). Готовятся к публикации интеллектуальные биографии крупнейших мыслителей XIX—XX веков — от Чаадаева до Бердяева. В рамках акции журнала «Знай соседа» вам будут предложены конкурсы «Снова в Альпы» (проводится совместно с молодыми экологами ФРГ), а также осуществление проектов с нашими партнерами в США, Канаде, Бельгии и Китае. Наш индекс — 70932. Подписная цена — 3 руб. 60 коп. В розничной продаже журнал практически не бывает. У нас с вами, дорогие читатели, сложился творческий диалог, и последний год вы более активно участвуете в создании журнала. Обращаемся к вам с очередным предложением — присылайте заявки на интересующие вас темы. Постараемся их учесть при подготовке номеров следующего года.

«Мое представление о развитии рока»

Михаил Седых

Любители рок-музыки, наверно, уже с большим нетерпением ждут результатов конкурса, объявленного в № 7 за прошлый год. Как вы помните, мы вам предложили древо рок-музыки, попросили его осмыслить, а при необходимости дополнить, прокомментировать и ответить на ряд вопросов.

Итогом вашей совместной работы будет нынешняя публикация.

В ней автор, Михаил Седых, изложил свое видение рок-древа. Нам думается, что его схема заслуживает вашего внимания. Поэтому мы ее приводим целиком (№ 9, 10) и даем небольшое разъяснение автора. Вторая часть его работы будет опубликована в следующих номерах.

Она расскажет о различных стилях рока, которые приведены в его схеме рок-древа.

Следует только оговориться, что каждый имеет право на свой вариант рок-древа. Не спешите упрекать нас и автора в каких-либо ошибках. Лучше включайтесь в заочную дискуссию о развитии рока, все желающие могут вступить в спор, высказать замечания и предложения.

Теперь — слово автору...

Дело в том, что историей рока я занимаюсь давно, перечитал массу литературы по данному вопросу (в том числе и зарубежной). И это дает мне основание коренным образом пересмотреть и изменить публикуемую в № 7 таблицу. В принципе она достаточно удобна, и я взял ее за основу составления собственной схемы, которую считаю более полной — и одновременно с этим объективной, куда не включил многих своих любимых исполнителей («Джетро Талл», «Мариллион», Питера Габриэла и т. д.), так что в тенденциозности меня вряд ли можно обвинить.

Кроме того, считаю, что недопустимо ограничивать репрезентацию направления одним музыкантом или ансамблем, поэтому там, где нужно, ставил 2—3 исполнителя. Я также старался как можно точнее придерживаться временных рамок возникновения каждого стиля (или же времени его массового распространения).

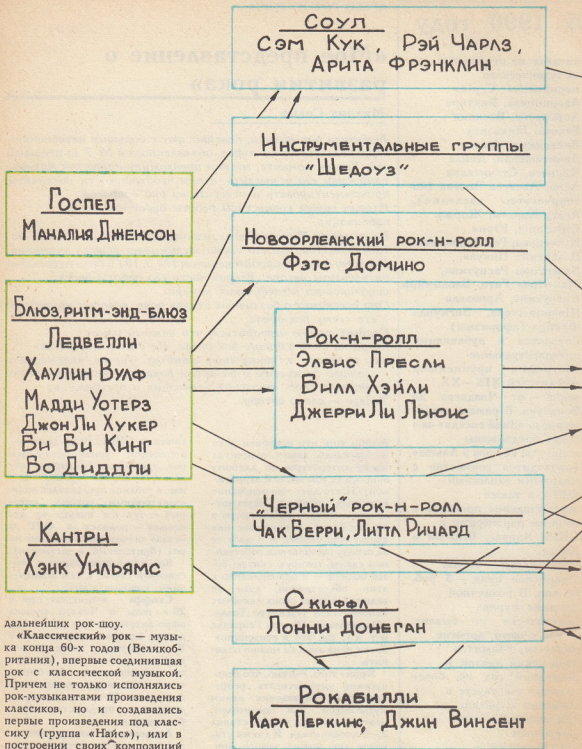
А вот советскую рок-музыку, мне думается, сюда включать не стоит, поскольку рок все-таки родился и формировался преимущественно в Великобри-

тании и США. Ведь даже европейский континентальный рок, у которого традиции, согласитесь, все же глубже, чем у нас, в таблице представлен лишь «электронным роком», который — тут уж куда не денешься — родился в ФРГ и оказал значительное влияние на рок (британский, в частности).

Вот мои комментарии к собственной схеме, к тем дополнениям, которые я внес.

Скиффа — возникшая еще в 20-е годы в Чикаго музыка афро-американского происхождения, которая возродилась в Великобритании после второй мировой войны как реакция на коммерческие биг-бенды, а затем всплыла на поверхность в середине 50-х, став непосредственным предшественником бит-музыки.

Лондонский андерграунд — мощное течение второй половины 60-х, опиравшееся на философию хиппи, музыкальные традиции фри-джаза, композиторов-авангардистов и психоделический рок — с элементами английского фольклора. Именно здесь начинались эксперименты со звуком в рок-музыке и закладывались основы

дальнейших рок-шоу.

«Классический» рок — музыка конца 60-х годов (Великобритания), впервые соединившая рок с классической музыкой. Причем не только исполнялись рок-музыкантами произведения классиков, но и создавались первые произведения под классику (группа «Найс»), или в построении своих композиций они использовали приемы, характерные для классики, что чуть позже еще больше развили музыканты арт-рока.

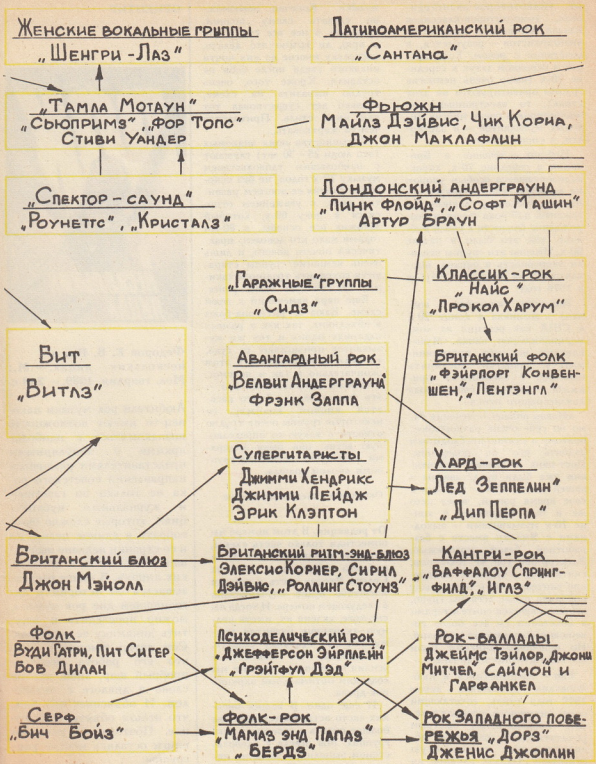
Британский фолк — по-моему, просто необходимо выделить британский фолк-рок в отдельную ветвь, ибо с фолк-роком американским общего

очень мало — только форма. А корни у них (и, соответственно, музыка) совершенно разные.

Рок Западного побережья — понятие довольно широкое, включавшее в себя практиче-

ски всю музыку юго-западных штатов США, стилистически хоть и разнородную, но все же имеющую общие сходные черты. Особенно следует здесь выделить «Дорз» и Дженнис Джоплин, оказавших немалое

влияние на американскую музыку.

Техно-рок — возник в конце 60-х — начале 70-х; я намеренно разбил его на подгруппы, поскольку трактование у термина двойное: 1) техническое со-

вершенство музыкантов и 2) их техническая оснащенность. К первой группе относятся представители арт-рока, синтезировавшие приемы построения композиций от классики, мелодики от рока и английской на-

родной музыки и импровизирование — от джаза. Арт-рок наряду с хард-роком играл доминирующую роль в рок-музыке Британии первой половины 70-х. Вторая часть техно-рока — электронный рок, шедший

от композиторов-авангардистов, композиторов-классиков начала XX века и джазистов-авангардистов — разумеется, в сочетании с роком. Если арт-рок в основном затух к середине 70-х (ныне очень немногие группы ориентируются на этот стиль), то электронный рок инспирировал очень многих молодых музыкантов — в частности, в «новой волне».

Паб-рок — течение в Британии в середине 70-х, характеризовавшееся особым упором на любительство, непрофессионализм, поскольку главным музыканты паб-рока считали возрождение близости к своей публике, как это было в начале 60-х. Именно эти группы вселили уверенность в панков, вырвавшихся на подмостки клубов в 1976 году.

Ноу-уэйв («никакая волна») — возникла в конце 70-х в США как реакция на коммерциализацию панка. Музыкантами ноу-уэйв предпринимались попытки соединить панк-рок с элементами фриджаза и создание своего рода «авангардного панка».

«Новая волна» — течение само по себе очень разнородное, поэтому я считаю необходимым разбить его на подгруппы. **Пост-панк** и «новые романтики» уже были представлены в вашей схеме. **Ска** — породил в свое время рэггей, через него же и был возрожден в конце 70-х музыкантами — выходцами с Ямайки вместе с безработной белой молодежью. **Электро-поп** (он же техно-поп, синти-поп) — широкое внедрение синтезаторов в рок-музыку породило целые легионы групп, ограничившихся синтезаторами в сочетании со все более совершенной студийной техникой. Но основоположниками были все-таки именно англичане.

Рэп — взорвавшийся в нью-йоркских дискотеках летом 1979 года стиль, сочетающий очень ритмичную музыку с текстом, произносимым быстрым речитативом и создающим дополнительную ритмическую структуру. Оказал влияние на поп-музыку 80-х, поскольку этим приемом стали пользоваться многие музыканты в рамках других стилей.

Вот, пожалуй, таким мне и представляется развитие рок-

музыки. Конечно, невозможно сделать схему полной, включить в нее все стили. Да и вряд ли нужно это делать, поскольку многие из них почти никакого следа после себя не оставили. Кроме того, очень трудно выразить на схеме, сколько лет существовал тот или иной стиль. Приходится чем-то жертвовать...

Большинство моих знакомых (это люди 25—30 лет) слушают с наибольшим удовольствием музыку 70-х годов, не без основания считая ее апогеем развития рока, с уважением относятся к року 60-х, который заложил все основы, а 80-ми годами мало кто доволен: практически ничего нового, и лишь очень немногие группы стараются сохранить традиции такими, какими они были ранее.

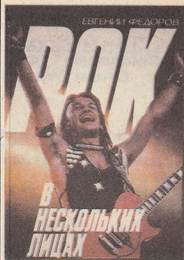
Еще пара замечаний к моей схеме. Блюз и ритм-энд-блюз я объединил, так как в разных изданиях одних и тех же музыкантов причисляют то туда, то сюда, и разобраться в этом окончательно я так и не смог. Тем более что ритм-энд-блюз — это форма блюза. А что касается «новой волны», то некоторые группы очень трудно отнести в какую-то определенную ветвь: они были лидерами, и их просто называют группами «новой волны».

Окончание в следующем номере

От редакции. В этом номере мы поместили только часть схемы, которую предлагает для дальнейшего обсуждения Михаил Седых. Вторая часть в том же масштабе будет опубликована в следующем номере. И тогда вы сможете, склеив их, иметь полную «картину» развития рок-музыки «по Михаилу Седых». Надеемся, что совместные усилия не пропадут даром и мы создадим оптимальный вариант рок-древа.

И еще одно. В ваших письмах часто встречается просьба больше писать о советских рок-группах. Мы всегда с удовольствием выполняем желания наших читателей. Поэтому назовите те группы, с которыми вы в первую очередь хотели бы встретиться на страницах журнала.

ОРИЕНТИР

Федоров Е. В. Рок в нескольких лицах. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 248 с.

Любители рок-музыки наконец-то имеют возможность познакомиться с наиболее яркими и популярными представителями различных направлений советского рока не только по газетным и журнальным публикациям, которые сложно было собрать в единое целое, но и со страници недавно вышедшей книги «Рок в нескольких лицах». В книге рассказывается об истории и сегодняшнем дне рок-музыки, можно проследить и ощутить динамику ее развития. Сам автор говорит о том, что его работа все-таки пробный шар, лишь первое слово в диалоге с читателем. И объясняет это тем, что нельзя объять необъятное. Поэтому за рамками книги остались многие рок-группы.

Передаем вам просьбу Евгения Федорова. Кого бы вы хотели увидеть на страницах очередного издания? В чем вы согласны или не согласны с автором и музыкантами?

СТМ представляет: группа «U2»

BRavo
U2

«Молодая гвардия» предлагает...

Книги издательства «Молодая гвардия» знают не только в нашей стране, но и за рубежом. И это вполне понятно. Ведь лишь у нас выходит уникальная серия «Жизнь замечательных

людей», которая познакомила читателей со многими выдающимися деятелями мировой науки, культуры, искусства. Не менее популярны

серии книг «Прометей», «Эврика», «Стрела». С издательством «Молодая гвардия» сотрудничают крупнейшие советские писатели.

